

№ 5

Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1968

СЕНТЯБРЬ — ОКТЯБРЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

Л. Э. Князева. Об одном полемическом средстве в публицике В. И. Ленина	3
ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	
Ф. Г. Бирюков. По поводу «лимоиада» в оде «Фелица»	7
М. Н. Нестеров. Особенности стиля Ю. Тынянова.	13
Н. А. Янко-Триницкая. Вольности устной речи	22
Е. А. Акулова-Богородская. Как вас зовут?	30
В. А. Мызина. Все и каждый	39
ВЫДАЮЩИЕСЯ СОВЕТСКИЕ ЛИНГВИСТЫ	
Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич. Лев Владимирович Щерба	42
Л. В. Щерба. Словарь академический и словарь-справочник	46
КУЛЬТУРА РЕЧИ	
Ю. В. Солоницын. Как расставить слова?	54
Н. С. Валгина. Знаки препинания... зачем они?	60
Г. А. Мамаев. Ударение в сложносокращенных словах	66
В. С. Гимпелевич. Кирзовый или кирзбый?	70
Н. М. Громова.— Я держу...— Держишь или удержишь?	74
ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИИ	
Г. Н. Лукина. Драгоценные камни в Древней Руси	78
Н. В. Чурмаева. Что ели русские люди в древности?	82
И. С. Улуханов. Превзойти. Превознести. Преставиться	86
А. С. Львов. Восхитительный. Хитрый. Опасный	88
В. С. Филиппов. Опера	91

Ю. Д. Левин. «За человека страшно»	93
Н. П. Агафонова, Л. И. Ройзензон. «По Петровке пачками нэпачи с нэ- пачками...»	97
Б. С. Шварцкопф. Лебединая песня. «Есть мушкетеры, есты!»	102
НОВЫЕ СЛОВА	
К. А. Логинова. Хобби и хоббисты	107
М. С. Лапина. Из истории БУСов	110
ВВЕДЕНИЕ В ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
И. Г. Добродомов. Почему убегают гласные?	112
В. Ф. Коннова. Общеславянский лингвистический атлас	117
НОВЫЕ ИЗДАНИЯ	
В. И. Борковский. Русский азбуковник XVII века	124
С. Е. Морозова. «Мовознавство»	127
А. П. Критенко. Этимологические заметки	129
ЗА РУБЕЖОМ	
В. Я. Мыркин. «Sprachpflege»	132
В. Шмидт, И. Шерцберг. Профессиональные языки и общенародный язык	134
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	139

---

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

«РУССКАЯ РЕЧЬ» отчитывается

РЕДАКЦИЯ ПРОВОДИТ ВСТРЕЧИ С ЧИТАТЕЛЯМИ ЖУРНАЛА

В МОСКВЕ

23 октября в 19 часов в Городской публичной библиотеке им. Н. А. Некрасова (Большая Бронная, 20/1)

21 ноября в 18 часов в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина (проспект Калинина, 3)

24 декабря в 19 часов в Читальне-им. И. С. Тургенева (Кировские ворота, Тургеневская площадь, 1)

В ГОРЬКОМ

29 октября в 18 часов в выставочном зале Горьковской областной библиотеки им. В. И. Ленина (ул. Фигнер, 3)

В КАЛИНИНЕ

22 октября в 16 часов в Доме работников просвещения (ул. Советская, 56)

В ПЕРМИ

15 ноября в 19 часов на филологическом факультете Пермского государственного университета (ул. Генкеля, 7, аудитория 1).

ОБ ОДНОМ ПОЛЕМИЧЕСКОМ СРЕДСТВЕ В ПУБЛИЦИСТИКЕ В. И. ЛЕНИНА

Постановка вопросов о возможности разного истолкования крылатых слов и о допустимости употребления их в исконной иноязычной форме в русской речи весьма своевременна, так как интерес к культуре речи все более усиливается.

Нельзя не согласиться с утверждением Б. В. Горнунга: «Использование иноязычных афоризмов, не имеющих точного **фразеологизованного** эквивалента в родном языке, вполне допустимо в литературной речи даже самых строгих пуристов и борцов против засорения языка иностранными словами. Это широко использовали в немецком языке Маркс и Энгельс, в русском Пушкин, революционные демократы и Ленин...» (Б. В. Горнунг.— «Вопросы культуры речи», VIII. М., 1967).

Действительно, читатель ленинских произведений не может не заметить вкрапленные в русский текст иноязычные выражения, получившие в лингвистической литературе название нетранслитерированных (т. е. не расставшихся с тем буквенным обликом, который присущ им в языке-источнике). Возникает вопрос, нет ли противоречия между речевой практикой В. И. Ленина и его призывом бороться за чистоту русского языка. Противоречия никакого нет. О правильном, недогматическом понимании борьбы В. И. Ленина за культуру русской речи уже не раз писали лингвисты (Е. А. Василевская.— «Русский язык в школе», № 2, 1961; Ф. П. Сороколетов.— Там же, № 2, 1962). В. И. Ленин никогда не был против иностранных слов вообще. Он был против употребления иностранных слов без надобности и особенно против неправильного их употребления. Знакомство с этими ленинскими принципами поможет выявить критерий допустимости иноязычных выражений в русской речи с точки зрения ее культуры. Наиболее важными представляются следующие моменты.

1. Использование иноязычных слов и афоризмов должно быть оправдано задачами высказывания, должно быть соразмерным и не переходить в словесное щеголяние. Известно, что большинство ленинских произведений носит полемический характер и выбор стилистических средств обусловлен целями полемики. Свое частое обращение к крылатым словам В. И. Ленин объясняет так: «Бывают такие крылатые слова, которые с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» (Полное собрание сочинений. Т. 25, стр. 138). Поэтому он вносит в свою речь идиомы, независимо от того, какого они происхож-

дения, используя их не для украшения речи, а для большей убедительности в спорах с идейными врагами, т. е. в качестве острого полемического средства.

2. На употребление иноязычного афоризма имеет право лишь тот, кто правильно понимает его смысл. В. И. Ленин не только знал и понимал использованные им афоризмы, но и блестяще владел теми иностранными языками, из которых их черпал.

3. Обращение к иноязычным выражениям должно учитывать подготовленность аудитории. В спорах с профессорами-кадетами, с махистами и т. п. В. И. Ленин мог отвлекаться от принципа популярности и не снабжать переводом латинские, французские и другие выражения. Но когда Ленин обращался к более широкому читательскому кругу, он не только переводил, но и толковал, пропагандировал меткие иноязычные изречения. Здесь Ленин полностью разделяет позицию Энгельса, замечание которого он цитирует: «Не беда, если когда и встретится какое-либо иностранное слово или фраза, непонятная на первый взгляд во всей ее широте. Устный доклад на собраниях, письменное разъяснение в печати дадут все, что необходимо, и тогда краткая, выразительная фраза, раз понятая, запечатлется в памяти, станет лозунгом, чего никогда не бывает с многословными рассуждениями» (т. 6, стр. 220).

К миллионным массам, жившим до Октября в страшной, беспросветной темноте, В. И. Ленин рекомендовал обращаться просто и ясно, без «иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе» (т. 14, стр. 92).

Ленинское полемическое слово сравнивают с боевым оружием: оно беспощадно бьет врагов. Образцом «боевого оружия» в трудах В. И. Ленина признано использование многих крылатых слов, пословиц и афоризмов. Ярким примером этого может служить применение формулы из древнеримского права: *do ut des*. Голландский юрист и писатель Гуго Гроций в произведении «О праве войны и мира» (Париж, 1625), ссылаясь на «Дигесты» (свод сочинений классических юристов Рима, имевший силу закона), дает эту формулу в развернутом виде: «*Do ut des, facio ut facias, facio ut des, do ut facias*» (Даю, чтобы ты дал; делаю, чтобы ты сделал; делаю, чтобы ты дал и даю, чтобы ты сделал.—Н. О. Овруцкий. Крылатые латинские изречения. Киев, 1964).

В свое время Бисмарк ответил на предложение Бебеля вступить в контакт с Лассалем: «Отношения не могут иметь характера политических переговоров. Что мог бы Лассаль предложить или дать мне? У него ничего нет. Во всех политических переговорах в основе находится «*do ut des*» даже тогда, когда для приличия об этом пока не говорят». Слова «*do ut des*» стали крылатыми, обозначая политику взаимных уступок.

Краткость и емкость — эти два качества, очевидно, и превратили «*do ut des*» в крылатое слово, в пословицу, по определению

В. И. Ленина. В. И. Ленин трижды обращался в своем творчестве к этой поговорке. Дважды он использовал ее в целях разоблачения своих политических противников.

В 1905 году в заметке «Встреча друзей» В. И. Ленин с помощью «do ut des» срывает покров ложной демократичности с российской буржуазии, которая «вчера кричала на все Европы о бойкоте Думы, а сегодня уже сподличала, взяла свои обещания назад». Крылатое слово — повод, мостик, трамплин для развернутого разоблачения сговора буржуазии с самодержавием: «Друзья встретились и друзья сговорились.. Только младенцы могли бы не видеть того, что соглашение основано на взаимных уступках, на принципе do ut des (я даю тебе, ты даешь мне). Что уступило самодержавие, это ясно: оно разрешило съезд... **Буржуазия обещала самодержавию сбавить свой революционный пыл... Буржуазия обещала на скидочку скидкой ответить...** Друзья встретились и друзья согласились» (т. 11, стр. 238).

«Do ut des» становится формулой, разоблачающей продажность буржуазии. Изречение последовательно разворачивается: переводится на русский язык, беспощадно комментируется подробностями заключенной сделки. Разоблачение сопровождается едкой, саркастической насмешкой, не оставляющей и намек на какое-нибудь «приличие» в политическом поведении буржуазии.

В брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» В. И. Ленин вскрывает подоплеку восторга буржуазной печати по поводу советов рабочим «мудрого и дальновидного, рассудительного и трезвого Плеханова, имевшего мужество восстать против бойкота» (т. 12, стр. 273) выборов в царскую думу. Участие рабочих в выборах неминуемо вело их к сделке с кадетами, и кадеты правильнее и раньше, чем сам Плеханов, поняли действительное значение плехановской тактики. Отсюда и их восторг. «Да, да, недаром, совсем не даром лобзает теперь кадеты Плеханова! Цена этим лобзаниям очевидная. Do ut des, как говорит латинская поговорка: я даю тебе, чтобы ты дал мне. Я даю тебе лобзание за то, что ты своими советами даешь мне лишние голоса. Правда, ты, может быть, вовсе не хотел этого; ты стыдился даже признаться публично в получении наших лобзаний» (т. 12, стр. 281). Вещи названы своими именами, показан их объективный смысл, не зависящий от субъективных благих намерений: игра в парламентаризм ничего, кроме компрометирования социал-демократии, кроме позора, для неё дать не может.

Итак, do ut des использовано как средство разоблачения в двух разных видах полемики: в полемике истребительной, направленной против прямых политических врагов, и в полемике, разъясняющей существо дела товарищам по борьбе. Отсюда и разная степень остроты и эмоциональной окраски выражения: едкий сарказм в первом случае и ироническое сочувствие во втором.

В третий раз В. И. Ленин употребил латинскую фразу в разъясняющей полемике с товарищами по борьбе, но уже не в целях разоблачения, а в целях утверждения собственной мысли о допустимости, когда это нужно, компромисса в политике большевистской партии и Советского государства, в частности, в вопросе о Брестском мире. Известно, что Брестский мир был заключен в силу суровой необходимости, чтобы сохранить завоевание Октября — молодую Советскую республику. Вот как писал об этом В. И. Ленин в 1920 году в своей знаменитой работе «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме»: «Представьте себе, что ваш автомобиль остановили вооруженные бандиты. Вы даете им деньги, паспорт, револьвер, автомобиль. Вы получаете избавление от приятного соседства с бандитами. Компромисс налицо, несомненно. „Do ut des“ („Даю“ тебе деньги, оружие, автомобиль, „чтобы ты дал“ мне возможность уйти подобру-поздорову). Но трудно найти не сошедшего с ума человека, который объявил бы подобный компромисс „принципиально недопустимым“... Наш компромисс с бандитами германского империализма был подобен такому компромиссу» (т. 41, стр. 19).

Здесь, как видим, *do ut des* привлекается для построения развернутого сравнения, с помощью которого наиболее убедительно и наглядно аргументируется мысль о допустимости, даже необходимости компромисса в вопросе о заключении Брестского мира. Здесь *do ut des* получает новую эмоциональную окраску, положительную, одобрительную: принцип политических сделок превращен в лозунг для сохранения завоеванной революции, формула разоблачения становится средством доказательства.

Налицо разная интерпретация одной и той же крылатой фразы в полемических трудах одного и того же автора: то это обличительное средство большей или меньшей остроты, то это средство утверждения авторской позиции. Интерпретация зависит от функции выражения в контексте, который эмоционально окрашивает выражение: саркастически и иронически (в целях разоблачения), одобрительно (в целях утверждения). Но во всех случаях крылатая фраза не только вводится в текст, а используется как полемическое средство, активно «работающее» на текст. Не только содержание, но и форма ленинских высказываний организована как естественный сплав с крылатой фразой. Ленинская конструкция продолжает словосицу, развивает её.

Иноязычная фраза в приведенных примерах выступает как важный структурный элемент всего высказывания, организующий остальные лингвостилистические средства и сообщающий ленинскому доказательству полемическую остроту и логическую силу.

Л. Э. КНЯЗЕВА,
преподаватель Глазовского пединститута

*По поводу
«лимонада»
в оде
«Фелица»*

В ответах на анкету «Недели» (22—28 октября 1967) П. Антокольский заметил, между прочим: «Прежние критерии в оценке стихов откровенно выразил „старик Державин“, который, обращаясь к императрице Екатерине, писал:

Поэзия тебе полезна,
Приятна, сладостна, любезна,
Как летом сладкий виноград...

Какое счастье, что у нас больше нет ни таких ценителей, ни таких читателей, ни такого отношения к поэзии».

Во-первых, это, если уточнить, — не совсем Державин. Во-вторых, истолкование смысла крайне неверное.

Как известно, в оде «Фелица», исходя из собственных представлений об идеальном монархе, поэт приписал Екатерине исключительные государственные и человеческие качества. Хвала воздавалась, несомненно, с сознательным расчетом на то, чтоб направить державную волю на укрепление могущества и авторитета России, упорядочение многих сторон общественной жизни, на развитие культуры, просвещения, гуманизма, на обуздание властных вельмож и всякого деспотизма.

Важной была для поэта в общем разговоре о делах государственных и литературная программа. Выражая и в этом случае собственные взгляды, он приписал Екатерине высокое понимание гражданских целей поэзии, изящный вкус, умение безошибочно отличить истинную художественную ценность от незатейливых упражнений. Просвещенная императрица, по Державину, очень

восприимчива к красоте лирики. Только так и надо понимать ту строфу, где содержатся приведенные строки:

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плести.

А что сия ума забава —
Калифов добрых честь и слава,
Снисходишь ты на лирный лад.

Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Не могу понять, почему выдвинутый здесь критерий надо считать порочным. Противопоставление рифмоплетов, которых достаточно было и в то время, «добрым калифам» поэзии, преследующим возвышенную духовную цель, — разве это не проясняет смысл строфы в направлении, противоположном тому, который представился П. Антокольскому, когда он оторвал три последние строки от всех других?

В оде «Видение мурзы», продолжающей «Фелицу», находим те же мысли о поэзии, и приписаны они опять же Екатерине II. Она ободряет поэта на избранном пути служения людям, советует смело высказывать истину даже ей, царице, не унижать своего достоинства лестью и низкопоклонством, ибо

Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов...

И надо, чтоб дар был обращен на пользу добродетели.

В какой мере оправдались надежды Державина на всесильное содействие процветанию литературы — это вопрос другой. Нам важно прежде всего, как представлял великий поэт, деятель, просветитель, теоретик литературы, предшественник Пушкина и декабристов, Огарева и Некрасова эту сторону государственной политики, на что он наталкивал Екатерину, в каком направлении просвещал ее. Нельзя не видеть и в «Фелице» и в «Видении мурзы» очень здравые суждения, взыскательность эстетических требований, решительное отстаивание независимости поэзии от чьей-то прихоти и произвола, ясно осознанную общественную направленность.

«Фелица» с ее эстетической программой, декларированной в приведенной выше строфе и соответственно реализованной в самом содержании, открыла собой первую часть «Собеседника любителей российской словесности» (1783), который, по мысли известной просветительницы Е. Р. Дашковой, призван был «подавать по мере сил своих способы сочинителям трудиться в стихотворстве и в прочих, до словесных наук и нравоучения касающихся сочинениях. Польза, от сего происходящая, ощутительна как в рассуждении российского слова, так и вообще в рассуждении просвещения». Добролюбов в большой статье о «Собеседнике» с удовлетворением отметил: «В нем сосредоточивалось все, что составляло цвет тог-

дашней литературы; его издатели были люди, стоявшие по образованию далеко выше большей части своих соотечественников; стремления их клонились именно к тому, чтобы изобразить нравы современного им русского общества, выставив напоказ и дурное, и хорошее. Правда, что и здесь встречаем мы резонерство и торжественные оды, стансы, сонеты и пр., воспевающие нещадно своих милостивцев и прославляющие *златой век* тогдашний; но эти произведения все-таки, относительно, занимают немного места в „Собеседнике“. Притом же в самом резонерстве издателей нельзя не видеть, что это — резонерство умного человека» (Собрание сочинений в трех томах. Т. I. М., 1950, стр. 75—76).

Державинская «Фелица», если брать ее художественный вкус, выглядит у П. Антокольского на редкость посредственным созданием. Но почему же Державин восхищается ею? А может он сам принадлежал к тем «ценителям» и «читателям», которых порицает П. Антокольский за «прежний критерий»? Но в таком случае очень жаль «старика Державина». Очень жаль и его оду, которая была ориентиром, литературным манифестом для «Собеседника» совсем не потому, что в ней пропагандируется сомнительный уровень эстетических представлений.

Неверное истолкование державинских строк то и дело находишь у разных исследователей и критиков. Когда говорят о легкомудром восприятии лирики, обычно припоминают тот самый «лимонад». Если, дескать, поэзия уподоблена столь обыкновенному напитку, то что это за поэзия? Забава, приправа к обильному столу, приятное развлечение. И после этого нечего уточнять, где стоят те три строки, в какой связи с текстом они находятся, каков их настоящий смысл. Не к чему вдумываться и в изобразительные приемы Державина... А ведь у него своя стилистическая система, оригинальная и не столь уж простая, особенно в сопоставлении с поэзией того времени. Ода написана «забавным русским слогом», в ней постоянно перемежаются и сплетаются патетика и шутка, высокое и обыденное. Отвлеченные понятия и рассуждения свободно переводятся в бытовой план. То и дело — игривые переходы, повороты, стилистические контрасты, нарочитые снижения там, где их не ждешь. Образная мысль подобна каскаду. Она держит в напряжении, следишь за переживаниями красок, тонов, уподоблениями и при этом не по обычному и примелькавшемуся сходству! Державин, как известно, не просто продолжатель традиционной одописи, а оригинальный стилст,

экспериментатор. Он мог в оде «Видение мурзы», исполненной величия и торжественности, вдруг сказать:

И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов.

Современники были поражены этой оригинальностью художественного выражения, увидели в «Фелице» новый путь на Парнас, иной слог, чем в одах, оглушавших громом. Это был шаг к Пушкину и Гоголю.

Как не вспомнить Державина, читая такое место в «Онегине»:

Конечно не один Евгений
Смятенье Тани видеть мог;
Но целью взоров и суждений
В то время жирный был пирог
(К несчастью, пересоленный);
Да вот в бутылке засмоленной,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже;
За ним строй рюмок узких, длинных,
Подобно талии твоей,
Зизи, кристалл души моей,
Предмет стихов моих невинных,
Любви приманчивый фиал,
Ты, от кого я пьян бывал.

Разве ждет читатель, когда он сосредоточен на Татьяне и Онегине, такого «неоправданного» отхода в сторону, веселого озорства, «неуместной» бытописи?

И не того ли самого происхождения хотя бы вот эта «неточность» в «Евгении Онегине»:

С каким т я ж е л ы м умилением
Я наслаждаюсь дуновеньем
В лицо мне веющей весны
На лоне сельской тишины!

Почему бы не сказать — «отрадным умилением»? Яснее. Но, безусловно, хуже.

«Лимонад» напомнил мне случай, когда один преподаватель долго разъяснял, каким ограниченным по своему мировоззрению был Пушкин — ведь он сопоставил «несопоставимое»:

Мы ждем с томленьем упования
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья.

Можно легко продолжить этот ряд примеров — взять Некрасова, Твардовского.

В «Собеседнике», вскоре после опубликования оды, была помещена статья неизвестного автора «Сумнительные предложения». От имени «одного невежды, желающего приобрести просвещение» там писалось:

Я, читая первую часть «Собеседника», находил в некоторых статьях места, противоборствующие малому моему понятию, что

меня принуждает, милостивые государи, предложить вам суждения в разуме найти на них какое-либо объяснение.

В оде к премудрой царевне Фелице:

Младой девицы чувства нежа.

Мне показалась мысль неправильна. Глагол *нежить* значит удовлетворение приятным ощущениям какой-нибудь телесной вещи; а чувства суть сами инструменты к сему удовлетворению, потому и сомневаюсь, можно ль сказать *зрение нежить, слух нежить* и проч.

Уподобление поэзии к лимонаду оставляет в уме некое неудовольствие найти сравнение неожиданное. Оно не только кажется непристойно, но еще и несправедливо. Если лимонад может быть вкусен только летом, напротив того хорошая поэзия, и какова есть в оде сей, может нравиться и летом и зимою.

Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

Звуки блистать не могут: звездам свойственно блистать, а звукам греметь. Я думаю, что все метафоры должны быть основаны на возможности действительной или мысленной.

Державин не принял всерьез эти «сумнения» и ответил на них шутя и даже издеваясь. Сочетание «чувства нежа» он объяснил так:

Ежели нет у г. Невежды прекрасной женщины, которая бы приятными своими объятиями нежила его осязание, то не благоволит ли он приказать себя кому хорошенько ожечь или высесть? Когда сие ему сделает хотя б небольшую боль, то, вероятно всех ученых доказательств, из собственного своего опыта познает он, что оскорблять чувства, следовательно — и нежить можно.

По поводу «лимонада» он сказал:

Нимало не противореча тому, что хорошая поэзия приятна во всякое время года, кажется, в шуточном слогом удовольствие, происходящее от нее, не непристойно сравнено с тем, которое получается летнею порою от лимонада, яко от напитка приятного, сладкого, прохладительного, следовательно и некоторую пользу приносящего, тем более, ежели мурза, писавший сию оду, не охотник до крепких напитков, которые никогда у него в уме никакого удовольствия не составляют, как то у сего Невежды лимонад, а потому и сравнение сие измерял он по своему аршину.

У Державина свой слог — «шуточный», «забавный», при очень серьезном содержании. Поэтому нельзя выверять его словоупотребление по канонам старой пиитики.

Интересен ответ на третье замечание о звездах.

В натуральном смысле, конечно, звезды блистают, а звуки звучат, но в витиеватом или фигуральном, а особливо стихотворцы в пренесении одного свойства к другому, несходственному или совсем противоположному, то есть в метафорах, обыкновенно говорят, например, вместо *славные дела отличаются — славные дела блистают, красота сияет, пламень жрет, земля стонет*, хотя первая лучей, второй — зева, а третья гласу не имеет, подобно как берега — рук, а г. Ломоносов написал: «Брега Невы руками плещут» («Собеседник». 4. III).

Н. А. Добролюбов считал, что опровержения Державина «оставили автора критики совершенно в дураках... Вероятно, испуганный таким тоном, невежда более не являлся в „Собеседник“ с своими сомнениями» (указ. соч.).

Державин так расстается с придирчивым критиком, буквально читаящим образные выражения: «Пооди, братец, со своими пустяками от меня прочь...». Не любил, когда его сбивают с пути творчества, подгоняют под норму, обесцвечивают и умерщвляют слово, пытаются править с налету. Суров был «старик Державин». В шутку говоря, вряд ли даже П. Антокольскому удалось отстоять ту замену и перестановку, которые он произвел в трех строках. Невесть откуда взявшийся «виноград», пусть даже и «сладкий», никак не лучше «лимопада», мысль уже не та: Державин говорит об утолении жажды — физической и духовной. Да и прочие перестановки вряд ли необходимы и своевременны. Неверное толкование сложили «мудрые» умы, не привыкшие утрудять себя проверкой фактов, не знающие как следует ни истории литературы, ни природы поэтической речи. Вот я и решил напомнить некоторые истины. Может быть прекратится несообразная путаница.

Ф. Г. БИРЮКОВ,
доцент Литературного института
им. Горького

П Р А К Т И К У М   П О   С Т И Л И С Т И К Е

Найдите ошибки, исправьте предложения.

1. В Гаване стартовал V мемориал памяти Хосе Рауля Капабланки («Вечерняя Москва», 28 августа 1967).

2. Необходимо четче различать проступок от преступления («Литературная газета», 1967, № 29).

3. Прибыла милиция. Следов никаких абсолютно. Ни отпечаток пальцев, ни какой-нибудь пуговицы или клочка одежды, по которым сыщики из детективных повестей находят преступников («Известия», 18 ноября 1967).

4. Сейчас [после операции] перед врачами стоит сложная дилемма — «сбалансировать» применение радиоактивного облучения и антибиотиков... («Известия», 3 января 1968).

5. На примере Савушкина я хочу показать, как в рядовом, заурядном, обремененном тысячами житейских забот человеке живет способность к духовному подвигу («Советское кино», 6 января 1968).

6. Танковый экипаж братьев Григорьевых вскоре завоевал славу лучшего по боевой и политической подготовке. А вскоре Григорьевы получили первое боевое крещение («Красная звезда», 9 мая 1964).

(Ответы на стр. 106)

Художественная достоверность и выразительность языка в историческом жанре определяются не только умелым воспроизведением речевых особенностей прошлого, но и отбором, стилистическим использованием современной речи. Речевые особенности прошлого оказываются, как правило, лишь своеобразными «условными сигналами», создающими определенную историческую тональность. Однако архаизмы и историзмы должны быть стилистически «поддержаны» живой современной речью. В противном случае они могут оказаться малоэффективными.

Язык художественного произведения представляет собой единую систему или, говоря словами Ю. Н. Тынянова, «развертывающуюся динамическую целостность», которая образуется «выдвижением одной группы факторов за счет другой. При этом выдвинутый фактор деформирует подчиненные», играет «конструктивную роль» (Проблема стихотворного языка. Л., 1924, стр. 10). В том случае, когда в языке исторического романа, в его отдельных контекстах этим «выдвинутым», конструктивным фактором оказываются речевые краски эпохи, они в определенных условиях влияют на семантико-стилистическую структуру языка, создавая своеобразный речевой колорит изображаемого времени.

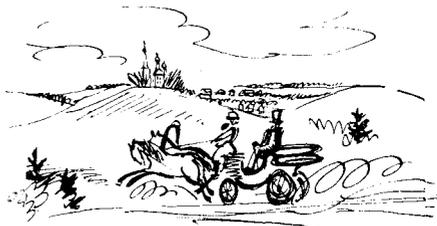
Однако само это изменение структуры современного языка в каждом конкретном случае зависит не только от состава средств, играющих конструктивную роль (архаизмов и других речевых особенностей изображаемого времени), но и от состава подчиненных, т. е. современных форм речи. Чем более исторически нейтральна будет по своему характеру живая современная речь, чем меньше она будет по своей стилистической окраске противопоставлена речевым средствам прошлого, тем легче она будет «ассимилироваться» в контексте, окрашиваться общим тоном, подсказан-

ным архаизирующими средствами. И наоборот, наличие в том или другом контексте слов и выражений со специфически современной окраской будет заметно противодействовать архаизации текста, нарушать общую историческую тональность. Мало того. В определенных стилистических условиях сугубо современные формы речи в силу своей яркой экспрессии могут оказаться доминирующими факторами и нейтрализовать архаизмы. И тогда контекст в целом приобретает современную, даже модернизированную тональность.

Большой мастер художественного слова, тонкий и наблюдательный исследователь языка Ю. Н. Тынянов очень хорошо сознавал это определяющее влияние стилистически окрашенных форм речи в контексте на экспрессивную направленность всего высказывания. Так, например, в статье «Словарь Ленина-полемиста» он писал: «Велика сила лексической окраски слова в любой речевой конструкции... Благодаря лексической окраске, любая тема выносятся из безразличной речевой среды и окрашивается наиболее для нее характерной лексической средой» (Архаисты и новаторы. Л., 1929, стр. 464—465). Он также хорошо понимал и зависимость экспрессивной направленности стилистически нейтральных слов от контекста в целом в результате соотнесенности «каждого элемента литературного произведения, как системы, с другими и, стало быть, со всей системой» (там же, стр. 33). «Слово не имеет одного определенного значения, — писал Тынянов еще в 1924 году. — Оно — хамелеон, в котором каждый раз возникают не только разные оттенки, но иногда и разные краски... Абстракция „слова“, собственно, является как бы кружком, заполненным каждый раз по-новому в зависимости от того лексического строя, в который оно попадает, и от функций, которые несет каждая речевая стихия. Оно является как бы поперечным разрезом этих разных лексических и функциональных строев» (Проблема стихотворного языка, стр. 48).

Широко привлекая в качестве средств исторической стилизации самые разнообразные особенности русского языка конца XVIII — начала XIX века и считая их конструктивным, «деформирующим» фактором в довольно сложной языковой системе романа о Пушкине, Ю. Н. Тынянов в то же время весьма критически подходит к отбору и использованию элементов живой современной речи (см. об этом статью В. Д. Левина «Средства языковой исторической стилизации в романах Ю. Тынянова». — «Исследования по языку советских писателей». М., 1959). Как справедливо отметил В. Д. Левин, в романах Ю. Н. Тынянова «с трудом можно найти такие слова, выражения или формы, которых не было или не могло быть в пушкинское время..., отчетливо ощущается стремление избегать всего, что может восприниматься как явно чуждое языку описываемого времени, как специфически современное» (там же, стр. 94—95). Ю. Н. Тынянов тщательно отбирает те формы живой современной речи, которые не несут на себе отпечатка определенной эпохи, являются в какой-то мере исторически нейтральными. Причем,

употребляя их в том или другом контексте, он всегда учитывает их экспрессивно-стилистическую окраску, которая в каждом конкретном случае служит для него средством углубления исторической достоверности языка произведения, средством типизации и индивидуализации речи персонажей.

Так, например, речевую характеристику Кошанского, человека, тесно связанного с книжной культурой своего времени, поэта и критика, профессора словесности, Ю. Н. Тынянов создает умелым отбором тех элементов современной речи, которые имеют оттенок книжности. Ассимилируясь с речевыми особенностями языка прошлого, они образуют стилистический «сплав», весьма выразительно характеризующий речевую манеру героя. Вот, например, отрывок с несобственно-прямой речью из главы, где рассказывается о том, как Кошанский подслушивает сатирические куплеты, исполняемые лицеистами, которые пародируют его манеру чтения стихов Державина:

«Это была дичь, бессмысленный набор фраз, и однако же — в точности то, что говорил он, объясняя Державина. Он ставил себе в заслугу, что говоря о поэзии, давая понять ее необычайность, он намеренно заставлял голос свой замирать при чтении стихов, пересыщал их вдохновенными пояснениями, комментариями, дабы заставить мальчишек понять, вкусить сладость в сих стихах заключающуюся, но доступную для немногих. Он старался этим довести их до некоторого, если так можно выразиться, в благородном смысле слова, опыянения восторга, необходимого для приятия стихов. Он никогда не позволял стихам Державина, например, приблизиться к слушателю без комментариев. Ибо что он поймет без них?..

Теперь мальчишки — вслед за неверными женщинами — смеялись над ним. Оказывалось, они смотрели на него не как на поэта, не как на наставника, а как на актера. Насмешливое направление в лицее было новой язвой просвещения» (Ю. Н. Тынянов. Пушкин. — Сочинения. Т. 3. М. — Л., 1959. Все последующие примеры даются по этому изданию).

В этом отрывке архаизмов значительно меньше, чем элементов живой современной речи. Нужная речевая интонация достигается книжной (но не окончательно вышедшей из употребления) лексикой и фразеологией: вкусить сладость, сих, приятие, наставник, лицей, язва просвещения; а также синтаксическими средствами, как, например, постановка определений после определяемых слов и т. п.

Устарелые формы речи взаимодействуют с современными книжными: ставил себе в заслугу; говоря о поэзии, давая понять ее необычайность; намеренно; вдохновенные пояснения; комментарии; довести их до некоторого, если так можно выразиться, в благородном смысле слова; ибо; направление. Естественно, что в целостном контексте, вступая в семантико-синтаксические связи

со стилистически созвучными им речевыми формами прошлого, они легко ассимилируются, сами приобретают оттенок некоторой архаичности, социально-речевой характерности для прошлого, для описываемой среды и, следовательно, в свою очередь активно воздействуют на стилистическую направленность контекста, заметно углубляют его экспрессивную тональность, характеризующую речевую манеру профессора словесности.

Подобную картину наблюдаем и при анализе языка дневниковых записок Куницына — профессора нравственных наук. В них естественно концентрируется общественно-публицистическая лексика и фразеология, характеризующая высокие гражданские помыслы и стремления молодого «геттингенца». Вот небольшой отрывок из его дневника:

«К чему готовлюсь — не знаю. Спрашивал Малиновского. У него большие планы. Создание общего духа, воспитание без лести, раболепства, короче воспитание достоинства.— Но ведь им потом придется всем быть чиновниками, пригодится ли? Не пропадут ли даром труды?— Если б я так думал, я отказался бы. Просьба к императору и справка к губернатору. Этого и без воспитания достигают.— Кого же и для чего мы будем воспитывать?— Для работы законодательства. Эту работу придется рано или поздно предпринять, чтобы облагородить русских людей, показать их разум перед целым светом и уверить их в самих себе. А мы подготовим людей и проч. По уставу должны готовить для важных постов в государстве, а самый важный пост будет скоро — депутаты. Он признался, что восемь лет ничего не публикует, готовясь к деятельности гражданской. Готовит записку о созвании депутатов. Земледелие недостаточно — много пустых земель; мешают, что захватили их господ, кто берет землю для себя, тот и обрабатывает ее. Рабство развращает, опустошает. Величайшая обида россиянам почитать их неспособными для составления своих законов.— Пospорили об общественном договоре и теории гражданской.— Первоначальное общественное условие есть токмо идеальное; русские могут основать свои права надежнее на созрении своего ума, а не иностранного и т. д. Я с одним согласился, с другим нет».

Экспрессивно-стилистическую тональность этих записок создают не только архаизмы (созвание, россияне, токмо и т. п.), но и лексика, несущая отпечаток словоупотребления именно начала прошлого века (общий дух, общественный договор, теория гражданская, первоначальное общественное условие, рабство, земледелие и т. п.), вместе с общественно-публицистической лексикой и фразеологией (создание, воспитание, достоинство; труды, устав, важные посты в государстве, депутаты, деятельность, законодательство, составление законов, публиковать, достигать, предпринимать, воспи-

тывать, гражданский, общественный, идеальный и т. д.). Весь этот речевой слой в целом начинает «отсвечивать» некоторой стариной и воспринимается читателем как глубоко историчный, характерный для описываемого времени и социальной среды.

«Заражение» современных форм речи архаической окраской весьма наглядно проступает уже в первооснове, первоэлементе ритмо-интонационной и образно-смысловой структуры контекста — фразе. Фраза, говоря словами Тынянова, «в известной мере подчиняет значение отдельного слова» (Архаисты и новаторы, стр. 466), его экспрессивно-стилистическую тональность. Отсюда словосочетания: «Воспитание без лести, раболепства», «Величайшая обида россиянам», «Просьба к императору», «Справка к губернатору», «Рабство развращает, опустошает», «Созревание своего ума» и т. п. — воспринимаются как архаизированные, в целом, несмотря на то, что в их составе наряду с несколько устаревшими элементами есть и живые современные формы.

Такие слова, как: деятельность, депутаты, теория, общественный, гражданский, идеальный и т. п., — в другом контексте могли бы восприниматься как специфически современные. А у Ю. Н. Тынянова они становятся приметамы изображаемого времени, даются либо в составе характерных для этой эпохи фразеологических единиц (общественный договор, теория гражданская и т. п.), либо в тесном единстве с несколько архаичными элементами языка прошлого, «заражающими» их своей экспрессией, например: деятельность гражданственная (но: гражданская деятельность), созвание депутатов (но: созыв депутатов), первоначальное общественное условие есть токмо идеальное (но: только идеальное) и т. п.

Совершенно иные формы современной речи группируются писателем в контекстах, связанных с характеристикой простонародья, старого, патриархального и мелкопоместного дворянства, т. е. людей, не связанных с книжной культурой. Здесь уже концентрируются в основном элементы «опрошенной» разговорной речи. Так, например, в речи Арины встречаем: «Шалые, нешто так здесь гадают, в городе?»; «горе с вами»; «Александр Сергеевич еще дите..., а мусье блажной и не нашей породы»; «Будет вам, охальникам»; «надо быть, больше не придет»; «Двадцать лет не видал, а признал: у них взгляд вострый — беда!». В репликах старого арапа, Петра Абрамовича Ганнибала: «как нарекли»; «тятенька еще покойный сказывал»; «путешественником николи не был»; «тятенькина княжества хочу сыскать»; «дознался от братца»; «дух здесь, Аришка, нехороший» Об Ольге Васильевне, бабке Пушкина по отцу:

«Когда Ольга Васильевна принялась за счета и заклады, она почувствовала трясину под ногами: состояние оползло со всех концов. Она положила этому предел, утихомирила заимодавцев, собрала все, что осталось, и вывела детей в люди»; «О Сергее Львовиче она думала, что просвищется, и очень скоро, в пух»; «Вечером, лежа в постели, которую ей до того согревала самая толстая девка. Ольга Васильевна говорила своей полуслепой доверенной Ульяне:— Арапки геперь большую силу взяли. В Париже у наибольшего ихнего,— как зовут, не упомяну,— тоже арапка в женах.

А Ульяшка поддакивала:

— Все как один — нового захотели, свежинки».

Естественно, что эти просторечные слова и выражения, органически связанные с определенными социально-речевыми стилями прошлого, служат у Ю. Н. Тынянова эффективным средством типизации и индивидуализации речи простонародья и отдельных представителей дворянства. Употребляемые в разных пропорциях и в разных соотношениях с речевыми особенностями прошлого, они в контексте, а тем более в системе художественного целого, получают нужную историческую конкретность и приобретают характерологическое значение.

В речевых характеристиках светских дворян, в частности Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных, писатель использует и книжные элементы и разговорные. Однако отбираются и группируются они с таким расчетом, чтобы придать «офранцуженной» речи светских кругов дворянства оттенок той литературности и в то же время разговорной простоты, естественности, который заметно ее отличает как от речи персонажей, связанных со старой книжной культурой, прошедших семинарскую выучку, так и от опрощенной речи патриархального дворянства. Вот, например, небольшой отрывок с прямой речью Сергея Львовича:

«— Авось, подождем, друг мой,— сказал он довольно спокойно Надежде Осиповне,— может, они еще на Петербург пойдут. Я сегодня обещался быть у Николая Михайловича и все узнаю. Но закливаю: при этой ризине Аришке и при этом Никишке ни слова, pas un mot. Никита мне очень подозрителен. Вид у него за последнюю неделю самый двухмысленный. Не нужно отсылать их из дому. Они на улицах толкуются со всею этой сволочью, toute cette sa-naille, и заражаются. До того дошло, что сам Ростопчин,— сказал он и поднял палец,— составляет афишки для успокоения и направления tous ces Nikichka, Palachka. Никита, одеваться».

В речи Сергея Львовича при всей ее живости нет резких отступлений от литературных норм. Ее выразительность достигается в данном случае легкой разговорной экспрессивно-оценочной окраской. Поэтому в целом речь Сергея Львовича воспринимается как литературная, что поддерживается такими книжными элементами, как: двухмысленный, успокоение, направление и т. п. Заметно «офранцуженная», она к тому же приобретает оттенок светской утонченности, весьма характерной для данной социальной среды. Естественно, что в зависимости от ситуации степень литературной утонченности речи светских кругов дворянства может заметно усиливаться или, напротив, уменьшаться, переходя порою

в некоторую разговорную сниженность, однако в целом она всегда довольно резко отличается от других социально-речевых стилей.

Экспрессия, свойственная современной разговорной и книжной речи, в сочетании с семантико-синтаксическими особенностями речи изображаемой эпохи служит весьма эффективным средством создания исторической характерности языка произведения.

Стилистически нейтральные формы современного литературного языка, не имеющие в своем составе ничего специфически современного, что могло бы в контексте заглушить экспрессивно-стилистическую окраску речевых особенностей прошлого, создают тот исключительно благоприятный, пластический фон, который легко приобретает социально-историческую характерность и выразительность даже при незначительном количестве архаизирующих средств. В отрывках, связанных с характеристикой самого Пушкина, это особенно показательно. Вот, например, как рисуется в представлении юного Пушкина дорога от Москвы до Петербурга:

«Дорогу от Москвы до Петербурга Александр запомнил навсегда: низкие станционные домики, посеревшие от дождей, с надтреснутыми и облупившимися деревянными колоннами, воробьи, нахохлившиеся под застрехой; старик смотритель, избегавший смотреть прямо в глаза, а дорогой ямщик, который тянет бесконечную песню, мерно позвякивавшие колокольцы, встречные обозы со скрипом колес и запахом дегтя. Теперь по этим дорогам скакала чужая конница, станционные домики были заняты неприятелем, несущимся беспрепятственно во весь опор».

Художественная достоверность достигается здесь лишь незначительным вкраплением «историзмов» (Петербург, станционные домики, смотритель, ямщик) и употреблением лексики, фра-

зоологии и синтаксиса, свойственных пушкинской стилистике. Выделенные курсивом выражения представляют собой в целом не что иное, как творчески переработанные цитаты из пушкинских текстов. Одни из них тесно ассоциируются с рассказом «Станционный смотритель», другие — со стихами, путевыми заметками и высказываниями поэта, например: «Что-то слышится родное в долгих песнях ямщика»; «От ямщика до первого поэта мы все поем уныло. Грустный вой — песнь русская» (Домик в Коломне); «Колокольчик однозвучный утомительно гремит» (Зимняя дорога); «Едва мы выбрались на широкую дорогу., как вся наша конница поскакала во весь опор»; «Тянулись коляски, брички, кибитки... за ними заскрывел обоз двухколесных аров»; «Лес наполнен неприятелем» (Путешествие в Арзрум).

Или, например, описание Москвы в восприятии юного Пушкина:

«Широкие улицы Москвы показались ему теперь нестройными. Шли дома вельмож, спрятанные в глухие, как лес, дремучие сады, московские замки, в которых смеялись над Петербургом и над франтами и старели среди войска старух, отрядов дворни, арапов, мосек; и вдруг в неурочный час доносилась оттуда роговая музыка: старый Новосильцов кушал чай.

С криком: „Пади“ пробежали скороходы, и тяжело прогрохотала странная карета. И Александр с изумлением, со стороны — заметил этот выезд: стояли на запятках пять арапов, а впереди, в странных нарядах, с белыми перьями на шляпах бежали скороходы и, задыхаясь, кричали: — Па-ди!

Пошли главные улицы, и один дом был страннее другого. Стоял по Неглиновой китайский дворец, зеленый и золотой, как павлин. Драконы разевали пасти на прохожих москвичей, а в спокойных нишах стояли желторожие болваны под зонтиками — мандарины. Роскошь, сон и прохлада были в мутных стеклах дома, в котором, казалось, никто не жил. Но медленно, с московским хрипом, открылись ворота, старик Демидов отправился на прогулку».

И здесь опять в целых оборотах речи (они выделены курсивом) отчетливо ощущается связь с творчеством Пушкина, стремление стукнуть характерные для его языка лексико-стилистические краски. Сравните, например, описание Москвы в пушкинских заметках «Путешествие из Москвы в Петербург»:

«Некогда в Москве пребывало богатое неслужилое барство, вельможи оставившие двор, люди независимые, беспечные... Они жили, по-своему забавляясь, как хотели, мало заботясь о мнении ближнего. Бывало богатый чудак выстроит себе на одной из главных улиц китайский дом с зелеными драконами, с деревянными мандаринами под золочеными зонтиками. Другой выедет в Марьину рощу в карете из кованого серебра 84-й пробы. Третий на запятках четвероместных саней поставит человек пять арапов, егерей и скороходов и дугом тащится по летней мостовой... Надменный Петербург издали смеялся и не вмешивался в затеи старушки Москвы... Ныне в присмирившей Москве огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым... Роговая музыка не гремит в рощах Свирлова и Останкина...».

Синтаксис повествования своей простотой, лаконичной выразительностью, отсутствием усложненных конструкций и т. п. также заметно напоминает стиль Пушкина.

Таким образом, впечатляющая сила языка в романе Ю. Н. Тынянова «Пушкин», его глубокая историческая достоверность и выразительность в значительной мере определяются тем, что особенности языка прошлого у него даются в пластической, глубоко созвучной с ними современной речевой среде. Тщательно отбирая формы живой современной речи, умело сочетая их с речевыми особенностями прошлого, комбинируя в разных пропорциях и соотношениях, Ю. Н. Тынянов создает сложную систему самых разнообразных по своей экспрессивно-стилистической тональности контекстов, которые глубоко и разносторонне отражают характерные черты языка пушкинской эпохи. В них на передний план выдвигаются периферийные, несколько устаревшие элементы, которые, подчиняя себе современные речевые формы, создают вместе с ними своеобразный исторически достоверный язык изображаемой эпохи, воспринимающийся в целом, а не только по наличию в нем отдельных речевых форм прошлого.

М. Н. НЕСТЕРОВ,

преподаватель Новозыбковского пединститута

Викторина

1. Совершенно ясно, что *столица* и устаревшее *стольный* град происходят от слова *стол*. Но слово это имело раньше значения, неизвестные современному языку. Ср. примеры: «Ярославъ же съде Кыевъ на *столь*ь отъни и дѣдни» (Повесть временных лет); «Нынѣче князь... хочеть *столь*ь урядити въ Вельядѣ, да самъ тутъ хочеть въ Вельядѣ жити» (Псковская летопись). Что же обозначало слово *столь* в древнерусском языке?

2. С каким глаголом связано по происхождению слово *рубль*? И, кстати, что такое *целковый*?

3. «Я помню чудное мгновенье...», «в мгновение», в «одно мгновение». Какие слова исконно (или по происхождению) родственны слову *мгновение*, какой здесь корень? Поиски помогут Вам объяснить первоначальное значение слова.

4. Выучить стихи или какой-нибудь другой текст *наизусть* — это значит читать его вслух, не заглядывая в книгу. Попробуйте определить состав слова *наизусть*.

5. Что обозначало первоначально слово *гражданин* и от какого слова оно происходит?

6. В современном просторечии можно встретить слово *взаимнообразно*. В чем ошибочность, неправильность этого слова?

7. У Лермонтова в «Демоне» есть выражение, ставшее крылатым: «Без руля и без ветрил». Ср. у Пушкина: «Шуми, шуми, послушное ветрило...» Что означает слово *ветрило*?

8. Зимой и осенью при легком морозе бывает *изморозь*, а летом — *изморось*. Эти два слова-близнеца отличаются лишь одной буквой. От каких слов они образованы?

(Ответы на стр. 77)

Наша речь, устная и письменная, пестрит многочисленными окказиональными словами, не являющимися общеупотребительными, но созданными по имеющимся в языке образцам и потому понятными, особенно в определенной языковой ситуации, в определенном языковом контексте. Эти образования могут служить для уточнения и образности высказывания, например: «У каждого воспоминания есть свое *до-воспоминание*, предок-воспоминание, пращур-воспоминание» (Цветаева. Мой Пушкин); «Он [голос Марины Цветаевой] звучал с гипнотической силой, возбуждал сочувствие, сострадание, *сорадование*» (Антокольский. Книга Марины Цветаевой);

Ах, родные мои, как вы жили,
Если три революции были,
Если столько лет с голодовками,
Если столько зим с *голодовками*.

КУЗНЕЦОВА. Мои родители

Чаще такие окказионализмы появляются для выражения экспрессии или создания комического эффекта: «Прохожие кидались прочь от стремительного трубачиста, локтями прочищавшего или, вернее, *прочернявшего* себе дорогу». (Шагинян. Месс-Менд); «Нет, тут не пережитки, не родимые пятна капитализма, а наши собственные *«нажитки»*» («Литературная Россия», 14 января 1966); «Пока мои *одномыльчане* дружно натирали друг другу спины, я решил принять душ» («Литературная Россия», 1 января 1966); «Самым большим недостатком сценической речи считаю бормотание, „*подсебятину*“ (речь „под себя“ — невнятную)» («Русская речь», 1967, № 1).

Встречаются, особенно в устной речи, и многочисленные новообразования с различными приставками и суффиксами, произведенные не по образцам. Главная их особенность состоит именно в том, что они незакономерны, например: «Китайские *загибонь*»

(Чивилихин. Над уровнем моря); «И верно, надо бы придумать какой-нибудь термин, чтобы не причислять зря к интеллигенции людей, у которых ничего нет за душой, кроме диплома да вузовского значка, остроумно именуемого „поплавок“. У них образование? Ладно, будем звать их *образованцией*. А может быть *дипломцией*, поскольку дипломом-то все и ограничивается. Это неблагозвучно, но зато правильно» («Комсомольская правда», 26 декабря 1963).

Устная речь во многом отличается от речи письменной, особенно ее деловой формы. Есть слова и их формы, по значению своему характерные для устной, обычно диалогической речи, но лишённые какого бы то ни было стилистического оттенка, например, междометия, звукоподражания, такие слова, как *ты, вы, пожалуйста, спасибо, на здоровье, здравствуйте, до свидания* и под.; формы повелительного наклонения. А есть в устной речи и другие, не лишённые стилистической окраски, например: *ухмыляться, окопачить, молокосос, молодец, запросто, невмоготу, окошко, зря, домище, ручонка* и прочие слова с оценочным, уменьшительным и увеличительным значением; а также усеченная форма прошедшего времени: *прыг, хватя, толк, хлоп* и под.

Экспрессия в устной речи передается различными средствами языка: специальным подбором лексики, особыми структурами предложения, словообразовательными средствами, использованием определенных форм в ином значении, интонацией. Кроме того, используются различные фонетические ассоциации (иногда с учетом значения, а иногда и без него) и даже искажения фонетического облика привычных слов.

А. П. Чехов был редким знатоком и непревзойденным мастером передачи разговорной речи разночинной интеллигенции. В письме к А. С. Суворину от 30 мая 1888 года он писал: «Мое дело только в том, чтобы быть талантливым, т. е. уметь отличать важные показания от неважных, уметь освещать фигуры и говорить их языком». И он, действительно, подмечал и передавал в своих рассказах и пьесах многие особенности речи различных слоев интеллигенции, в частности, различные «вольности» и отступления от строгих канонов русского литературного языка своего времени. Многие из отмеченных им особенностей не чужды речи интеллигенции и в наши дни.

Конечно, в речи чеховских персонажей встречаются различные незаконномерные образования, являющиеся окказиональными, зачастую индивидуальными, например: «Лебедев: Какое уж тут доброе здоровье? *Околеванца* нет, и на том спасибо» (Иванов); ср.: «Вы, я вижу, молодой человек, *поведенцу* моему удивляетесь» (Тургенев. Несчастная); «— Так-с... Это облако у вас кричит: оно

освещено не по-вечернему... А в общем *недурственно*... Хвалю» (Попрыгунья); «— Вы очень кстати пожаловали, — обратился он опять к гостю, — моя благоверная написала *большинский* роман и сегодня будет читать его вслух» (Ионыч); «— Дурак! — говорит он. — *Дурандас* ты! *Дурында* пустоголовая! И тебе не грех? И тебе не стыдно?» (Он понял).

Подобные образования не были чужды и речи самого А. П. Чехова. Так, например, он пишет брату, Ал. П. Чехову, 13 мая 1883 года: «За апрель я получил от Лейкина 70 руб., и теперь только 13-е, а у меня и на *извозца* нет».

Особый интерес представляют не отдельные окказионализмы, а различные образцы и способы отступлений от норм языка. Рассмотрим некоторые из них.

Замена одного слова другим, созвучным ему в начале (реже — в другой части) слова, но обычно более длинным, а главное, с совершенно иным значением. Очень часто таким «созвучным» заместителем бывает заимствованное слово (нарицательное или собственное), аналитическая форма или словосочетание. Замена эта представляет собой игру словами и отдельными частями слов, не принужденное жонглирование ими, например: «Настюша! — зашептал он, — возьми-ка, мать, спиртику и натри-ка мне *спинозу*!» (Трифон) — (спина — спиноза); «— С кем это ты? А-а-а... очень приятно! С Сергей Капитонычем! Хорош дед, нечего сказать! С женским *полонезом* тет-а-тет» (Клевета) — (пол — полонез); «— Так вот этот самый Дружков делает однажды клопшотсом желтого в угол и, по обыкновению, знаешь, высоко ногу задрал... Вдруг что-то: трррес! Думали сначала, что он на бильярде сукно порвал, а как поглядели, братец ты мой, у него *Соединенные штаты* по всем швам! Так высоко задрал, бедняга, ногу, что ни одного шва не осталось» (В номерах) — (штаны — Соединенные штаты); «— Это черт знает, что такое! — услышал я в то же время женский голосок. — Проклятые клопы, вероятно, хотят съесть меня!.. Оставалось теперь предложить хорошенькой головке средство от „энциклопедии“ и — знакомство готово» (Ночь перед судом) — (клопы — энциклопедия).

Ср. в речи самого А. П. Чехова: «Спустя часа полтора Иона сидит уже около большой, грязной печи. На печи, на полу, на скамьях храпит народ. В воздухе „*спираль*“ и духота» (Тоска) — (спертый воздух — спираль); «Когда ночьюходишь в комнату, в которой спят, то нос не чувствует ни *спирали*, ни русского духа» (из письма к М. П. Чеховой от 14—17 мая 1890).

Можно указать и довольно распространенное употребление созвучной русскому слову *хапать* (*хапуга*) формы немецкого глагола — *хапен зи гевезен* (haben sie gewesen): «Сейчас только узнал, что пятирублевки вкладывал в мой кулак не магнетизер, а Петр Федорович, мой начальник... — Стыдно... Думал, что ты чест-

ный человек, а выходит, что ты... *хапен зи гевезен*... Пришлось вернуть ему две пятирублевки. Что же делать? Реноме дороже денег» (На магнетическом сеансе); «— Конечно... Нынче ведь на одно жалование не проживешь, — проговорил Градусов и подмигнул значительно... — Что-с? — Ничего-с... Это я так... насчет *хапен зи гевезен*...» (Из огня да в полымя).

Ср. у И. С. Тургенева: «— Ведь какая тебе от того печаль, что ты под судом? Ровно никакой! Одно только, чай, досадно: теперь уже нельзя *хабен зи гевезен*, — и Михай Михеич представил рукой, как будто поймал что-то в воздухе и сунул себе в боковой карман.— Шалишь!» (Два приятеля).

В рассказе «Ионыч» А. П. Чехов специально показывает такого любителя вольностей и отступлений от нормы в речи: «А за ужином уже Иван Петрович показывал свои таланты. Он, смеясь одними только глазами, рассказывал анекдоты, острил, предлагал смешные задачи и сам же решал их и все время говорил на своем необыкновенном языке, выработанном долгими упражнениями в остроумии и, очевидно, давно уже вошедшем у него в привычку: *болшинский, недурственно, покорчило вас благодарю*».

Многие из таких выражений, как *энциклопедия* или *Соединенные штаты*, теперь не употребляются и могут быть даже не поняты, но некоторые живы и поныне и довольно широко распространены, например: «— Тебе ж лечиться надо. Принимать процедуры. — А это видал? — Витька вырвал из его пальцев папиросу, затянулся до самого дна своих легких, согнулся дугой, но не закашлялся, выдержал. Выдохнул: — Понял? — Ну и дурак, — констатировал Седов, доставая вторую папиросину. — Хочешь в *Могилевскую губернию*?» (Битюков. Где твой дом) — (могила — Могилевская губерния).

Важно, что самый способ замены слова по чисто звуковому сходству используется и в современной устной речи. Так, в 20-е годы, когда бумажные деньги исчислялись миллионами, их часто называли лимонами: «Двадцать второй год. Совзнак царит. Правда, он падает... И с ужасом читал советский житель в газете, что „польская марка опять катастрофически упала на 15%“, забывая, что вчера уплачено за газету совзнаками один лимон (то бишь миллион), а сегодня — два» (Кольцов. 145 строк лирики).

Используется этот способ и в наши дни: «— Новенький „газон“, — замечает Макаренко. — „Газик“ весело мчится навстречу остывающему „КРАЗу“» (В. Смирнов. Плата за мужество) — (газ — газик — газон). Ср.: «Бурные аплодисменты, переходящие в *авиацию*» (из устной речи) — (овация — авиация); «У вас *фотогигиеническое лицо*» (из устной речи) — (фотогенический — фотогигиенический) и под.

Особый интерес представляет необычное использование в устной речи имен, отчеств и фамилий в речи чеховских персонажей.

С одной стороны, возможна замена имени, отчества, фамилии или чина (в старое время) словами созвучными, без какого-либо дополнительного значения, что по существу сближается с рассмотренным выше явлением, например: «— Что это ваш таинственный *Митрополит Митрополитыч* никуда не показывается? Пусть бы к нам пришел.— Таинственный *Ипполит Ипполитыч*, когда вошел к нему *Никитин*, сидел у себя на постели и снимал панталоны» (Учитель словесности); «*Левитан* живет в *Максимовке*. Он почти поправился. Величает всех рыб крокодилами и подружился с *Бегичевым*, который называет его *Левиафаном*. „Мне без *Левиафана* скучно!“ — вздыхает *Бегичев*» (из письма М. П. Чехову от 10 мая 1885); «— А то как отец благочинный, отец *Панкратий*, коего я юмористически в мыслях своих отцом *перочинным* называл, где-то по складам прочел про какого-то благочинного и вообразить изволили, что будто это про него написано» (Корреспондент).

Ср.: в современной русской речи нередко *Леонарда* или *Леонардовича* в шутку нарекают *Леонардом* или *Леонардовичем*.

Иногда в таких созвучных имени и отчеству нарицательных словах можно уловить намек на некоторые свойства данного лица, например: «*Никифор*, по моему мнению, был более прав, величая *Калерию Ивановну... Кавалерией Ивановной*. Он ее ненавидел всей душой» (Цветы запоздалые).

С другой стороны, и это представляет значительно больший интерес, формы имени и отчества используются для характеристики лица или просто для передачи экспрессии речи, например: «— *Экчеленца*, — сказал торжественно *Соболь*... Я сам баба, тряпка, кисляй *кисляич* и потому терпеть не могу кислоты. Не люблю мелких чувств» (*Жена*); «*Светловидов*. Если здоровья не жаль, то хоть бы старость-то свою пощадил, *Шут Иванович*» (*Лебединая песня*); «— Чего мелешь-то? — закричал хозяин. — *Замолол, шут иванович!* Ты речь читай!» (Корреспондент); «*Твой Шиллер Шекспирович Гете*», — так подписал А. П. Чехов свое письмо к брату Ал. П. Чехову (24 ноября 1887) после

успеха постановки его первой пьесы «*Иванов*» в театре Корша. У И. С. Тургенева: «Подле него стоял помещик, широкий, мягкий, сладкий — настоящий *Сахар Медович*» (*Гамлет Щигровского уезда*).

Такое использование данных форм не чуждо устной речи и в наше время, например: «„Он воспринимал меня пошлым дураком, фатом дурного тона, „актером актеровичем“, героем-любовником с бархатными нотками голоса — это несправедливо, но я его по-

нимаю...“ . Это Василий Иванович говорил о Блоке» (В. Шверубович. Люди театра); «Первым заговорил Тулин. Нервная усмешка дергала его губы.— Эх ты, грамотей грамотеевич! Известно тебе, что несмотря на эту фразу, Галилей все-таки отрекся. Ради того, чтобы иметь возможность работать дальше» (Гранин. Иду на грозу).

3

К особенностям, характеризующим непринужденную разговорную речь или просторечие в среде интеллигенции, можно отнести многочисленные видоизменения звукового облика слова («на западный манер»), например: «Он пристально посмотрел мне в лицо; прекрасное выражение потухло, взгляд потускнел, и он забормотал вяло и созя: — Да, да... Извините старика... *Чепухенция...* Да...» (Жена); «Лопахин... Пока прощайте. Пора. (Гаеву) *До свиданция*. (Целуется с Пищиком) *До свиданция*» (Вишневый сад); «— Мало ли чего! — сказал фельдшер таким тоном, как будто от него зависело жить старухе или умереть.— А засим *до свиданция*, *бонжур*» (Скрипка Ротшильда); «— Эх, жалко, зеркала нет, поглядел бы на свою *мордолизацию*» (Счастливчик); «Романсов покачнулся и упал на собаку.— Так, именно так! Рви *мордализацию!* Не жалко! Хоть и больно, а не щади. На, и руки кусай» (Разговор человека с собакой).

Если Лебедев (в пьесе «Иванов») называет свою дочь не только *эмансипированной*, но и *эмансипё*, то здесь можно видеть простую инкрустацию французского слова, но когда муж говорит о своей жене *растрепё*, то это уже явное офранцузивание русского слова: «— Но вот и Манечка... Какая ты у меня *растрепё*, Манюня! Чистая Луиза Мишель! — В зал вошла Марья Петровна, растрепанная, сонная, но сияющая и веселая» (Невидимые миру слезы). Ср.: «— Старуха Олимпиада, говорят, ему, вся *растрепё*, из слухового окна кричала: „Постойте, постойте, позвольте объясниться!“» (Тургенев. Холостяк).

Подобные примеры встречаются в речи чеховских персонажей очень часто: «— А для большего идиотства или, как там в романах говорят, для большей иллюзии, пойдешь к буфету и *опрокидонгом* рюмочки две — три» (Счастливчик); «— Скажите, пожалуйста, как потом жила Софья Михайловна? — С десятью тысячами-то? *Плохиссиме...* Получила деньги и давай на тройках с офицерами разъезжать. Пьянство, гульба, беспутство» (Старость); «— А вино, надо сознаться, препаскуднейшее! *Vinum plochissimus*» (Аптекарьша); «— Полноте, Бьянка Ивановна! По доброте своего сердца вы и белужью харю назовете красавицей, знаю я вас! Извините меня за эти *кель-выражансы*, но я искренне вам говорю» (В пансионе).

То же в письмах самого А. П. Чехова: «Целый день сижу, читаю и делаю выписки. В голове и на бумаге нет ничего, кроме Са-

халина. Умопомешательство. *Mania Sachalinosa*» (из письма к А. Н. Плещееву, 15 февраля 1890).

Даже один из своих юношеских псевдонимов А. П. Чехов офранцузил — *Чехонгэ*. Правда, несколько позже он писал: «Псевдоним А. Чехонте, вероятно, и странен и изыскан. Но придуман он еще на заре туманной юности, я привык к нему, а потому и не замечаю его странности» (из письма к А. С. Суворину от 21 февраля 1886).— Следует заметить, что прилагательное *изысканный* в XIX веке в применении к языку или слову имело значение 'искусственный, претенциозный'. Ср. также индивиду-

альное чеховское образование *газетчикхен*: «А ты, брат, недоумение, обоняние, газ... ничтожество... *газетчикхен*. Я газетчик, потому что много пишу» (из письма к Ал. П. Чехову от 13 мая 1883).

Этот тип «вольностей» речи в настоящее время менее распространен, однако в устной речи, особенно людей старшего поколения, можно услышать: *кель выражамс, нахалите (накалите) вопиянт* 'вопяющее нахальство' и под. В Свердловске мне приходилось слышать, как коренных уральцев называют *Хомос уралендус*. А в 30-е годы я слышала, как школьницы, начавшие изучать французский язык, распевали:

Что такое кэс-кэ-сэ?
Комар муху *укусэ*,
Муха лапкой *потрясэ* —
Вот что значит кэс-кэ-сэ.

Ср. также: «— С выздоровлением, *Зинтик-винтик!* — скорчив одну из своих многочисленных гримас, приветствовал Пташечкина Болотов.— Давно изволили выписаться из дома *врачеус-больницус?*» (Костоглядова. Есть романтика!).

4

Искажение фонетического облика слова. Некоторые искажения получают широкое распространение и становятся общим достоянием, как бы стилистически отмеченными синонимами к обычным словам, например, *уря* (ура), которое используется при неодобрении неуместной восторженности.

Есть такие явления и в речи чеховских персонажей: «Орлов записал мой адрес, вздохнул и сказал с улыбкой: — Что за комиссия, создатель, быть малой дочери отцом! Но Пекарский все устроит. Это „*вумный*“ мужчина» (Рассказ неизвестного человека). Ср.: «К Лицтваревым приехал полубог Воронцов — очень *вумная*, политико-экономическая фигура с гиппократовским вы-

ражением лица, вечно молчащая и думающая о спасении России» (из письма к А. Н. Плещееву от 28 июня 1888); «Собираю из всех редакций по крохам, а Вас прошу выслать мне *аванец* в размере 60 рублей, треть которого я уже отработал... Считаю нужным присокупить, что оный аванс не будет иметь никакой цены, если придет в Воскресенск позже 1 сент.» (из письма к Н. А. Лейкину от 21 августа 1887).

Ср. у И. С. Тургенева: « — Толковали мы с одним из наших нынешних „*вьюношей*“ о различных, как они выражаются, вопросах... с „*вьюношами*“ надо всегда говорить почтительно» (Дым).

Такие явления свойственны устной речи и в наши дни, например: «Добросовестные машинисты не наступали перьям и лентям на мозоли. Боялись прослыть бузотерами, больно „*сумными*“ и сознательными» (Авдеенко. Я люблю); «У меня есть *шанец* выиграть» (из устной речи); «Это у вас *заграмоничные* перчатки?» — спрашивает интеллигентная женщина другую (из устной речи).

Довольно широко используется слово *шкилет* и *шкилетина* вместо *скелет*, *слекетина* в переносном значении 'тощий': «Все они [молодые физики] печатали статьи в физических журналах, подрабатывали в реферативном журнале. Тех академиков, которых они обожали, они звали Борода, Кентавр, *Шкилет*, остальных считали склеротиками» (Гранин. Иду на грозу). Ср. индивидуальное *качество* и *коликчество* у Аркадия Райкина.

Таким образом, в речи чеховских персонажей отражены различные явления, характерные для непринужденной разговорной речи русской интеллигенции конца XIX и начала XX века. Некоторые из этих «вольностей» были свойственны и живой речи более ранней поры, о чем свидетельствует наличие их в произведениях И. С. Тургенева. Многие из этих явлений свойственны в большей или меньшей мере и устной речи нашего времени.

Доктор филологических наук
Н. А. ЯНКО-ТРИНИЦКАЯ

В следующем номере „РУССКОЙ РЕЧИ“
читайте материалы,
посвященные 150-летию И. С. Тургенева

КАК

ВАС

ЗОВУТ?

Широкое употребление уменьшительных форм личных имен — яркая экспрессивная черта нашей речи. Уменьшительно-уничижительным именем с суффиксом *-к(а)* в обществе, разделенном на сословия и классы, издавна называли человека, принадлежащего к низшему социальному кругу. Оттенок уничижения, грубости, заключенный в этих именах, становится особенно явным при сопоставлении их с именами уменьшительно-ласкательными: Сапка — Сашенька, Верка — Верочка, Алешка — Алешенька. Имена с суффиксом *-к(а)* могут выступать и в качестве кличек животных: бык Яшка, кот Васька, коза Милка и т. п. Стилистически сниженное имя, сходное с кличкой, напоминающее человеку о незавидном положении его в обществе, становится для него обидным и оскорбительным.

Трудно установить пределы распространения таких имен, их стилистическую роль в живой разговорной речи прошлого, но на помощь нам приходят памятники письменности, фольклор, художественная литература, отражающие изменения языковых норм. В летописях XII и XIII веков лица, принадлежащие к низшему социальному кругу, назывались уменьшительно-уничижительными именами: Михалка, Тимошка. В письме Ивана Грозного к А. Курбскому (XVI век) представители социальных верхов величаются полными именами, часто с прибавлением отчества, с указанием титулов: великий князь Владимир, великий государь Василий, князь Иван Федорович Бельский и др., а слуга Курбского Шибанов именуется Васькой.

Недавно опубликованы архивные материалы частной переписки служилых дворян, сельских старост, приказчиков, крестьян, знакомящие нас с разговорным языком XVII — начала XVIII века (С. И. Котков, Н. П. Панкратова. Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964; Памятники русского народно-разговорного языка XVIII столетия. М., 1965; Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968).

Стиль писем-«грамоток» требовал от автора самоуничижения, независимо от того, к какому социальному кругу он принадлежал. Достигалось это употреблением стилистических штампов «челом

бьют», «плачутся сироты» и уничижительных имен. Дворянину И. И. Киреевскому слали «грамотки» «... братишка Тимошка», «племянничка Дунька», а стольнику И. С. Ларионову «била челом женишка Дашка». А. И. Безобразову «челом бьет» холоп Ивашка Щербачов, а сам А. И. Безобразов пишет в челобитной царю: «...бьет челом ...холоп твой Илюшка Безобразов». А. И. Самарину, владельцу многих вотчин, углепному наместнику «бьют челом» и «плачутся сироты» старостипка Никитка Левонтьев и целовальничка Афонька Петров. Суффикс *-шик(а)* несет еще большую экспрессию. При этом только в нарицательных именах он приобретает оттенок уменьшительности-уничижительности. Интересно отметить, что уменьшительно-уничижительным суффикс *-к(а)* бывает только в именах собственных, а в нарицательных он уменьшительно-ласкательный (ручка, ножка, головка).

Особого внимания заслуживают письма самих крестьян, в которых вместо уничижительного они ставили свое полное имя в сочетании с фамилией. Рядом с узаконенными словосочетаниями «челом бьет», «плачутся сирота» появлялись: Яков Мартынов, Илья Иванов, Павел Микитин, Еремей Ефимов, Домна Федорова, Афанья Никитина. В этих письмах были жалобы на обидчиков и притеснителей: на соседа Ерофея Васильева, на целовальника Ивана Климова, на «приказного человека» Карпа Иванова сына Гуляева. Крестьяне именовали уважительно даже своих врагов. В определенных ситуациях в устной разговорной речи крестьян, конечно, звучали и уменьшительно-уничижительные имена, которыми они называли друг друга.

С большим художественным тактом выбирал народ имена героев своих произведений. Нейтрально звучит полное имя в пословицах: «Не наказывай Фому за Еремину вину» или «У всякого Павла своя правда». Полным именем, иногда в сочетании с отчеством, величаются былинные богатыри — Илья Муромец, Добрыня Никитич. Ласково называются любимые сказочные герои — Аленушка, Иванушка, Снегурочка. Поэтика имен в пословицах: «Алчного Еремку вяжи его в веревку», «У нашего Тропки задрожали ножки», «Указкою глупого Фомку не выучишь, ласкою наглого гостя не выгонишь» — определяется отрицательным отношением народа к жадному, трусливому, глупому человеку. Интересна пословица: «У Фомушки денежки — Фомушка Фома; у Фомушки ни денежки — Фомка Фомка». Средствами суффиксального образования личных имен: Фома, Фомушка, Фомка — отражается в ней тот социальный уклад, при котором положение человека и его авторитет полностью зависели от материального положения, уменьшительное имя как знак пренебрежения досталось бедняку.

В духе традиций народного творчества М. Е. Салтыков-Щедрин дал имена героям своей сказки «Соседи»: богатого величали Иваном, сударем, Семеновичем, бедного называли Иваном, а подчас и Ивашкой. Выбор имени героя литературного произведения

обусловлен многими причинами. Он определяется не только традициями, но и эстетической позицией писателя, речевой культурой среды, к которой принадлежит герой, отношением к нему автора, всей эмоционально-стилистической атмосферой произведения.

Русская классическая литература XVIII—XIX веков отражала принятое в обществе деление на «благородных» (дворян) и «подлых» (крестьян). «Благородные» сами себя называли полными именами, прибавляя титулы. Уменьшительные имена были социальной приметой крепостных: Ванька (Фонвизин. Послание к слугам моим), Тришка, Палашка (Фонвизин. Недоросль), Андришка, Гришка (Новиков. Сатирический журнал «Трутень», Копия с помещичьего указа), Филатка (там же, Копия с другой отписки), Акулька (Пушкин. Евгений Онегин), Типка (Сухово-Кобылин. Свадьба Кречинского), Васька, Ванька, Мотька (Гончаров. Обломов). Подобные имена у М. Е. Салтыкова-Щедрина превращались в собирательные: Гришки, Трошки, Маврушки (Благонамеренные речи).

Русская прогрессивная литература и публицистика обличали социальные порядки, порождающие угнетение и унижение человека. М. Е. Салтыков-Щедрин зло высмеял помещиков в романе «Господа Головлевы». Арина Петровна, потрясенная приближением реформы 1861 года, спрашивает себя: «Как это я Агашку звать буду? чай, Агафьюшкой..., а может и Агафьей Федоровной величать придется!». Нельзя не вспомнить гневных слов В. Г. Белинского из «Письма к Гоголю» о крепостнической России: «...она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр не человек; страны, где люди с а м и с е б я называют не именами, а к л и ч к а м и (разрядка моя.— *Е. А.-Б.*): Ваньками, Васьками, Степками, Палашками». Революционный демократ обрушивался не только на общественное устройство, но и на крепостных, примирившихся с потерей человеческого достоинства.

Иногда писатели наделяли крестьян полными и даже ласкательными именами, а дворян — уменьшительно-уничижительными. В литературе последней трети XVIII века был популярен жанр комической оперы. Передовые писатели отводили крестьянам активную роль в развитии ее сюжета. Это было своеобразным отзвуком крестьянской войны 1773—1775 годов. Утверждение личности крестьянина подчеркивалось и структурными особенностями его имени. Образ крестьянки Анюты, а не Анютки, как можно было бы ожидать, встречаем в комических операх: Я. Б. Княжнин. Несчастье от кареты; А. А. Аблесимов. Мельник, колдун, обманщик и сват; И. А. Крылов. Кофейница; а также у А. Н. Радищева в «Путешествии из Петербурга в Москву». Нарушение традиций создавало определенный стилистический эффект. В романе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы» один из «благо-

родных» дворян, Степан Владимирович, именовался Степкой-балбесом.

Выбор имен для детей — персонажей литературных произведений — подчинялся общим принципам. Любовное отношение И. С. Тургенева к крестьянским детям — героям рассказа «Бежин луг» — не позволило ему дать им клички. С детства помним мы их имена: Федя, Павлуша, Илюша, Костя и Ваня. Уменьшительно-уничижительные имена вперемежку с ласкательными даются автором только в диалогах мальчиков.

В рассказах А. П. Чехова «Мальчики», «Детвора», «Событие» изображены дети представителей русской интеллигенции — Володя, Коля и др. Только в одной из сюжетных ситуаций провинившуюся четырехлетнюю Нину, рассердясь на нее, отец называет Нипкой (Событие). Дети бедняков, отданные в «люди», наделяются уничижительными именами: маленькая пняшка Варька (Чехов. Спать хочется), девятилетний Вацька Жуков (Чехов. Ванька), мальчик из парикмахерской Петька (Л. Андреев. Петька на даче). Интересно отметить, что сверстники Петьки именовются не одинаково: один из них — Николка — тоже прислуживал в парикмахерской, а другой — гимназист Митя (а не Митька) был господским сыном, с которым Петька познакомился на даче. Вспоминается Ленька из рассказа М. Горького «Страсти-мордасти» и многие другие маленькие герои из произведений русских писателей.

Так, классическая литература, фольклор, памятники письменности, отражая живую разговорную речь, донесли до нас стилистически сниженную окраску уменьшительного имени и отразили границы его распространения, обусловленные сословно-классовым делением общества.

Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила сословные и классовые перегородки. Исчезли социальные причины, порождающие необходимость употребления уменьшительно-уничижительных имен с суффиксом *-к(а)*. Ранее бесправные люди обрели человеческое достоинство, потребовали уважения к своей личности.

Казалось бы, можно было ожидать сужения зоны распространения имен-кличек, однако этого не произошло. Они продолжают жить в наше время, но выступают в новой роли.

Однажды пятиклассница рассказывала мне о жизни школы, бойко пересыпая речь именами: Светка, Лариска, Алешка. На мое замечание, почему она так неуважительно называет своих сверстников, удивленная девочка ответила: «Так все говорят. Так и в книгах пишут».

Да, действительно, так говорят и так пишут. Вот телефонный разговор двух студенток:

— Алло! Ирка, ты? Здравствуй, милая! Мою просьбу выполнила?

— Очень хорошо. Я все передам. Андрюшка вернул книгу. Пока! Тороплюсь в столовку.

Диалог звучит игриво, весело.

Вот разговор двух домохозяек:

— Старший-то сын, Гришка, скоро защищает диплом. На север едет; а Тамька замуж вышла!

— А наш Володя уже врач; любит свою работу.

Различные по своей структуре имена детей произносились одинаково любовно.

Спрашиваю молодую женщину, работницу завода, почему она называет близких ей взрослых людей Сашкой, Колькой, Зинкой, а дочку свою — Оленькой. Смысл ответа был таков: малыша «жалко называть полуименем».

Можно было бы привести много примеров из живой речи, но, пожалуй, пусть лучше каждый прислушается к ней. Уменьшительно-уничижительные имена употребляются многими нашими современниками без мотивированного выбора, в различных ситуациях, в разных контекстах, в разной тональности, почти полностью вытесняя другие образования имен, обедняя нашу речь.

Имена эти звучат с экранов телевизоров и кино, мы слышим их по радио, на сцене театров, читаем на рекламных плакатах: «Друг мой Колька», «Мишка, Серега и я», «Алешка», «Верка и алые паруса» и др. Они пестрят в журналах, книгах, особенно часто в тех, которые пишутся для детей.

Наметились две тенденции в использовании этих имен нашими писателями. Одна из них связана с традициями фольклора и литературы, требующими художественно оправданного выбора имен. Уменьшительно-уничижительное имя может служить детально речевой характеристики героя, обусловленной социальными или психологическими причинами, возникающими в определенных сюжетных ситуациях. Чаще оно может встречаться в диалогах, монологах персонажей, реже — в языке писателя.

В романе А. Фадеева «Разгром» мы изредка находим имена — Варька, Ефимка, Гришка. Они выступают как типическая деталь речи людей из народа. Фадеев иногда вводит и в свое повествование услышанные от партизан имена, но подчеркивает их особое место в лексическом составе «Разгрома»; выражение «задрипанная Маруся» писатель дает в кавычках.

Перед нами рассказ Н. Ходза «Как Надька Надей стала». В большом произведении немало уменьшительно-уничижительных имен, но социальная острота его заключается в их отрицании. Идет 1920 год. Встреча крестьянок с В. И. Лениным и Н. К. Крупской подготовила женщин к протесту против веками установленной привычки называть человека кличкой. Они говорили о грубости своих мужей: «Только и слышишь: Дунька! Пашка! Варька!

А Ленин-то как уважительно, любовно: „Надя,— говорит,— осторожно, прошу тебя, осторожно“». Молодая крестьянка на привычный окрик мужа «Надька!» ответила молчанием, а потом достоинством сказала: «Не кличь меня Надькой! Не желаю! Не Надька я!.. Надеждой... Надей должен называть».

Другая тенденция в употреблении писателями уменьшительно-уничижительных имен характеризуется стихийным включением их в язык художественной литературы. Читателю неизвестно, например, почему в повести-сказке Л. Лагина «Старик Хоттабыч» советский школьник назван Волькой, в очерке Л. Ковшова «А дорога все дальше идет» одни из строителей именуются полными именами, а другие — уменьшительными: Ленька, Генка. Непонятно, почему в передаче действующих лиц и в ремарках пьесы В. Пановой «Проводы белых ночей» молодая женщина, на долю которой выпала тяжелая судьба, именуется автором Нинкой, а в диалогах ее называют не только Нинкой, но и Ниной и Ниночкой. В рассказе Б. Емельянова «Плавающий остров» в диалогах персонажей имена эти редки, а язык автора перенасыщен ими — Юрка, Лидка, Колька. В рассказе С. Смоляницкого «Когда в доме стало тихо» в авторском повествовании инженер-конструктор то Петр, то Петр Валентинович, а чаще — Петька. Все другие персонажи произведения и только что родившаяся Петькина дочь получают полные или ласкательные имена. Отец инженера, экономист Валентин Николаевич, никогда не произносит вслух имени сына, он лишь мысленно называет его и всегда — Петькой. Может быть, ему была свойственна такая манера употребления имен? Нет! Жену свою он называет Катей, Екатериной-свет-Григорьевной, соседку — Валей, а все девочки с косичками ему казались Леночками. Как в речь Валентина Николаевича проникло имя Петька? Оно стихийно ворвалось в язык персонажа из речи автора.

Широкое, немотивированное вовлечение уменьшительно-уничижительных имен в язык художественной литературы часто приводит читателя в недоумение и даже снижает идейно-эстетическое значение произведения. Если по повести Е. Криштоф «Утро каждого дня» составить перечень имен — Генка, Верка, Нинка, Жорка, Ленька, Яшка, Борька, то нельзя понять, о ком идет речь: о детях или о взрослых, о людях или животных. А в тексте, оказывается, Борька — маленький козел, Яшка — взрослый человек, героически погибший во время войны с фашистами, остальные имена принадлежат детям.

Вот два стихотворения: «Петька» Д. Кикина и «Алешка» И. Рядченко: Петькой назван козел, Алешкой — герой Великой Отечественной войны, солдат-освободитель, которому поставлен памятник в Болгарии. Кличка (вместо имени героя нашей эпохи) противоречит идейно-психологической и эстетической сущности художественного образа. При чтении этого стихотворения невольно вспоминается один из былинных героев, которого народ называл Алешей Поповичем, а... не Алешкой.

Сфера распространения имен с суффиксом *-к(a)* в современной живой речи сравнительно с дореволюционным временем значительно расширилась, и имена типа Маішка, Мишка, сохранив в себе стилистически сниженную окраску, в ряде случаев стали признаком, характеризующим недостаточную речевую культуру.

Этому во многом способствует язык отдельных художественных произведений. Наш современник — и радиослушатель, и зритель, и читатель — постоянно находится под влиянием литературы и, доверяя ей, приходит к неправильному для себя выводу: принимает уменьшительно-уничижительное имя, элемент просторечия, за литературную норму, ссылаясь на то, что «так пишут».

Стилистически сниженное, грубое, тождественное кличке, когда-то очень обидное имя с суффиксом *-к(a)* вступает в наше время в противоречие со всем тем, что делается для человека.

Не пора ли перестать бездумно пользоваться суффиксом *-к(a)* в собственных именах?

Кандидат филологических наук
Е. А. АКУЛОВА-БОГОРОДСКАЯ

Письма в редакцию

Уважаемые товарищи!

Донельзя поражен и возмущен появлением в № 29 «Литературной газеты» от 17 июля 1968 года заметки кандидата филологических наук Н. А. Еськовой «Жюль Верну или Жюлю Верну?» Непредубедленному человеку трудно даже понять, почему скромная и вполне корректная заметочка в 30 строк так рассердила Н. А. Еськову. Ведь В. П. Даниленко, не претендуя ни на какие обобщения, обратила внимание на явную неправильность в склонении иностранных имен и фамилий. Квалифицировать это небольшое выступление как «раздраженный окрик» — значит вводить в заблуждение читателей «Литературной газеты» и, мягко говоря, грешить против истины.

По существу же В. П. Даниленко совершенно права и опирается не

только на мнение такого авторитета, как Д. Э. Розенталь, но и на сложившуюся традицию. Получая сочинения французского писателя в качестве приложений к журналам «Вокруг света» и «Природа и люди», я с детства запомнил, что имя писателя — *Жюль*, а фамилия — *Верн*. При чем же тут сочетание имени и фамилии, как единого целого, о чем пишет Н. А. Еськова?

Мне кажется, что напустившись на автора заметки в «Русской речи», Н. А. Еськова применила порочный прием «подмены понятий». Большинство читателей хорошо знает, что романиста *Верна* звали *Жюлем*, но не всякому известно, что у *Конан Дойля* было «христианское» имя *Артур*, у *Брет Гарта* — *Франсис*, а у *Майн Рида* — *Томас*. Поэтому со-

чтения *Брет-Гарт*, *Конан-Дойль*, *Майн-Рид*, которые раньше у нас писались через дефис, воспринимались как двойные фамилии. Отмечу в качестве курьеза, что в имени и фамилии известного американского писателя, друга Советского Союза Альберта Риса Вильямеа одни редакторы воспринимают *Рис* как второе имя, а другие как часть фамилии. Для того, чтобы высказывать правильные суждения о склонении иностранных имен и фамилий, нужно прежде всего знать данный иностранный язык и понимать, что относится к имени и что к фамилии. Тем более не убедительна ссылка Н. А. Еськовой на такого опытного литературоведа и переводчика, как А. Старцев, который разбирается в этом вопросе бесспорно лучше автора заметки в «Литературной газете».

Боюсь, что Н. А. Еськова либо не знает, либо забыла назидательный афоризм Козьмы Пруткова: «Рассуждай токо о том, о чем понятия твои тебе сие дозволяют. Так: не зная законов языка ирокезского, можешь ли ты делать такое суждение по сему предмету, которое не было бы неосновательно и глупо?».

Дорогая редакция!

В вашем журнале мне больше всего нравятся статьи и заметки о словах. Пишу вам несколько слов, может быть они войдут в наш русский язык, и может быть они понадобятся нашим фантазерам и т. д.

Дискомет (дискобол) — метатель диска.

Копьемет — метатель копья.

Космовед, **Луновед**, **Космист**.

Лунонок, **лунята** (множественное число) — ребенок, родившийся на Луне.

Лунист — человек, изучающий космос и Луну. (Как Ираклий Андроников — лермонтовед и т. д.).

Луновещание — вещание с Луны или о Луне.

Лунолет — самолет, летающий на Луну.

Лунолог — исследователь, разведчик на Луне (есть же слово планетолог).

В самом деле, разве в заметке, полемизирующей с журналом «Русская речь», не поразит читателей такое противостественное для русского языка речение: «Сейчас в редакторской практике объявлена борьба давно укоренившимся...» и т. д. Между тем четырехтомный Словарь русского языка яено указывает: «борьба с чем...», «борьба за что», но не дает никаких указаний насчет «борьбы чему». Не заблудался ли ученый автор в трех соснах, спутав слово «борьба» со словом «война»? Вот объявить войну чему-нибудь действительно возможно.

Журнал «Русская речь» издается второй год, и он уже привлек внимание общей прессы. Тем более странно и обидно, что орган Правления Союза советских писателей не нашел другого способа оповестить читательскую аудиторию о существовании «Русской речи», как посредством легкомысленного и путаного наскока на безобидную заметку.

О. В. РИСС
Ленинград

Лунометр — измеряющий Луну аппарат.

Луноход — машина, которая ходит по Луне.

Планетика — учебник о планете (есть же арифметика, косметика).

Уплемед — уллетатель (пожиратель) мёда. Шуточное слово.

Электролет — электрическая машина типа самолета.

Электролетчик

Ядромет — метатель ядра, спортсмен.

С. Д. КУДРЯВЦЕВ
г. Новая Каховка

БЛАГОДАРИ ОПЛОШНОСТИ

От редакции. Многие читатели возвращаются к вопросу, поднятым в статье Е. Т. Черкасовой «Здравый смысл и языковая норма» («Русская речь», 1968, № 2). Мы публикуем письмо преподавателя русского языка А. Г. Мсерьяна, поддерживающего точку зрения Е. Т. Черкасовой.

Во многих газетах и журналах время от времени появляются статьи и заметки о том, как следует и как не следует говорить. В них приводятся примеры неправильного употребления слов и выражений, встречающихся в печати и в устной речи. И почти неизменно в качестве наиболее распространенного примера ошибки упоминается предлог *благодаря*, когда он употребляется в сочетании с существительным, которое указывает на причину отрицательного или нежелательного явления. Нельзя, например, по их мнению, говорить: «Благодаря неопытности проводника, мы потеряли лишний час в пути» или «Благодаря оплошности корректора в статью вкралась грубая ошибка». Но давайте рассуждать объективно.

Деепричастие *благодаря*, переходя в предлог, приобретает новый смысл. Будучи предлогом и управляя уже другим падежом, слово *благодаря* указывает только на причину, как и другие синонимические предлоги: из-за, вследствие и др. Предлог не имеет никакого самостоятельного значения вне контекста, вне фразы. Вряд ли нас должно смущать то обстоятельство, что *благодаря* образовано от слова, которое в качестве значимой части речи имеет определенное значение, а именно — «выражает удовлетворение, благодарность, положительное отношение к чему-то». Мало ли слов, которые, переходя из одной категории в другую, совершенно отрываются от своего первоначального значения. Взять хотя бы *вокруг* —

от существительного *круг* и присоединившегося к нему предлога *во* (в). Совсем не обязательно этот предлог употреблять только тогда, когда речь идет о предметах, имеющих круглую форму. Вообще в русском и в любом другом языке смысловые сдвиги — явление довольно частое. Старое, изначальное значение слова — не аргумент против его употребления в новом значении. Сюда относятся общеизвестные: стрелять, красные чернила, розовое белье и многие другие. А вот для слова *благодаря* делается исключение: как можно благодарить за оплошность, за дурную погоду, за измену! Но ведь здесь речь идет вовсе не о благодарности, а только о причине, а какова причина — желательная или нежелательная — это должно быть безразлично для предлога.

Впрочем, процесс отрыва предлога от деепричастия *благодаря* еще не завершился: еще ощущается значение, которое он имел, будучи глаголом или деепричастием. Поэтому рано советовать всегда без разбора заменять *из-за* предлогом *благодаря*.

Но это, строго говоря, не причина называть неграмотными людей, которые более последовательны и, может быть, чуть спешат.

Запрещать предлог *благодаря*, ограничивать его употребление, руководствуясь значением деепричастия, нельзя. Он имеет право на употребление в самых разнообразных контекстах.

А. Г. МСЕРЬЯН
г. Ленинск

Выходишь на счастливый перекресток
Страной открытых для тебя дорог.

А. ЖАРОВ. Счастливый перекресток

4) Замена личного местоимения *вы* местоимением *ты* при обращении к крупным деятелям, к известным людям:

Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать...
Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами...

Н. А. НЕКРАСОВ. Памяти Добролюбова

Известно, что местоимения получают конкретное значение только в условиях связного текста. Однако иногда в самом контексте местоимения не конкретизируются, не раскрываются, и в этом случае высказывание принимает общий, абстрактный характер. Кроме того, многие местоимения могут субстантивироваться (т. е. переходить в существительные), что также помогает передавать обобщенность и отвлеченность понятий.

Если при переходе прилагательного в существительное суживается, конкретизируется его лексическое значение, ср.: рабочий (костюм, день и др...) — рабочий (только *человек*), то при переходе, например, указательных и определительных местоимений происходит некоторое ослабление их основного значения и местоимения приобретают способность выражать всеобщность явления.

Употребляя в речи местоимения без существительных, мы в определенной языковой ситуации имеем возможность, с одной стороны, подчеркнуть выделение каждого конкретного предмета из совокупности однородных, с другой — расширить конкретное суждение и довести его до обобщения фактов, их типизации, так как местоимения-существительные по сравнению с категорией подобных им местоимений-прилагательных имеют более общее значение (ср.: *все* или *все учащиеся*; *каждый* или *каждый спортсмен*).

Особенности употребления местоимений различных разрядов широко используются в поэзии. Например, в стихотворении Н. А. Некрасова «Крестьянские дети» местоимение-подлежащее служит не только для объединения предложений в связный текст, но и для того, чтобы ярче показать отдельные группы детей:

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку, двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведро кvasку,
А *тот*, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит по песку;
Та в лужу забила, а *эта* с обновкой:
Сплела себе славный венок,—
Все беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, *те* пляшут впрысядку...

Для конкретизации общего суждения также используются местоимения-подлежащие. Например, в повести «Дубровский» А. С. Пушкина при перечислении предполагаемых причин пожара употребляются различные местоимения, раскрывающие понятие *все*: «На другой день весть о пожаре разносилась по всему околотку. *Все* толковали о нем с различными до-

гадками и предположениями». И далее: *«Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности. Другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселье, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием».*

Подобные приемы находим и в современной поэзии. Например, В. В. Маяковский, описывая утро рабочего дня, использует местоимение *кто* с целью конкретизации обстановки:

Чуть ночь превратится в рассвет,
вижу каждый день я:
кто в глав,
кто в ком,
кто в полит,
кто в просвет,
расходится народ в учрежденья.

Прозаседавшись

Р. Рождественский в стихотворении «Разговор с горой Карадач» также раскрывает общую мысль с помощью местоимения *кто*:

Я ведь тоже привык
к своему счастью —
видеть снег,
слышать вышь,
в машинах
качаться.
Привыкаем мы все —
рано или поздно —
кто — к теплу,
кто — к росе,
кто — к гудкам поезда.

В определенном контексте такое же явление происходит и с порядковыми числительными, которые не столько называют порядок при счете, сколько служат средством для логической организации связного текста. Например, в стихотворении С. Михалкова «Школа»:

Умчались школьные года,
И не догонишь их,
Но я встречаю иногда
Товарищей своих.
Один — моряк, другой — танкист,
А третий — инженер.
Четвертый — доктор-окулист,
А пятый — землемер.
Шестой — полярный капитан,
Седьмой — искусствовед.
Восьмой — наш диктор, Левитан,
Девятый — я, поэт...

Служебный характер этих числительных объясняется также и соседством местоимений: один (кто), другой. В этом стихотворении С. Михалков пишет о своих школьных товарищах, но прием употребления числительных-подлежащих выступает как средство художественного обобщения.

Таким образом, употребление в связном тексте местоимений и числительных, способных передавать обобщенность и отвлеченность понятий, служит для типизации явлений и широко используется в поэтической речи.

В. А. МЫЗИНА,
доцент ЛГПИ им. А. И. Герцена

Лев Владимирович ЩЕРБА

(1880—1944)

Имя академика Льва Владимировича Щербы хорошо известно не только языковедам, но и очень широкому кругу читателей. Уже с самого начала научной деятельности и до конца жизни Лев Владимирович считал важнейшим долгом ученого вносить в преподавание языков (русского и иностранных) лучшие достижения лингвистической науки. Его первая печатная работа — «О служебном и самостоятельном значении грамматики как учебного предмета» (СПб., 1904), а в последние годы жизни он редактировал стабильный учебник по грамматике русского языка для средней школы.

Л. В. Щерба постоянно возвращался к вопросам преподавания языков. Он был первым организатором широко распространенного в наши дни фонетического преподавания иностранных языков. Л. В. Щерба много способствовал развитию и теоретической фонетики. Вслед за его «Фонетикой французского языка» (первое издание — Л.—М., 1937),

неоднократно переиздававшейся и после его смерти, вышел ряд учебников по фонетике разных языков (книги О. Н. Никоновой, О. И. Дикушиной, И. П. Сунцовой, Г. П. Торсуева и др.), в принципе следовавших его идеям и методам.

Подчеркивая общеобразовательное значение языков, Л. В. Щерба считал необходимым сознательное изучение их на научной основе, а не путем механического «зазубривания» слов и грамматических правил. Он постоянно выступал с методическими докладами и статьями, писал программы для школ и докладные записки по вопросам организации народного просвещения.

Эта практическая деятельность выдающегося советского языковеда не была оторвана от его теоретических изысканий, а напротив, была теснейшим образом связана с его общелингвистическими идеями.

Из теоретических работ Л. В. Щербы нужно прежде всего назвать ма-

гистерскую Диссертацию «Русские гласные в качественном и количественном отношении», опубликованную в 1912 году. Во «Введении» к этой книге Лев Владимирович развивал идеи своего учителя И. А. Бодуэна де Куртенэ, который, как известно, первый ввел понятие фонемы. Поскольку Бодуэн де Куртенэ не дал развернутой теории фонемы, или, как писал Л. В. Щерба, «не все в своей теории развил с надлежащей полнотой», Л. В. Щерба сделал это во «Введении», где впервые в истории языковедения рассмотрены (с разной степенью детальности) все связанные с теорией фонем проблемы, получившие широкое развитие в фонологии лишь во второй четверти нашего века. Здесь мы находим и теорию членения потока речи на далее неделимые единицы — фонемы, и противопоставление понятий фонемы и ее оттенка, и доказательство того, что установление тождества фонем определяется лингвистическим (словоразличительным) критерием, которому подчиняется акустический, и вопрос о монофонематической и бифонематической трактовке так называемых «сложных» звуков, и, наконец, вопрос об исчезновении из того или иного языка одних фонем и развитии из оттенков других новых фонем, т. е. центральный вопрос исторической фонологии. Примеры Л. В. Щербы, показывающие, что одна и та же в акустическом отношении пара звуков может иметь в разных языках разное фонематическое значение, до сих пор постоянно используются в фонологических работах.

К теории фонемы Л. В. Щерба возвращается и в своих более поздних трудах: подробнее — в «Фонетике французского языка» (Л., 1937)

и в «Теории русского письма», опубликованной посмертно.

Теорию фонемы Л. В. Щерба не отделял от общей фонетики, которая также всегда была в центре его внимания. Известно, как энергично Лев Владимирович возражал против разрыва фонетики и фонологии. «Против чего надо всячески протестовать — это против отрыва фонологии от фонетики в узком смысле слова», — писал он также в посмертно опубликованной работе «Очередные проблемы языковедения».

Л. В. Щерба был крупнейшим специалистом в области экспериментального метода в фонетике. Благодаря его усилиям Лаборатория экспериментальной фонетики Ленинградского университета выросла в одно из ведущих учреждений такого рода в нашей стране.

Лев Владимирович намеревался также написать курс общей фонетики, но преждевременная смерть помешала ему осуществить это начинание.

Другой областью языковедения, в которой Л. В. Щерба много работал и оставил значительные труды, была лексикография. Он принимал участие в разработке принципов составления и в редактировании «Словаря русского языка» Академии наук, а также написал несколько статей для этого словаря; например: «Союз и», «Игра», «Играть» и др.

Широкой известностью пользуется также «Русско-французский словарь» (М., 1936), составленный Львом Владимировичем совместно с М. И. Матусевич и М. Ф. Дуссом. Второе издание (М., 1939) открывалось предисловием, в котором Лев Владимирович излагал теорию дифференциальной лексикографии и обосновывал новую систему переводов и способов их подачи. Это предисловие сыграло важ-

ную роль в лексикографической практике в области двуязычных словарей. Словарь выдержал восемь изданий и продолжает издаваться до наших дней.

Как уже было сказано, лингвистические интересы Л. В. Щербы были чрезвычайно широки. Его теоретическая мысль проникла в самые разнообразнейшие сферы науки о языке. Разумеется, не составляла исключения и теория грамматики. Теории частей речи — одной из важных и труднейших проблем грамматики — посвящена статья Льва Владимировича «О частях речи в русском языке». Напечатанная еще в 1928 году в сборнике «Русская речь» (Новая серия, вып. II), она принадлежит к числу наиболее популярных его работ. В этой статье Л. В. Щерба предлагает не только новые критерии в определении частей речи, не только дает свою систему частей речи в русском языке, но по-новому подходит и к самой проблеме частей речи. Так, он пишет: «...в вопросе о „частях речи“ исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее — ибо дело вовсе не в „классификации“ — под какую общую категорию подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие общие категории различаются в данной языковой системе».

Интересно в той же статье определение формальных признаков, «...которые могут быть самые разнообразные: изменяемость слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, ин-

тонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д. и т. д.». Широкое применение в исследованиях о частях речи в разных языках получило понятие об особой части речи, названной Л. В. Щербой «категорией состояния».

Столь же оригинальный подход мы находим и при решении одной сложной синтаксической проблемы в опубликованной посмертно стенограмме доклада, прочитанного в 1936 году, «О второстепенных членах предложения».

Из общеграмматических идей Л. В. Щербы следует назвать выдвинутое им различие активной и пассивной грамматики. Эта идея созвучна современному противопоставлению синтеза и анализа в теории машинного перевода. Наиболее подробно она была изложена Л. В. Щербой в связи с рассмотрением общих вопросов методики преподавания иностранных языков. Сам Лев Владимирович дал образец пассивной грамматики, как он представлял ее себе, во втором издании «Русско-французского словаря»; кроме того, он редактировал «Граматику немецкого языка» (М., 1942), написанную его учениками Н. Г. Гадд и Л. Я. Браве.

Все работы Л. В. Щербы были в той или иной степени связаны с общелингвистической проблематикой, но лишь немногие из них непосредственно посвящены вопросам общего языковедения: «О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» и «Очердные проблемы языковедения». В первой Л. В. Щерба подвергает критике сосюрвовское противопоставление языка и речи как социального индивидуальному и предлагает различать «языковую систе-

му», «языковой материал» и «процессы говорения и понимания» («речевая деятельность»). Он расчленяет при этом сосюрловское понятие речи на два понятия: языковой материал и речевая деятельность.

Во второй статье Л. В. Щерба излагает как бы программу будущих лингвистических исследований. Большой интерес представляют строки о необходимости изучения разных видов языков: языков так называемых «примитивных племен», языков жестов, речи афатиков (людей с речевыми дефектами). При этом Л. В. Щерба настаивал на необходимости «беспристрастного» их изучения, то есть недопустимости подхода к ним с готовыми предвзятыми мерками, внушаемыми родным языком исследователя.

Особенно большое значение Л. В. Щерба придавал синхроническому рассмотрению языковых явлений. Он писал: «Я думаю, что недооценка роли синхронической лингвистики находится в связи с недооценкой роли грамматики (а как увидим ниже, и словаря) в нашей речевой деятельности... Что же касается прерывательной характеристики некоторыми лингвистами описательной грамматики как ненаучной, то это, конечно, глубоко несправедливо...». С этими воззрениями Л. В. Щербы связано его активнейшее участие в разработке плана «Граматики русского языка» Академии наук СССР, для которой он написал «Введение» совместно с В. В. Виноградовым, а также и начало главы «Фонетика». К сожалению, и этот свой труд Лев Владимирович не успел довести до конца.

Обращение к широким кругам читателей было всегда характерным для устремлений Л. В. Щербы. Еще в 1923 году он организует серию не-периодических сборников под назва-

нием «Русская речь», издававшихся под его редакцией до 1928 года (все-го вышло четыре сборника). В предисловии к первому выпуску (Пг., 1923) Л. В. Щерба писал: «Он (сборник) адресуется не только к лингвистам, но и ко всем тем читателям из широких слоев образованного общества, в которых жива любовь к слову, как к выразительному средству. Он даже позволяет себе питать может быть не совсем скромную надежду, что в будущем, в случае удачи, он станет в дальнейших выпусках тем мостиком между языковедением и образованным русским обществом, который был сломан во второй половине XIX века».

Впоследствии, в 1943 году, Лев Владимирович получает от Президиума Академии наук СССР разрешение на организацию периодического издания «Русская речь»; он приглашает авторов, начинает собирать статьи для журнала, но смерть помешала ему осуществить и этот план.

Л. В. Щерба был не только выдающимся исследователем. Он создал свою лингвистическую школу, которая воспитала многих советских языковедов, ставших впоследствии известными учеными. К их числу относятся, например: востоковеды — А. П. Баранников, Б. В. Владимирцов, А. Н. Генко, А. А. Драгунов, Е. Д. Поливанов и др.; русисты — С. Г. Бархударов, С. И. Бернштейн, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин, Л. П. Якубинский и др., а также специалисты по многим другим языкам. Много учеников и последователей Лев Владимирович имеет и среди языковедов — преподавателей как высшей, так и средней школы.

**Доктор филологических наук
Л. Р. ЗИНДЕР**

**Доктор филологических наук
М. И. МАТУСЕВИЧ**

СЛОВАРЬ АКАДЕМИЧЕСКИЙ И СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

Академик Л. В. ЩЕРБА

Прежде всего надо обратить внимание на противоположение академического, или нормативного, словаря и словаря-справочника. Термины эти несколько условны, и их ближайшее содержание выяснится только из дальнейшего изложения. Однако и из них можно догадываться, что в первом случае мы имеем дело с такой книгой, где прежде всего спрашивается о том, можно ли в том или другом случае употреблять то или другое уже известное слово, а во втором — с книгой, куда заглядывают исключительно с целью узнать смысл того или другого слова.

К словарю-справочнику обращаются прежде всего, читая тексты на не вполне знакомых языках или тексты о незнакомых предметах и специально трудные тексты на иностранных языках (или, что в сущности то же самое, древние тексты на родном языке), особенно с непривычным содержанием. К нормативному (или академическому) словарю обращаются для самопроверки, а иногда и для нахождения нужного в данном контексте слова. Вспомним по этому поводу Пушкина:

Но панталоны, фрак, жилет,
Всех этих слов на русском нет;
А вижу я, винюсь пред вами,
Что уж и так мой бедный слог
Пестреть гораздо меньше б мог
Иноплеменными словами.
*Хоть и заглядывал я встарь
В Академический словарь.*

Примером словаря первого рода может служить любое издание словаря Французской академии (*Dictionnaire de l'Académie Française*): в качестве словаря второго рода можно указать на неоконченный Словарь русского языка, издававшийся в Ленинграде нашей Академией наук под редакцией А. А. Шахматова и его преемников с 1897 по 1937 годы, а также на Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам И. И. Срезневского.

На первый взгляд может показаться, что различие этих двух типов словарей покоится исключительно на их разном практическом назначении. Однако это было бы слишком одностороннее суждение. В основе словарей первого рода лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива

в определенный момент времени; в основе словарей второго рода вовсе не лежит какого-либо языкового сознания: слова, в них собранные, могут принадлежать разным коллективам, разным эпохам и вовсе не образуют какой-либо системы. Все это легко можно иллюстрировать на двояком значении термина «русский язык»: с одной стороны, он обозначает современный русский литературный язык, который, хотя и имеет весьма сложную структуру, однако все же является вполне единым (всякое ограничение последнего положения повело бы к нелепому выводу, что можно по-разному понимать Горького, Маяковского, Шолохова и других современных писателей), а с другой — всю совокупность русских говоров не только в их настоящем, но и в их прошлом (я не хочу здесь останавливаться на трудности определения того, что следует подразумевать под словами «русские говоры»).

Чаще всего в основе словарей-справочников нашего времени лежит идея нации, более или менее сужаемая и расширяемая как географически, так и исторически. Так был задуман Deutsches Wörterbuch бр. Гриммов (первый том которого вышел в 1854 году, но который не закончен еще и до сих пор): он основан на текстах, начиная с XVI века, текстах, зачастую плохо понятных для современного читателя. По этому же пути в общем пошел ряд больших многотомных словарей европейских языков нашего времени: недавно оконченный большой Оксфордский словарь английского языка (A new English Dictionary on historical Principles founded mainly on the materials collected by the Philological Society edited by James — A. H. Murray, в 20 громадных полутомах); огромный, но еще не оконченный словарь шведского языка (Woordenboek der Nederlandsche Taal), начавший выходить с 1882 года, и не менее большой и также неоконченный словарь шведского языка (Ordbok ofver Svenska Språket ut giften af Svenska Akademien — первый том — 1898).

В основе всех этих словарей лежат тексты, также начиная с XVI века. В том же духе составлен Ordbog over det Danske Sprog grundlagt of Verner Dahlerup, основанный на текстах, начиная с 1700 года (вышло 19 томов, и он близок к окончанию).

Однако не всегда идея нации является основой словаря-справочника: мы имеем замечательный, в свое время оказавший неоценимые услуги науке и практике, многотомный Опыт словаря тюркских наречий — В. В. Радлова (том первый — 1893), возможность которого базируется на большой близости турецких языков, могущих рассматриваться как диалекты единого, однако несуществующего языка. Приблизительно на подобной основе строятся часто этимологические словари: этимологические словари славянских языков (Миклошича, Бернекера), этимологические словари романских языков (Дица, Кёртинга, Мейер-Любке).

В конце концов возможны и другие принципы, по которым бы объединялись слова в словаре-справочнике. Так, к типу словарей-справочников надо отнести всевозможные технические словари,

где объединены слова разных специальностей, представители которых зачастую друг друга не понимают. Наоборот, словари какой-нибудь одной определенной специальности, например, медицинский словарь, словарь водников, военный словарь и т. п. могут быть словарями академического типа, если туда не собраны слова разных эпох или слова местного употребления, не известные всем специалистам: внутри системы такой лексики и происходит словотворчество в области данной специальности.

Энциклопедические словари являются по существу словарями-справочниками, так как, подобно общим техническим словарям, не имеют установки на лингвистическое единство своего словника.

Областные словари, если в них собраны просто слова данного языка, не употребляющиеся в литературном языке, конечно, относятся к типу словарей-справочников. Таков Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением АН в 1852 году.

Но могут быть и другие областные словари, которые объединяют слова, свойственные определенному району. Таковы Словарь областного олонецкого наречия Куликовского (1898), Словарь областного архангельского наречия Подвысоцкого (1885) и др.

Может показаться, что словарь языка того или другого писателя должен быть словарем академического типа. Действительно, надо думать, что действенный словарь того или другого писателя, вообще или в определенный период его творческой деятельности, представляет собой систему (хотя это как раз то, что показать и является очередной научной проблемой); но нельзя быть уверенным, что образующая система лексика встречается в произведениях писателя. Как раз то, от чего писатель отталкивается и без чего нельзя понять смысла его творчества, могло и не попасть в его писания. Кое-что могло не попасть и совершенно случайно. Кроме того, во всяком произведении всегда много безразличного материала (который я назвал когда-то «упаковочным»), который, конечно, никак не входит в индивидуальную систему (в стиль) данного писателя. Таким образом, словарь языка писателя — который обязательно должен быть исчерпывающим — является принципиально словарем-справочником (между прочим, настолько важным для построения общего словаря, что многим филологам казалось невозможным построение этого последнего без предварительного создания исчерпывающих словарей к писателям) и лишь может послужить материалом для выяснения «индивидуального словаря» данного писателя.

Само собой разумеется, что «индивидуальное» писателя базируется на социальном: иначе мы не могли бы понять это «индивидуальное», не могли бы оценить «стиль» писателя (считаю нужным предупредить, что со страхом употребляю слово «стиль» ввиду его многосмысленности, но полагаю, что тот скромный смысл, который я в него влагаю, ясен из контекста).

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что словарь-спра-

вочник характеризуется тем, что его слова не образуют цельной, единой выразительной системы, или принадлежат к разным — хронологически или географически — человеческим коллективам, или представляя собой лишь часть слов, образующих эту систему. Слова в академическом, или нормативном, словаре, наоборот, служат для взаимопонимания членов определенного человеческого коллектива, составляют единую сложную ткань, единую систему, которая, к сожалению, бывает обыкновенно очень плохо отражена, а то и вовсе не отражена в существующих словарях этого типа.

Обратим теперь внимание на некоторые затруднения при определении социальной основы в словарях академического типа. Они проистекают из того, что в понятие литературного языка входит не только разговорный язык, но прежде всего соответственный письменный (взаимоотношению их тоже будет посвящен специальный раздел одного из следующих этюдов, так как совсем не так просто разрешается вопрос о том, который из них является ведущим). Безусловно, единым является разговорный язык, определяемый исключительно единством коллектива в определенный момент времени. С письменным языком дело обстоит сложнее. Мы читаем и понимаем литературные произведения и предшествующих эпох. Однако многое из того, что мы прекрасно понимаем и что мы даже не воспринимаем как архаизм, мы уже не только не скажем, но даже и не напишем. Так, фраза из «Капитанской дочки»: «Все мои братья и сестры умерли во младенчестве» — никого, конечно, не шокирует, а между тем никто так не напишет: напишут попросту — «умерли еще маленькими» или немного в более строгом стиле — «умерли в раннем возрасте» (все это применительно к данному контексту: вне его могло бы быть множество и других способов выражения). Эти различия покрываются понятиями активного и пассивного запаса слов данного литературного языка (различение, которое, к сожалению, не делается ни в каких словарях). Само собой разумеется, что слово *младенчество* не стало вообще пассивным: оно стало менее обыденным, чем оно было, по-видимому, во времена Пушкина; круг употребления его сузился. Чем же определяется пассивный словарный запас данного литературного языка? — Начитанностью соответственного человеческого коллектива, тем кругом произведений, которые обязательно читаются в данном обществе. Вовсе не косностью тогдашних академиков объясняется то обстоятельство, что в 1847 году Второе отделение императорской Академии наук составило Словарь церковнославянского и русского языка: оно не могло поступить иначе, поскольку старшее поколение того времени грамоте учились еще по часослову и псалтырю. Для него церковнославянские слова были пассивным словарным запасом, который как-то входил в систему лексики русского языка и в той или другой мере определял значение и оттенки разных русских слов. (Сказанное подтверждается рассуждениями предисловия к Словарю 1847 года на стр. XI о неудобстве и преждевременности «решительного разделе-

ния русского языка с церковнославянским, потому что стихи того и другого доселе еще тесно связаны между собою».)

Но вот к концу столетия начитанность в церковнославянских текстах исчезает совершенно, и Второе отделение императорской Академии наук в 1895 году выпускает под редакцией акад. Я. К. Грота первый том уже Словаря русского языка «в том виде, как он образовался со времен Ломоносова» (стр. VI предисловия). И действительно, все мы, нынешнее старшее поколение — если и не всегда с большим увлечением — читали и Ломоносова, и Державина, и Карамзина.

Наконец, в 1938 году Академия наук СССР предполагает издавать Словарь современного русского литературного языка, «начиная от пушкинской поры и до наших дней (стр. II проекта Словаря современного русского литературного языка, 1938). И это совершенно правильно, ибо едва ли наша молодежь читает и перечитывает каких-либо писателей допушкинского периода.

У французов период вполне актуальной литературы значительно больше: он начинается с XVII века. На Корнеле, Расине, Мольере, Лафонтене и других классиках воспитывается до сих пор всякий француз, приобщающийся к литературному языку (хотя для безусловного понимания классиков оказался необходим учебный словарь), и вся современная литература и ее язык могут быть до конца поняты только при каком-то сопоставлении их с литературой и языком XVII века, от которых они так или иначе отталкиваются.

При ближайшем рассмотрении оказывается, однако, что дело не исчерпывается одним различием активного и пассивного запаса слов в литературном языке (которое, конечно, обязательно должно быть отражено в словаре академического типа): в актуальной литературе встречаются слова со значениями, вовсе не свойственными современному литературному языку, а иногда и просто противоречащими современному употреблению (примеры см. ниже). Как поступать в этих случаях в словарях академического типа? Из того, что французам понадобился для этого даже особый словарь, что этим отличиям языка прошлого надо специально учить, вытекает с достаточной очевидностью, что в жизни они нормально не замечаются и что, следовательно, они не играют никакой определяющей роли в нашем языке: их как бы нет. (Т. е. говоря практически: с увлечением читая наших классиков, мы скользим по местам, не совсем для нас по языку ясным.) А отсюда вытекает, что в словаре академического, нормативного, типа этим вещам вовсе нет места, что в таком словаре нельзя давать, например, всего Пушкина, а только из Пушкина, что не противоречит сегодняшнему употреблению. И это потому, что эти противоречия никак не входят в систему современного языка, являясь, с нашей точки зрения, не архаизмами, а неправильностями, непонятными ошибками.

Вот несколько примеров из русского.

Достаточно, собственно, привести следующие стихи Пушкина:

Счастлив, кто близь тебя, *любовник упоенный*,
Без томной робости твоей ловит светлый взор,
Движенья милые, *игривый* разговор
И след улыбки незабвенной.

Черновые наброски. 1820

Совершенно очевидно, что неискушенный читатель в наше время может воспринять их совершенно превратно в целом. Обращаясь к частностям, видим, что слово *любовник* в наше время потеряло свой общий смысл, какой имело раньше и французское слово *amant* и который сейчас и по-французски и по-русски трудно выразить просто и точно ('человек, любящий определенную женщину'). Далее видим, что сейчас *упоенный* неупотребительно в абсолютном смысле: можно сказать только *упоенный успехами* и что-нибудь в этом роде. Наконец, вопрос о том, что бы мы сейчас сказали в данном контексте вместо *игривый разговор*, требует особого исследования. Может быть, *оживленный*, может быть, просто *веселый*. Вообще некоторые значения слова *игривый* в начале прошлого столетия зачастую очень трудно поддаются определению; ср., кроме указанных стихов, еще и такие контексты:

Как нам (= старцам), о мира гость *игривый*,
Тебе постынет белый свет.

ПУШКИН. Гроб юности. 1821

...И наконец,
Глубок он (= Байрон), по единообразен!
А ты *глубок, игрив и разен*.

ПУШКИН. Ода Хвостову. 1824

«Ниночка моя (= жена) не жалуется, всем довольна, *игрива*, весела» (Грибоедов. Письмо к Миклашевич).

«Чуть не смеясь от избытка приятных и *игривых* чувств (после встречи с Асей), я вырнул в постель» (Тургенев. Ася).

Наконец, нельзя не указать на то, что в русском литературном языке сегодняшнего дня благодаря коренному перевороту в нашей идеологии, происшедшему в результате Октябрьской революции, оказались гораздо более глубокие противоречия с вполне актуальной еще литературой. Примеры встречаются на каждом шагу; укажу несколько разительных с той или иной точки зрения.

Фраза *Это воспитывает материалистов* до революции и сейчас имеет совершенно разные значения: до революции это могло значить 'это воспитывает людей, признающих только личную выгоду' (= шкурников), особенно при прибавке слова *грубый* = *грубых материалистов*; теперь она может значить только 'это воспитывает людей с материалистическим (философским) мировоззрением'. Не меньший сдвиг произошел со словами *идеалист*, *идеалистический*.

Слово *гражданин* всегда имело ореол чего-то возвышенного, однако сейчас мы скажем: *гражданин Иванов*, *извольте выйти вон*, и отнюдь не *товарищ Иванов*: слово *гражданин* в смысле титула приобрело что-то официальное.

В лингвистической терминологии приходится термин *диалектский* заменить словами *диалектный*, *диалектальный* ввиду большой распространенности философского значения слова *диалектический*.

Все это должно быть учитываемо при построении академического, нормативного, словаря: в него не следует брать фактов хотя бы и актуальной литературы, но противоречащих современному употреблению. Однако последовательное проведение этого принципа приводит к тому, что при посредстве такого нормативного словаря нельзя будет понимать не только старой литературы, но зачастую даже и актуальной. Это затруднение всегда существовало и как-то смутно ощущалось лексикографами. Но принципиальное противоречие, лежащее в основе всего дела, никем, кажется, не было еще вскрыто с полной четкостью.

В этом смысле очень характерны колебания между нормативным словарем и словарем-справочником в истории нашей лексикографии.

В 1789 году Российская академия в предисловии к своему словарю (стр. IX) говорила: выбор слов Академия «следующими изъятиями облегчить предположила»:... 4) исключить «все слова старинные, вышедшие из употребления»...

В 1847 году Второе отделение Академии наук писало на стр. XI своего предисловия к Словарю церковнославянского и русского языка: «...Словарь должен... быть сокровищницей языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» и дальше, на стр. XII: «Отделение русского языка и словесности... приняло в руководство следующие правила: 1) помещать в Словаре вообще слова, составляющие принадлежность языка в разные эпохи его существования, потому что Словарь не есть выбор, но полное систематическое собрание слов, сохранившихся как в памятниках письменности, так и в устах народа».

Замечательный для своего времени Словарь Даля является конечно словарем-справочником, а в высшей степени полезный современный Толковый словарь русского языка под редакцией профессора Д. Н. Ушакова — более или менее компромиссным словарем.

Некоторые думают, что нормативный словарь не может быть научным, и готовы противопоставить нормативный словарь описательному. Это недоразумение: хороший нормативный словарь не придумывает нормы, а описывает ту, которая существует в языке, и уж ни в коем случае не должен ломать эту последнюю. Может быть, норму иногда трудно подметить, но это уже несчастье исследователя и не имеет никакого отношения к принципиальной стороне дела.

Здесь следует заметить, что очень часто, говоря о нормах, люди забывают о стилистических нормах, которые не менее, если не более, важны, чем всякие другие, и которые по существу ве-

щей меньше всего зависят от произвола писателя, если только этот последний желает быть правильно понятым. Игорь Северянин вполне мог употребить в своих стихах такие выдуманные им слова и сочетания, как *каблучком молоточить паркет, сенокосить твой спелый июль* и т. п. Это может нравиться или не нравиться, но никого не будет особенно шокировать как неуместное — в лирике допустимы неологизмы и вообще разные неприличные вещи. Но если какой-нибудь директор кино, желая обновить русский язык, сделает аншлаг на дверях своего театра: *Местов на сегодня больше нет*, то реакция на это будет одна: «Как это вы позволяете неграмотным людям писать аншлаг в вашем театре?» И это несмотря на то, что формы, *местов, делов* имеют, по всей вероятности, шансы на успех в будущем.

Очень часто норма допускает два способа выражения, считая оба правильными. Нормативный словарь поступил бы в высшей степени неосторожно, если бы забраковал одну из них, руководствуясь чистейшим произволом или личным вкусом редактора: не надо забывать, что синонимика является богатством языка, которое позволяет ему развиваться, предоставляя говорящему и пишущему широкие возможности для более тонкой нюансировки их мыслей (то же относится, конечно, и к складывающимся литературным языкам, где на первый взгляд иногда даже кажется, что нормы вовсе нет, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что она просто очень широка).

Не менее нужно опасаться и произвольной дифференциации синонимических форм: на этих путях легко можно сделать литературный язык без надобности затрудненным. Примером этому, по-моему, служит французский литературный язык, который не только позволяет нам, но и заставляет нас исключительно тонко нюансировать свою мысль, а вместе с тем и абсолютно четко ее выражать (по этим-то причинам нам в первую голову и надо изучать французский язык, язык мирового литературного мастерства), но в котором имеется, как мне кажется, чересчур много запрещений, затрудняющих владение им. (Для преодоления этих трудностей издаются даже особые книжечки, которые так и называются: «*Ne dites pas..., mais dites...*»).

В чем же должна состоять нормализаторская роль нормативного словаря? В поддержании всех живых норм языка, особенно стилистических (без этих последних литературный язык становится шарманкой, неспособной выражать какие-либо оттенки мысли); далее, в ниспровержении традиции там, где она мешаает выражению новой идеологии; далее, в поддержании новых созревших норм там, где проявлению их мешают бессмысленная косность. Все это происходит помимо всяких нормативных словарей; однако эти последние могут помогать естественному ходу вещей, а могут и мешать ему, направляя развитие языка по ложным путям.

(Из работы «Опыт общей теории лексикографии». — Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1940, № 3)

Как расставить слова?

Порядок слов в сложных именных словосочетаниях

1. Резолюция IV съезда писателей СССР по вьетнамскому вопросу.	Резолюция по вьетнамскому вопросу IV съезда писателей СССР.
2. Закачка воды в нефтеносный горизонт.	Закачка в нефтеносный горизонт воды.
3. Об открытии Куйбышевского государственного университета в 1969 году.	Об открытии в 1969 году Куйбышевского государственного университета.
4. Отбор наиболее подготовленной и достойной молодежи в вузы.	Отбор в вузы наиболее подготовленной и достойной молодежи.
5. Укрепление колхозов, развертывание социалистического соревнования в них.	Укрепление колхозов, развертывание в них социалистического соревнования.
6. Помощь государства сельскому хозяйству.	Помощь сельскому хозяйству государства.
7. Работа над орфоэпией в V классе.	Работа в V классе над орфоэпией.
8. Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина сказочного жанра.	Произведения сказочного жанра М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Во всех этих примерах есть общее — сложные именные словосочетания. Они включают главное (управляющее) существительное, к которому относятся два зависимых (управляемых) слова, причем каждое может в свою очередь иметь при себе зависимые члены. В самом общем виде правило расположения слов в именном словосочетании с двумя зависимыми словами можно сформулировать так: «Существительное в родительном падеже без предлога (не считая слов, которые от него зависят) стоит на первом месте после главного существительного». Это правило (лучше сказать — тенденция) действует в большинстве рассматриваемых словосочетаний. Так в номере «Известий» за 16 апреля 1967 года, взятом для ориентировочных подсчетов, родительный без предлога стоит на первом месте после главного существительного в 114 случаях из 134.

В соответствии с этой тенденцией в примере 1 следует предпочесть левый вариант: «Резолюция *IV* съезда писателей СССР по вьетнамскому вопросу». — Принятый съездом документ назывался именно так. (Здесь и далее в примерах главное слово выделяем **полужирным шрифтом**, существительное в родительном без предлога — *курсивом*, другое зависимое существительное — разрядкой.)

Указанная тенденция проявляется особенно отчетливо в тех случаях, когда главное существительное обозначает какой-либо конкретный предмет (в том числе и одушевленный), какое-либо свойство предмета, чувство: «...иметь **фотоснимки** лунной *поверхности* с достаточно высокой степенью разрешения» («Известия», 6 ноября 1966); «**капсула** космического *корабля* с механизмом приземления» («Известия», 8 марта 1966); «**соната** *Бетховена* в исполнении С. Рихтера» («Известия», 21 января 1967); «**чемпион** *Европы* по скоростному бегу на коньках» («Комсомольская правда», 28 января 1967); «**мужество** *вьетнамского народа* в борьбе против агрессии американских империалистов» («Правда», 16 апреля 1968); «**Государственный комитет** *Совета Министров СССР по делам строительства*» (Конституция СССР).

Родительный падеж может оказаться и в конце словосочетания, если он поясняет составное наименование какой-либо должности, учреждения, отдела: «**прораб** по зелёному строительству *горзеленстроя*» («Кировская правда», 16 апреля 1968); «**секретарь** по делам информации *правительства* Пакистана» («Известия», 8 марта 1966); «**Управление** по печати Кировского *облсполкома*» («Кировская правда», 19 апреля 1968). На обложках школьных тетрадей принят порядок слов с указанием владельца (в родительном падеже) после указания предмета: «**Тетрадь** по алгебре *ученика* 6-го класса Михеевской средней школы *Горшкова Леонида*».

В сочетаниях, где главное существительное обозначает действие (особенно если это существительное образовано от переходного глагола), отступления от ведущей тенденции более часты. Но и здесь все-таки преобладают сочетания с беспредложным родительным на первом месте: «**воспитание** юного *поколения* на славных традициях *отцов*» («Правда», 10 апреля 1968); «**проблема снабжения** металлургических *предприятий* Урала *рудой*» («Правда», 16 апреля 1968); «**укладка** пятимиллионного *кубометра* бетона в основное *сооружение*» («Известия», 16 апреля 1968); «**испытания** ядерного *устройства* в Тихом океане» («Правда», 29 июня 1967).

Нельзя признать удачным расположение слов в следующем объявлении: «Сегодня **встреча** с директором 22-й школы *студентов II—IV курсов*», — особенно если учесть, что слово *встреча* здесь не называет действия в прямом смысле. Следовало бы пере-

ставить слова и в сочетании «**рассказ** о школьном музее *учительницы географии*» (рукопись).

Особенно «твердо» стоит на первом месте нераспространенный родительный: «**затраты труда** на производство молока» («Правда», 10 апреля 1968); «**на разведку нефти** в дельте реки Вольта» («Правда», 15 апреля 1968); «продолжается **подкормка озимых** минеральными удобрениями» («Правда», 16 апреля 1968). Следовательно, в примере 2, см. начало статьи, левый вариант соответствует общей тенденции. В предложении данное словосочетание звучит так: «Сейчас широко применяем **закачку воды** в нефтеносный горизонт» («Правда», 10 апреля 1968).

Родительный падеж устойчиво занимает первое место в предложениях, лишённых эмоциональной окраски и не подвергающихся влиянию предшествующего контекста. Таковы, например, заглавия научных статей и книг: «**Использование произведений** живописи на уроках русского языка и развития речи» («Русский язык в школе», 1966, № 2); «Графическое **решение** квадратных неравенств при помощи окружности» («Математика в школе», 1966, № 1); «**Изучение** литературного произведения в школе» (название книги Г. А. Гуковского).

В названиях официальных государственных актов о награждениях, назначениях и т. п. также принят строго определенный порядок слов с родительным на первом месте после главного существительного: «**О награждении** Луганской области Украинской ССР орденом Ленина»; «**О присвоении звания** Героя Социалистического Труда писателю Шолохову М. А.»; «**О назначении** Маршала Советского Союза Гречко А. А. Министром обороны СССР».

Все было бы просто, если бы не другая сильная тенденция, повидимому, доставшаяся именовым сочетаниям в наследство от глагольных: располагать на последнем месте слово, несущее наиболее существенную информацию. Если таким словом окажется существительное в родительном падеже, оно, естественно, и отодвинется в конец словосочетания.

Рассмотрим несколько типичных случаев, когда эта тенденция одерживает верх.

Если речь идет о создании, осуществлении, появлении чего-либо, акцент обычно делается на том, что именно создается, осуществляется, появляется. Это и ведет к переносу родительного на конец словосочетания. Например: «**С пуском** на Московском заводе электровакуумных приборов новой конвейерной линии... ежедневный выпуск кинескопов... достиг нескольких тысяч» («Наука и жизнь», 1966, № 12). Последнее место в именовом словосочетании здесь занимает родительный падеж, поскольку именно он называет предмет (конвейерная линия), способствовавший увеличению производства. обстоятельство (на Московском заводе электровакуумных приборов) воспринимается как указание второстепенного характера. Ср. также: «**развитие** в о б о ю д н ы х п н-

тересах *связей* и деловых *контактов*» («Известия», 15 ноября 1966); «**Формирование** у юношей и девушек *марксистско-ленинского мировоззрения*» («Правда», 15 апреля 1968); «очень помогло **введение** в колхозах и совхозах *штатной должности инструктора физкультурно-массовой работы*» («Кировская правда», 16 апреля 1968).

Обратимся к примеру 3 из приведенных в начале статьи. В контексте, откуда извлечено это сочетание, о предстоящем открытии Куйбышевского университета сообщалось впервые. Поэтому, естественно, выделяется наименование вуза, а обстоятельство подают как сопутствующая деталь: «Принято решение об **открытии** в 1969 году в городе Куйбышеве Куйбышевского государственного университета» («Известия», 10 января 1967). Перестановка членов была бы возможна только при том условии, если бы открытие университета было известным фактом и уточнялось лишь время этого события.

Показательный материал представляют собой сообщения ТАСС о государственных визитах, прибытиях, приемах, отъездах.: «**К визиту** в Советский Союз *президента* Камеруна» («Правда», 3 апреля 1967); «**Прибытие** в Москву *делегации* Коммунистической партии Финляндии» («Правда», 5 июня 1967); «**Приезд** в Москву *императора* Эфиопии *Хайле Селассие I*» («Правда», 28 февраля 1967); «**О пребывании** в Советском Союзе *делегации* партии Арабского социалистического возрождения» («Правда», 12 февраля 1967); «**Отъезд** из Москвы *президента* Османа» («Известия», 25 сентября 1966); «**Прием** в ЦК КПСС *посла* НРБ» («Правда», 16 апреля 1967); «**Прием** Н. В. Подгорным *посла* Ливана» («Правда», 25 апреля 1967). Слова *в Москву, из Москвы, в СССР* и т. п. для советского читателя называют нечто «свое», «обычное», они не требуют какого-то особого выделения и стоят сразу после главного существительного. В этих текстах существенно: кто приезжал в Советский Союз. Поэтому имена гостей, названия делегаций (в форме родительного падежа) в большинстве случаев располагаются в конце словосочетания. Слова *в Москву, в СССР* нередко опускаются: «**Прибытие министра**» («Правда», 14 января 1967); «**К визиту** *министра* иностранных дел Италии» («Правда», 16 апреля 1967).

В сообщениях о поездках за границу советских государственных деятелей и делегаций более важно куда направляются, откуда возвращаются советские представители. Это находит отражение в порядке слов: «Отъезд *делегации* КПСС в Берлин» («Правда», 16 апреля 1967); «**К поездке** *делегации* Верховного Совета СССР в Ливан» («Правда», 24 апреля 1967); «**О пребывании** партийно-правительственной *делегации* СССР в Народной Республике Болгарии» («Правда», 14 мая 1967); «Сообщение о **визите** А. А. Громыко в Объединенную Арабскую Республику» («Правда», 2 апреля 1967). Встречающиеся изредка отступления не меняют довольно отчетливой тенденции.

Выделению родительного падежа очень часто способствует то обстоятельство, что его «сосед» (соподчиненное зависимое слово) уже упоминался в предшествующем контексте и потому не воспринимается как нечто новое, привлекающее внимание. Такой случай имеем в примере 4, взятом из интервью, касающегося приема в вузы. В ходе разговора о новых вузах, новых правилах приема ставится очередной вопрос: как отобрать наиболее подготовленную и достойную молодежь. Соответствующие слова и занимают второе место (правый вариант). Левый вариант также возможен, но в другом контексте, например, если бы речь шла о судьбах молодежи и на этом фоне возникал вопрос о высшем образовании.

Приведем еще примеры: «...против **захода** в японские порты американских атомных *подлодок* и атомных *кораблей*» («Правда», 23 января 1966); «...нацистское командование приступило к **сосредоточению** на Московском направлении крупнейших сил» («Юность», 1966, № 12). «Упрятывание» наиболее важного слова в середину словосочетания приводит (особенно в письменной речи) к некоторому смещению смыслового центра высказывания, затемняет связь между предложениями. Так, в одной из местных газет рассказывается об умелом организаторе производства. Примерно в середине статьи автор пишет: «Товарищ Ч. много делает для **внедрения** научных *достижений* в производство». О научных достижениях до этого абзаца речи еще не было. Это новая мысль, новый шаг в повествовании. Поэтому слова *научных достижений* целесообразнее поставить в конец словосочетания как отправной пункт для последующих рассуждений на эту тему.

В примере 5 одно из зависимых слов — местоимение. Эта часть речи больше, чем какие-либо другие слова, связана с предшествующим контекстом и потому обычно стоит на первом месте: «...по укреплению колхозов, **развертыванию** в них социалистического соревнования» («Кировская правда», 18 ноября 1966); «обогащает занятия **использование** на нем местных *материалов*» («Кировская правда», 2 апреля 1968); «прочитал приказ о **назначении** *меня* первым заместителем командующего Тихоокеанским флотом» (Н. Г. Кузнецов. Накануне).

Иногда встречаются местоимения и на конце словосочетания: «о **споре** *учащихся* с ним» (Г. А. Гуковский. Изучение литературного произведения в школе); «скорость **распространения** *звука* в нем» («Наука и жизнь», 1966, № 12); «**выращивание** высоких *урожаев* на них (худших землях.— Ю. С.) требует опыта, творческого подхода» («Правда», 15 апреля 1968). В таких случаях местоимение безударно, хотя и стоит на конце. Логическое ударение падает на предшествующее слово.

В примере 6 правый вариант явно неудачен. Выбираем левый: «**помощь** *государства* сельскому хозяйству». Но как быть, если по условиям контекста нужно подчеркнуть именно то слово, которое стоит в родительном падеже? В таких случаях беспредложный

родительный заменяют оборотом «со стороны чего (кого)». Например: «усилилась **помощь** сельскому хозяйству со стороны государства». («Известия», 7 ноября 1966); «отрицательное **отношение** к узко лингвистической стилистике со стороны литературоведов» (В. В. Виноградов. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика); «итог сознательного **отношения** к языку со стороны общества или известных влиятельных его слое в» («Вопросы языкознания», 1966, № 5).

Иногда следует призвать на помощь придаточное предложение или причастный оборот. Вот две редакции (считаем приемлемой правую):

1. ...ознакомиться со взглядами на воинскую дисциплину Суворова и Кутузова («Неделя», 1966, № 4 — в предшествующем контексте говорилось о воинской дисциплине).	...ознакомиться со взглядами на воинскую дисциплину, которых придерживались Суворов и Кутузов.
2. ...блестящие работы о Пушкине Б. В. Томашевского (Г. А. Гуковский).	...блестящие работы о Пушкине, принадлежащие перу Б. В. Томашевского.

Возможность постановки родительного на конце в какой-то мере зависит и от его «соседей». Наиболее «покладистыми» оказываются творительный (так называемый творительный субъекта) и дательный (дательный адресата). Родительный часто легко меняется местами с этими падежами. Ср.: «восприятие литературы учащимися» (Гуковский) «О восприятии учащимися произведения» (там же); «по вручению премии МОЖ французской журналистке...» («Советская Россия», 26 марта 1966) — «...посвященное вручению Грузинской ССР ордена Ленина» («Известия», 2 ноября 1966); «продажа хлеба государству» — «продажа государству хлеба» (из газет). Разумеется, перестановка каждый раз связана с некоторым сдвигом смыслового центра.

Особенность примера 7 — и первое и второе зависимые слова стоят не в родительном падеже. На первом месте в таких сочетаниях помещается тот зависимый член, который более тесно связан с главным существительным: «**работа** над орфоэпией, акцентологией и интонацией в V классе» («Русский язык в школе», 1966, № 4); «**торговцы** орешками с соломенными подносами на головах» («Известия», 8 марта 1966); «во время **выборов** в бундестаг в сентябре 1965 года» («Известия», 30 ноября 1966); «в **боях** с немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны» («Известия», 25 сентября 1965).

Разумеется, нужно следить за тем, чтобы не искажался смысл высказывания. В сочетании «**отверстия** диаметром 2 мм в круглой бакелитовой пластинке» («Наука и жизнь», 1966, № 12) перестановка слов привела бы к путанице: оказалось бы, что указанный диаметр имеет не отверстие, а пластинка.

Встречаются и такие сочетания, где оба зависимых слова стоят в родительном без предлога. При этом первый родительный образует с главным существительным тесное смысловое единство: «*палата депутатов Италии*» («Известия», 25 сентября 1966); «*инструктор производственного обучения фабрики имени Фрунзе*» («Известия», 8 марта 1966); «*отдел кадров пединститута, учительница математики Оричевской средней школы*» («Кировская правда», 20 апреля 1968); «*признак делимости Жбиковского*» («Математика в школе», 1966, № 1).

Сочетания с двумя соподчиненными родительными неуместны за пределами официальных наименований должностей, учреждений и т. п. Поэтому в примере 8 неприемлем ни правый, ни левый вариант. Предложение можно исправить, введя в него причастный оборот: «*Произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина, принадлежащие к сказочному жанру*».

В заключение отметим: закономерности порядка слов в сложных именных словосочетаниях нельзя свести к абсолютно точным правилам. Можно говорить лишь об основных тенденциях. Не случайно, говоря о расположении слов, так часто приходится употреблять слова «обычно», «как правило», «в большинстве случаев». Гибкость порядка слов, возможность выбора — одна из ярких особенностей русского языка.

Ю. В. СОЛОНИЦЫН,

доцент Кировского государственного педагогического института имени В. И. Ленина

2

Знаки препинания... зачем они?

Когда читаешь книгу, безусловно, стараешься постичь ее существо — следить за содержанием, ходом рассуждений автора. Содержание — это главное, оно постигается, принимается или отвергается. Но вряд ли читатель-нелингвист в процессе чтения обращает внимание на такую формальную «мелочь», как знаки препинания. Действительно, зачем они, эти знаки? И так ли уж они формальны? А может быть, именно они — наши помощники в постижении содержания, именно они незримо управляют нашим вниманием при чтении, помогают ухватить логическую связь между частями текста или, наоборот, обнаружить ее отсутствие? А. П. Чехов сказал: «Знаки

препинания служат нотами при чтении».

Поистине великая роль отводится формальной «мелочи»!

Рассмотрим примеры: «Он был бос, в старых вытертых плисовых штанах, без шапки, в грязной ситцевой рубашке с разорванным воротом...» (М. Горький) — только запятая помогла «снять» шапку с Гришки Челкаша... Пропусти запятую, маленький формальный значок, — и родится бессмыслица. «Она [Анна Сергеевна] гуляла одна, все в том же берете, с белым шпидцем» (А. Чехов). Казалось бы, нетрудно понять, что не бывает «штанов без шапки» и «берета с белым шпидцем»! Но там, где возможно различное объединение слов, только

запятая помогает нам установить смысловую и грамматическую зависимость их. Например: «Трое перед фотографией, напряжены» (И. Ильф). Ср. с иным оттенком значения и иным распределением грамматических связей в варианте без запятой: «Трое перед фотографией напряжены».

А как нелепо, противоестественно звучал бы заголовок к одной из заметок «Очередь... на престол» («Правда», 1 марта 1967), если бы не было спасительного в данном случае, глубокого по смыслу многоточия. Именно этот знак помог передать чувство недоумения по поводу противоречащего здравому смыслу факта и поставить на расстояние эти логически и эмоционально не совместимые понятия. Примерно ту же функцию выполняет многоточие и здесь: «Солнце... против зноя» («Правда», 4 февраля 1968); «Вратарь и ворота... в воздухе» («Правда», 1 февраля 1968).

Подчас большую роль в осмыслении текста играет и место знака, делящего предложение на структурные части. Сравним примеры: «И собаки притихли, оттого что никто посторонний не тревожил их покоя» (А. Фадеев) — «И собаки притихли оттого, что никто посторонний не тревожил их покоя». Ясно, что во втором варианте упоминание о причине названного состояния дается более подчеркнуто и перестановка запятой, таким образом, способствует изменению логического центра сообщения, заострению внимания на причине явления, тогда как в первом констатируется состояние с добавочным указанием на его причину.

В следующих предложениях употребление союзов в нерасчлененном виде невозможно из-за особых конструктивных элементов, препятствующих их слиянию (таким препятствием может служить употребление при союзе усилительной, ограничительной или отрицательной частицы, вводно-модального слова и др.): «Он держит Евпраксеюшку лишь потому, что благодаря ей домашний обиход идет не сбиваясь с однажды намеченной колеи» (М. Салтыков-Щедрин); «Наташа в эту зиму в первый раз начала серьезно петь и в особенности оттого, что Денисов востор-

гался ее пением» (Л. Толстой); «Он был мрачен не только потому, что сам вынужден был остаться, а и потому, что из-за него оставались мать и сестра» (А. Фадеев).

Часто знаки препинания служат опознавательными знаками, при помощи которых постигаются конкретные значения слов, т. е. смысл, заключенный в них именно в данном контексте. Так, постановка запятой между двумя определениями-прилагательными (или причастиями) сближает в семантическом отношении эти слова, помогает выдвинуть на первый план возможные общие оттенки значения, выявляющиеся в результате различных ассоциаций, объективного, а также и субъективного характера. В синтаксическом отношении такие определения становятся однородными, поскольку будучи сближенными по значению поочередно относятся непосредственно к определяемому слову: «С моря дул влажный, холодный ветер... Изредка его порывы приносили с собой сморщенные, желтые листья и бросали их в костер, раздувая пламя» (М. Горький); «Вот он отступил в даль воспоминаний, этот единственный и подобия не имеющий мир, и высится на горизонте, как горы, видимые с поля, или как дымящийся в ночном зареве далекий, большой город» (Б. Пастернак); «Среди бледных москвичей его темный, южный загар бросался в глаза» (Д. Гранин). Если взять вне контекста слова *влажный* и *холодный*, *сморщенный* и *желтый*, *далекий* и *большой*, *темный* и *южный*, то, пожалуй, трудно уловить в этих парах нечто общее, так как возможные ассоциативные сближения находятся где-то в сфере вторичных, не основных образных значений, которые становятся ведущими, как только слова помещаются в конкретное словесное окружение. Причем в этих сближениях можно выделить наиболее общеизвестные: *темный*, *южный загар*; и более индивидуальные, иногда неожиданные и оправданные только очень широким контекстом: *далекий*, *большой город*.

Запятая может служить показателем и полного отождествления значений слов: при пояснениях, когда из двух членов предложения один

несет общее значение, второй, поясняющий, конкретизирует смысл. Например: «Еще начнут разыскивать, пожалуй,— сказала она другим, совершенно спокойным голосом» (А. Куприн); «То была первая, не замутненная никакими, опасениями радость открытия» (Д. Гранин). В таких случаях при постановке запятой, которая фиксирует паузу, каждое из определенных относится к одному слову и словосочетанию *другой голос* и *совершенно спокойный голос*, а также *первая радость* и *не замутненная никакими опасениями радость* воспринимаются как вполне равнозначные. При отсутствии здесь запятой смысл и отношения между определением и определяемым будут иными. Ср.: «Туда вела единственная песчаная дорога» и «Так начался мой первый гимназический год» (К. Паустовский). В этих предложениях впереди стоящие определения относятся к словосочетаниям: *единственная дорога*, *первый — гимназический год*. Пауза между определениями в этом случае отсутствует. Особенно наглядно выступают пояснительные отношения между определениями (данными через запятую) в том случае, если эти определения идут в общем ряду с другими, например: «Его благополучие рухнет, так же, как и старый дом в Фонарном переулке, откуда герои повести переезжают в новый светлый, современный дом» («Литературная газета», 31 декабря 1966). Определение *новый* относится попеременно к равнозначным сочетаниям *светлый дом* и *современный дом*.

Смысловый принцип в расстановке знаков препинания выявляется и при таких сложных синтаксических явлениях, как обособление и присоединительные конструкции. Значение уточнения, конкретизации, значение дополнительного, попутного сообщения, подчеркивание всевозможных деталей и т. д.— все это обозначается на письме выделительными знаками препинания: «В полдень приходил обедать, после обеда спал часа полтора и опять уходил к своим жеребяткам — до поздней вечера» (В. Панова). Если опустить тире, отдающее присоединительную конструкцию, логический смысл выска-

зывания сосредоточится на обстоятельстве *до поздней вечера*, тогда как автору важно было подчеркнуть большую страсть и привязанность героя к жеребяткам, а остальное дано лишь как следствие этого, как дополнительная деталь, развивающая мысль. Такое смещение стало возможным лишь при логическом ударе на сочетании *уходил к своим жеребяткам*, после чего естественно наступает пауза (она и отмечается знаком тире). Примерно то же имеем в следующих предложениях: «И опять на станции свистнул паровоз — на этот раз отрывисто, коротко и точно с задором» (А. Куприн); «Каин посмотрел на своего заступника и улыбнулся — тоже с жалостью» (М. Горький); «Свои родичи нахлынули — за подачками» (В. Панова).

Знаки препинания помогают пишущему (а пишущий не располагает иными средствами выделения) заострить внимание читателя на важных деталях, показать их особую значимость и выразительность. Тонкий, глубокий смысл передается обособленной конструкцией: «Видно, и Чичиковы, на несколько минут в жизни, бывают поэтами» (Н. Гоголь). Известно, что Чичиков и поэзия — полярны и несовместимы, но роль и величие поэзии столь значительны, что даже такие прирожденные «антипоэты», как Чичиков, в особые минуты жизни поддаются под ее все сильное влияние. Необычность и противостоительность явления переданы глубокой по смыслу и своеобразной по интонационному оформлению обособленной конструкцией *на несколько минут в жизни*. Ср. с предложением без такого выделения: «Видно, и Чичиковы на несколько минут в жизни бывают поэтами» — оно звучит более утвердительно и безапелляционно.

Смысловая и психологическая глубина, некоторая напряженность и необычность проявления чего-либо передаются при помощи обособления: «Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поспешил один на волка» (И. Тургенев); «Он [Ханов] жил в своей большой усадьбе, один, нигде не служил...» (А. Чехов); «Он в это утро, далеко от дома, дошел до светлого конца войны»

(С. Щипачев); «Кисть художника ведре находит тропы; и, к соблазну подлименнов постовых, неизвестные художники Европы пишут красками на хмурых мостовых» (Н. Матвеева).

Все это иллюстрация смыслового принципа русской пунктуации. Однако он не единственный и, более того, не главный. Поскольку конкретные смысловые оттенки слов и словосочетаний могут естественно варьироваться, в пунктуации, основанной на таком принципе, всегда есть нечто субъективное, индивидуальное, и тогда знаки препинания являются внешним средством оформления конструкций, разнообразных в структурном, смысловом, интонационном и стилистическом отношении. Умелая, талантливая (не побоимся такого определения!) расстановка знаков препинания повышает смысловую значимость письменной речи и ее эмоциональную насыщенность. Возможность факультативного употребления знаков препинания свидетельствует о гибкости, высокой степени развития русской пунктуации. Однако обращение к знакам препинания как средству повышения выразительности речи может перейти в свою противоположность, если пишущий полностью пренебрегает общепринятыми, закрепленными за каждым знаком значениями. Неумение почувствовать разумный предел для индивидуального использования знаков неизбежно приведет к тому, что автор останется непонятым и его употребление знаков, а точнее злоупотребление, будет мешать ему.

Вот примеры, на наш взгляд, удачного, но не общепринятого использования тире. М. Цветаева пишет о памятнике Пушкину и о стихах поэта: «...Потому что мне нравилось, что уходим мы или приходим, а он — всегда стоит. Под снегом, под летящими листьями, в заре, в синеве, в мутном молоке зимы — всегда стоит.

...Все страшно — с самого начала: луны не видно, а она есть, луна-невидимка, луна в шапке-невидимке, чтобы все видеть и чтобы ее не видели». Высокая эмоциональная нагрузка, психологическая напряженность передается при помощи тире и в следующем примере, хотя такое отклонение может вызвать и некоторое возражение: «У мамы сейчас был

доктор Ярко — и сказал, что у нее чахотка — и теперь она умрет — и будет нам показываться вся в белом» (М. Цветаева). А вот как чрезмерное пристрастие к тире отчасти подвело М. Цветаеву, мастера эмоционально насыщенной, лаконичной, оригинальной по манере изложения прозы: «Но и до „Дуэли“ Наумова — ибо у каждого воспоминания есть свое до-воспоминание, предок-воспоминание, пращур-воспоминание, точно пожарная лестница, по которой спускаешься спиной, не зная, будет ли еще ступень — которая всегда оказывается — или внезапное ночное побо, в котором открываешь все новые и новые высочайшие и далечайшие звезды, — но до „Дуэли“ Наумова был другой Пушкин, Пушкин, — когда я еще не знала, что Пушкин — Пушкин». Здесь так много тире, поставленных на разном основании и передающих в основном эмоциональную сторону речи (при вставных конструкциях, между подлежащим и сказуемым, перед союзным придаточным), что структура предложения (а вместе с этим и смысл) лишилась четкости и мысль автора стала непонятна.

Вот еще пример явно неоправданного (с точки зрения современных норм) употребления знака: «В газете стои: слышоной крик: но Лизага не вскрикнула» (А. Белый). Двосточие, очень четкое по значению (разъяснение, перечисление), в данном случае перестает выполнять свою функцию и теряет смысл. В предложении «Я имел случай и счастье знать многих старших поэтов, живших в Москве, Брюсова, Андрея Белого, Ходасевича, Вячеслава Иванова, Балтийского» (Б. Пастернак) запятая после словосочетания *старших поэтов, живших в Москве* вместо обычного здесь двоеточия (или допустимого тире) не способствует прояснению логических отношений между частями предложения.

Как свидетельствуют примеры, смысловой принцип в расстановке знаков препинания, допускающий так называемые авторские знаки, не делает правила пунктуации стабильными, неизбежными.

Русская пунктуация имеет и другое основание — формально-грамматическое. Знаки препинания — преж-

де всего показатели грамматического строения письменной речи: они ставятся, например, на стыке частей сложного предложения, выделяют придаточные предложения, определения-причастные обороты после определяемого слова и т. д. Структурный принцип способствует выработке твердых, общеобязательных правил расстановки знаков препинания.

Русская пунктуация отчасти основывается и на интонации (точка на месте большого понижения голоса и паузы; вопросительный и восклицательный знаки, интонационное тире, многоточие и т. д.). Но этот принцип действует лишь как второстепенный, особенно в тех случаях, когда интонационный принцип «приносится в жертву» грамматическому. Например: «Морозка опустил мешок и, трусливо вбирая голову в плечи, побежал к лошадям» (А. Фадеев); «Олень раскапывает передней ногой снег и, если есть корм, начинает пастись» (В. Арсеньев). Запятая стоит после союза *и*, так как фиксирует границу структурных частей предложения (деепричастного оборота и придаточного предложения). Таким образом, нарушается интонационный принцип, ибо пауза находится перед союзом. Очень часто интонационный принцип, если и действует, то не в «идеальном», чистом виде: какой-либо интонационный штрих, например пауза, хотя и обозначается знаком препинания, но в конечном счете интонация сама является следствием заданного смыслового и грамматического членения предложения. Сравним примеры, которые обычно помещаются в справочниках: «Ходить — долго не мог»; «Ходить долго — не мог» (Д. Э. Розенталь). Тире здесь отмечает паузу, но ее место предопределено структурой предложения, смысловыми и грамматическими связями слов. Изменение места паузы приводит к перераспределению компонентов словосочетаний.

Попытку построить русскую пунктуацию целиком на интонационной основе сделал в свое время А. М. Пешковский (см. «Роль выразительного чтения в обучении знакам препинания»). Однако эта система привела к субъективному использованию знаков: интонация

(очень часто индивидуальная) — слишком шаткое основание для выработки единых, твердых правил. В определенных границах интонационные знаки, так же как и смысловые, необходимы — они показатели развитости пунктуационной системы, ибо помогают передавать сложные мысли и эмоции; если эта граница нарушена, знаки перестают выполнять свои общественные функции.

Как видим, существующая в настоящее время пунктуация не отражает какой-либо единой, последовательно проводимой системы. Можно с уверенностью сказать, что формально-грамматический принцип является сейчас ведущим, а смысловой и интонационный выступают дополнительными, хотя в отдельных конкретных проявлениях они могут быть выдвинуты и на первый план, если это не приведет к забвению основного (т. е. интонационный принцип, например, может нарушаться в пользу формально-грамматического, противоположное явление невозможно). Что касается истории пунктуации, то известно, что первоначальным основанием для членения письменной речи служили именно паузы (см. об этом: А. Б. Шапиро. Современный русский язык. Пунктуация. М., 1966, стр. 51).

Пунктуация в целом и отдельные знаки пунктуационной системы исторически преходящи — и в смысле количественном (увеличивается число знаков) и качественном (меняется их значение). В последнем можно легко убедиться, если «приложить» ныне действующие правила пунктуации к печатным изданиям прошлого. Так, сравнительно редкое в современной печати двоеточие и точка с запятой в XIX веке использовались значительно чаще.

Например, у М. Ю. Лермонтова (мы отнюдь не можем утверждать, что это авторские знаки; речь идет лишь об издательской практике в сопоставительном плане):

«Любезная Софья Александровна; до самого нынешнего дня я был в ужасных хлопотах» и «Дорогой я еще был туда-сюда; приехавши не гожусь ни на что; право, мне необходимо путешествовать; — я цыган» (Письмо С. А. Бахметевой); «Только

поздно вечером Ашик-Кериб отыскал дом свой: стучит он в двери дрожащею рукою говоря: „Ана, ана (мать), отвори: я божий гость; и холоден, и голоден; прошу, ради странствующего твоего сына,пусти меня“»; «Прекрасная Магуль-Мегери стала отчаиваться: в это время отправлялся один купец с караваном из Тифлиза с сорока верблюдами и 80-ю невольниками: призывает она купца к себе и дает ему золотое блюдо» (Ашик-Кериб); «Я был готов любить весь мир,— меня никто не понял: и я выучился ненавидеть»; «Я знаю, мы скоро разлучимся опять и, может быть, навеки: оба пойдем разными путями до гроба; — но воспоминание об ней останется неприкосновенным в душе моей; я ей это повторял всегда, и она мне верит, хотя говорит противное»; «Я не знаю, как случилось, что мы до сих пор с вами незнакомы,— прибавила она: — но признайтесь, вы этому одни виною» (Герой нашего времени).

Знаки здесь функционально разнообразнее, чем в современной пунктуационной системе: точка с запятой ставится после обращения, перед союзом *но*, на стыке авторских слов и прямой речи (в сочетании с тире); двоеточие — не только при пояснительных отношениях, но и при обозначении противопоставления, простого перечисления перед союзом *и*, т. е. в таких случаях, где современная пунктуация рекомендует тире.

Сопоставления в употреблении двоеточия и тире в разные исторические эпохи очень показательны. Постановка двоеточия в настоящее время сводится к очень конкретным и явно немногочисленным случаям (перед перечислением, на стыке авторской и прямой речи). В других случаях, даже когда это поддерживается правилами пунктуации (см.: «Правила русской орфографии и пунктуации». М., 1956), двоеточие заменяется тире. Вот примеры из современных публикаций на употребление тире в бессоюзном сложном предложении при обозначении причины, пояснения, конкретизации во второй части: «Долго плавать не приходится — аллигаторы здесь не редкость» («Вокруг света», 1956, № 5); «Наши ребята его сразу не влюбились — он был девочек и коман-

довал мальчиками» («Пионерская правда», 16 февраля 1968); «Виктора вижу редко — он все ездит в город, у него там появились какие-то приятели» (Р. Зернова); «Не узнать Москвы — она преобразена новыми кварталами, зданиями, разбежавшимися на запад, север, юг» (М. Луконин); «В дом попасть никто не мог — двери и окна были закрыты» («Неделя», 19—25 февраля 1967); «Бугаев поднял голову — в зимней ночи ясно был виден правильной формы, наполненный воздухом купол» (К. Ваншенкин).

Тире вместо двоеточия все чаще ставится после обобщающего слова и перед перечислением: «Я долго недооценивал Цветаеву, как по-разному недооценивал многих — Багрицкого, Хлебникова, Мандельштама, Гумилева» (Б. Пастернак); «Они ничем не „украсили“ свой фильм — ни песней, ни гитарой, ни вообще музыкой, ни закадровым голосом» («Литературная газета», 13 декабря 1967); «В новом цехе организуется массовое производство изделий для машиностроения — втулок, стаканов, зубчатых секторов...» («Правда», 12 января 1968). А вот тире в сложноподчиненном предложении (случай, где по правилам должно быть двоеточие): «Лирическая героиня бывает смешна лишь в одном случае — когда ей недостает мужества переменить амплуа» («Литературная газета», 15 ноября 1967). Такое расширенное употребление тире в настоящее время стало настолько массовым, что свод правил в данном отношении явно не соответствует живому употреблению и нуждается в уточнении.

Русская пунктуация — сложная, исторически сложившаяся, равновесная система (хотя и недостаточно последовательная, так как звенья этой системы покоятся на разных основаниях). Твердость и стабильность русской пунктуации определяется ее формально-грамматическим принципом, а возможности передачи богатства и разнообразия смысловых оттенков и эмоций — принципами смысловым и интонационным. Так что диапазон «нот при чтении» оказывается очень широким.

Кандидат филологических наук
Н. С. ВАЛГИНА

(По данным «Словаря сокращений русского языка». 12 500 сокращений. Составили Д. И. Алексеев, И. Г. Гозман, Г. В. Сахаров под руководством Д. И. Алексеева. Под общей редакцией Б. Ф. Корицкого. М., Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963)

Значительная по объему и частоте употребления группа слов — слова сложносокращенные — не получила еще достаточной характеристики в отношении ударения. Правда, почти три десятилетия назад академиком В. В. Виноградовым была замечена «тенденция к ударению на последнем слоге основы в современных сокращенных словах, состоящих из начальных слогов» (Современный русский язык. Вып. 1, Введение в грамматическое учение о слове. М., 1938, стр. 137), но мысль эта не была развита ни в трудах самого автора, ни в работах других исследователей. Между тем наблюдения показывают, что сложносокращенные слова имеют постоянное и неподвижное ударение на последнем слоге основы. Это характерно для всех основных структурных типов сложносокращенных слов (мы будем придерживаться классификации, данной в академической «Грамматике русского языка», но расположим группы в соответствии с требованиями нашего изложения):

А. Слова инициального типа, буквенные (звездочками помечены, как и в «Словаре сокращений», аббревиатуры в настоящее время неупотребительные):

АБВ [а-бэ-вэ́] — антенна бегущей волны

ВЛКСМ [вэ-эл-ка-эс-эм́]

ГПИ [гэ-пэ-й́] — государственный педагогический институт

КПСС [ка-пэ-эс-э́с]

КСМУ* [ка-эс-эм-у́] — Коммунистический Союз Молодежи Украины

ОМД [о-эм-дэ́] — охрана материнства и детства

ОКБ [о-ка-бэ́] — общественное конструкторское бюро

РСФСР [эр-эс-эф-эс-э́р]

СМ [эс-эм́] — счетная машина

ТО [тэ-о́] — техническое описание

УДМ [у-дэ-эм́] — установка доильная механическая

ШЗ [ша-зэ́] — шар-зонд и мн. др.

К ним примыкают сложносокращенные слова, оканчивающиеся буквенной аббревиатурой:

КурГПИ [кур-гэ-пэ-й́] — Курский государственный педагогический институт

МОТЭК [мо-тэ-зэ-ка́] — Московское объединение театрально-зрелищных касс

Нарком РКИ* [нарком-эр-ка-й́] — Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции

дорНТО [дор-эн-тэ-о́] — дорожное правление Научно-технического общества железнодорожного транспорта

ГатАССР [гат-а-эс-эс-э́р]

термо-эдс [термо-э-дэ-э́с] — термо-электродвижущая сила.

Никаких исключений из указанного правила в сложносокращенных словах этого типа нет. Ударение всегда на последнем слоге.

Б. Слова, образованные путем сложения начальных частей или слогов слов:

автобát — автомобильный батальон

Азербин — Азербайджанский винодельческий трест

бризбóл — битумно-резиновый гидроизоляционный материал

Вторчермёт — Государственный трест по заготовке и переработке вторичных черных металлов
 Донбáсс — Донецкий бассейн
 завгáр — заведующий гаражом
 каперáнг — капитан первого ранга
 Каспáр — Каспийское морское пароходство
 колхóз
 Комбáт — командир батальона
 Минсельхóз — Министерство сельского хозяйства
 Мосочиствóд — Московский трест по очистке сточных вод
 облсовпрóбф — областной совет профессиональных союзов
 сельмáг

Сокращения, составленные из начальных звуков и частей слова:

ВНИКО [вникó] — Всесоюзный научно-исследовательский институт конопши
 ГАИС * [гайс] — Государственная академия искусствознания
 ГИИИЗ [гийиз] — Государственный институт инженерных изысканий
 ГУКМАШ * [гукмáш] — Главное управление кузнечно-прессового машиностроения
 ДИВЭТИН [дивэтин] — Днепропетровский научно-исследовательский институт восстановления и экспертизы трудоспособности инвалидов
 ИМЛИ [имли] — Институт мировой литературы имени А. М. Горького (Академии наук СССР)
 КОГИЗ * [когиз] — Книготорговое объединение государственных издательств
 НИАФИЗ [ниафиз] — Научно-исследовательская физическая ассоциация

Количество слов этого типа, отступающих от указанной нормы ударения, невелико. Их всего 20, как показывают подсчеты из 3000 сокращений, подчиненных норме. Полный перечень исключений таков:

АЛЮА [алюа], англ.— Алюминий компани оф Америка
 АРАМКО [арáмко], англ.— Арабизн — Америкэн ойл компани
 АСНОВА [аснóва] — Ассоциация новых архитекторов
 БГИТИС * [бгитис] — Белорусский государственный институт театрального искусства
 всеобуч — всеобщее обучение
 Всерабис * — Всероссийский профсоюз работников искусств
 гестапо, нем.— Geheime Staatspolizei (тайная государственная полиция в гитлеровской Германии)
 ГИТИС [гитис] — Государственный институт театрального искусства имени А. В. Луначарского
 ГОМЗА * [гомза] — Государственные объединенные машиностроительные заводы
 губвсевбуч * — губернский отдел всеобщего военного обучения
 завуч — заведующий учебной частью
 зипо, нем.— Sicherheits polizei (полиция в Германии)
 ИНМЕРО [инмэро] — Институт мерзлотоведения имени В. А. Обручева
 Интерáрмко, англ.— Интернейшл арме корпорейшн (американская компания по торговле оружием)
 книгбуч — школа книготоргового ученичества
 крпю, нем.— Kriminalpolizei (уголовная полиция в Германии)
 Рабис * — профсоюз работников искусства
 СТАЗРА [стазра] — станция защиты растений
 фабзавуч * — фабрично-заводское ученичество
 ЦЕТЕТИС [цететис] — Центральный техникум театрального искусства

В. Тенденция к ударению на последнем слоге основы наблюдается и в сложносокращенных звуковых словах инициального типа. Например:

ААЕ [ааé] — Авиационный астрономический ежегодник
 АФИ [афí] — Агрофизический институт

ВООП [вооп] — Всероссийское общество охраны природы
 ЕРО [еро] — Европейская региональная организация
 ЗИПУ [зипу] — заданный истинный путевой угол
 КУБУ [кубу] — Комиссия по улучшению быта ученых
 НИИ [пий] — научно-исследовательский институт
 ронó — районный отдел народного образования
 СУГРЭС [сугрэс] — Среднеуральская государственная районная электростанция

К ним близки сокращения, составленные из частей и начальных звуков слов (или основ):

АГИТАБ [агитаб] — агитационная авиационная бомба
 Волховгэс — Волховская гидроэлектростанция имени В. И. Ленина
 ВсеЦИК* [всецик] — Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет

горонó — городской отдел народного образования
 ДОРУРС [дор-урс] — дорожное управление рабочего снабжения
 ЗакВО [закво] — Закавказский военный округ
 лавсан — Лаборатория высокомолекулярных соединений Академии наук СССР

Мосгорзэгс
 НЕФТЕКИП [нефтекип] — завод контрольно-измерительных приборов для нефтяной промышленности

облВТЭК [обл-втэк] — областная врачебно-трудовая экспертная комиссия

райфó — районный финансовый отдел
 сельпо

Мы не случайно сказали, что такие сокращения лишь «имеют тенденцию» к ударению на последнем слоге. Здесь исключений гораздо больше, чем в приведенных ранее типах сложносокращенных слов — около 8 процентов (в целях экономии места аббревиатуры не расшифровываем):

АВНОЮ * [авною]
 АГЛОС [аглос]
 АДА [ада]
 АИБА [айба], фр.
 АКЕЛ [акел], греч.
 АМО * [амо]
 АНЗЮС [анзюс], м., англ.
 АНСА [анса], ит.
 АО [áo]
 АПЕК [апек], м., англ.
 АРА * [ара], англ.
 Аркос, м., англ.
 АРЛУС [арлус], м., рум.
 АРО [áро]
 АСА [áса], англ.
 АУ [áу]
 АУС [áус]
 АФРАЗЭС [афразэс]
 БАО [баó]
 БЕЛТА [белта]
 БАО * [баó]
 ВАО [ваó]
 ВВАУ [ввау]
 ВВАУЛ [вваул]
 ВВАУШ [ввауш]
 ВГИТИС * [вгитис]
 ВИГИС [вигис]
 ВИТГЭО [витгэо]
 ВКОУП [вкоуп]

ВНИМИО [внимйо]
 ВОПРА [вопра]
 ВОТЧА [вотча]
 ВТУЭ [втүэ]
 ГАО [гаó]
 ГАУ [гау]
 ГАФКЭ * [гафкэ]
 ГВИУ [гвиу]
 гипа
 ГИУ * [гиу]
 ГНИГИ * [гниги]
 ГЭУ [гэу]
 ГЭУ * [гэу]
 Дальта *
 ДАУ [дау]
 ДЕФА [дефа], ж., нем.
 ДМЕТИ [дмети]
 ДОКА [дока]
 ДОКСА [докса]
 ДОПА [допа], м., лат.
 ДОФА [дофа]
 ДРАЭ [драэ]
 ДЭУ [дэу]
 ЕРО [эро]
 ЖМЭИ [жмэи]
 ЗИУ [зиу]
 ЗОНИ * [зони]
 ИАТА [иата], англ.
 ИКАО [икао], англ.

ИККИ [икки]
 ИМА [има]
 ИМКА [ймка], англ.
 ИМКО [ймко], англ.
 ИПА [ипа], англ.
 ирэвер, м., англ.
 ИЯРУ [ияру], англ.
 КАНУ [кану], англ.
 КАО [као]
 КАУ * [кау]
 КАЭ [каэ]
 КЕО [кео]
 КЭО [кэо]
 КЭУ [кэу]
 лазер, м., англ.
 ЛИУ [лиу]
 ЛОЦИА * [лoциа]
 ЛЦИА * [лциа]
 МАВАГ [маваг]
 МЕДО * [мéдо], англ.
 МИДЕК [мидек], англ.
 МОДПик [мoдпик]
 МЭО [мэо]
 МЭО [мéo]
 НАСА [наса], англ.
 НАТО [нато], англ.
 НЕАТО [неáто], англ.
 НИИОПик * [нииoпик]
 НИИГАик [ниигáик]
 НИОПик [ниoпик]
 НОУ [ноу]
 обл РАТАУ [обл-ратáу]
 ОВРА * [óвра], ж., ит.
 ОДВА * [oдва]
 ОЗРА * [oзра]
 ОКДВА [oкдва]
 ОРО [óро]
 ПИДЭ [пидэ], португ.
 ПОУ [поу]
 РАТАО * [ратáо]
 РАТАУ [ратáу]
 РИАС [риас], англ.
 РИО [рио]
 РИО * [рио]
 РИУ [риу]
 РОПИТ * [рoпит]
 РОСТА * [рoста]
 РОУ [роу]
 РОЭ [рээ]
 РУО [руо]

САНИИРИ * [саниири]
 САДИКС [сáдикс]
 САТУС [сáтус], м., нем.
 САУ [сау]
 САЭ [саэ]
 САЭ [сáэ]
 СЕАТО [сеáто]
 СЕНТО [сéнто]
 СОБРИ [сoбри], индонез.
 СОБСИ [сoбси], индонез.
 СЭО [сео]
 СЭО [сéo]
 ТАНУ [тану], англ.
 ТАО [тао]
 ТАО [тáо]
 ТАУ [тау]
 ТЭО [тэо]
 УКИС [у́кис]
 УЭА [уэа], эспер.
 ФАО [фао], англ.
 фио, англ.
 ФРОЭ [фрoэ]
 ФЭУ [фэу]
 ХАО [хао]
 ЦАГИ [цаги]
 ЦАНИС [цáнис]
 ЦАО [цао]
 ЦАОС * [цаoс]
 ЦАУ [цау]
 ЦГАДА [цгáда]
 ЦГВИА [цгвиáа]
 ЦИА * [циа]
 ЦИУ [циу]
 ЦНИДИ [цниди]
 ЦНИИГАик [цниигáик]
 ЦНИХБИ [цнихби]
 ЦТЭУ [цтэу]
 ЭДА [эда]
 ЭДИ * [эди]
 ЭЛОУ [элóу]
 ЭЛЬТА [эльта]
 ЭМА [эма]
 ЭО [эо]
 ЭО [эо]
 ЭО [эо]
 ЭТА [эта]
 ЮНЕСКО [юнэско] ср. англ.
 ЮНРВА [юнрва], англ.
 ЮНРРА * [юнрра], англ.
 ЮСИА [юсиа], англ.
 ЮСИС [юсис], англ.

Какой-либо закономерности в этих исключениях обнаружить не удалось. Можно лишь отметить, что в их составе почти половина иноязычных и устаревших аббревиатур (70 из 162).

Таким образом, нельзя не прийти к выводу, что фиксированность ударения в русских сложносокращенных словах все же существует. Это одна из прочно установившихся норм нашей современной орфоэпии, и ее следует отразить в соответствующей справочной литературе.

Как же объяснить столь необычную для русского языка фиксированность ударения. Возникает прежде всего предположение о произносительной аналогии аббревиатур и части заимствованных слов (несклоняемость, отсутствие категории рода и т. д.). А. М. Пешковский, например, одновременно рассматривал такие слова, как *Эркаи*, *Эмкаха*, *пальго*, *кенгуру* (см.: Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938, стр. 90, 91, 93 и др.). Но сходство ударения в сложносокращенных словах и междометиях, звукоподражательных словах, состоящих, как и первые, из группы слогов (ха-ха! хо-хо! ай-ай-ай, ого-го, улю-лю, бай-бай, тра-та-та, буль-буль и др.), приводят к предположению о наличии в русском языке каких-либо, пока еще не известных, фонологических закономерностей.

Г. А. МАМАЕВ

4

Кирзовый или кирзový?

В современной русской речи употребительны оба ударения. Какое из них более соответствует литературной норме? Словари на этот счет не дают единой рекомендации. Так, 17-томный академический «Словарь современного русского литературного языка» (М.—Л., 1950—1965), 4-томный академический «Словарь русского языка» (М., 1957—1964), словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение» под редакцией Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова (М., 1959) рекомендуют произносить *кирзовый*, «Словарь ударений для работников радио и телевидения» под редакцией К. И. Былинского (М., 1960) — *кирзový*, а под редакцией Д. Э. Розенталя (М., 1967) — *кирзовый*.

При подобных колебаниях обычно принимаются во внимание следующие условия: традиция произношения слова, аналогия его со словами, сходными по морфологическому строению, соотношение с ударением производящего слова и т. д. Как же дело обстоит в данном случае?

Слово *кирзовый* возникло в русском языке совсем недавно (так, его еще нет в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова. М.—Л., 1935—1940), поэтому сослаться на традицию его акцентировки, чтобы решить, какой вариант — *кирзовый* или *кирзový* — с точки зрения нормы предпочтительней, невозможно.

Может быть, помогут акцентные взаимоотношения прилагательного *кирзовый* и его производящего — существительного *кирза*?

Слово *кирза*, заимствованное из английского *kersey* или немецкого *Kirse*, вошло в русский язык с двояким ударением — на корне и окончании: *ки́рза*, *ки́рзы* и *кирза́*, *кирзы́* («Словарь русского языка, составленный II отделением АН». СПб., 1909), хотя

и в английском и в немецком ударение падает только на первый слог. В настоящее время оно встречается также с двумя ударениями, например:

Замерло на площади движенье,
Город праздник над землей зажгет,
И идут ко мне стихотворенья
В шлемах, в кирзе с головы до ног.

ОРЛОВ. Ракеты

И отойдя в сторонку,
к тесовому крыльцу,
достал солдат суконку,
смахнул с кирзы пыльцу —
и в самом лучшем виде
перед публикой предстал.

ГУДЗЕНКО. Дальний гарнизон

Таким образом, акцентные колебания в слове *кирзовый* вызваны колебаниями ударения в слове *кирза*. Рекомендовать какой-то один вариант в качестве нормы можно, лишь основываясь на опыте представителей русской речевой культуры. Как писал Г. О. Винокур, «авторитет ученого-лингвиста в таких случаях не прямой, а отраженный: это авторитет изученных им источников, а не его собственный» («Русская речь», 1967, № 3).

Анализ источников, в данном случае стихотворных текстов, только и дающих возможность установить ударение в слове, показывает, что, как правило, слово *кирзовый* употребляется с ударением на суффиксе. Например:

Не спеша надел штаны
И почти что новые,
С точки зренья старшины,
Сапоги кирзобые,
ТВАРДОВСКИЙ. Василий Теркин
— Подъем —
безотказное слово.

И полк уже весь на ногах,
в начищенных с ночи
кирзобых,
на крепком ходу, сапогах.

ГУДЗЕНКО. Дальний гарнизон

Пусть блистают сапожки узкие,
Я о моде судить не берусь.
Но сравню ли я с ними русские,
Просто русские, а не «рюс»? —
Те кирзобые, трехпудовые?

ДРУНИНА. Сапожки

Забыв тревогам счет,
Ты, пересев бомбежку,
Спешила в огород
Окучивать картошку,
В кирзобых сапогах
Но бороздам ступала,
Что не вернется враг,
Всей верой сердца знала.

РЫЛЕНКОВ. Мне вновь напомнит гром...

«Словарь ударений для работников радио и телевидения» (1960 и 1967) указывают: киломе́тровый. Такая позиция находит поддержку и в современной поэзии, например:

Свистит завьюженный
большак суровый —
трех, этак, с дюжиной
киломе́тровый.

НЕДОГОНОВ. Флаг над сельсоветом

Однако еще недавно словарные рекомендации, отражая разноречие, свойственный ударению этого слова в живой речи, тоже страдали двойственностью: ср. *киломе́тровый* и *километрóвый* в Словаре Д. Н. Ушакова и 17-томном словаре, *киломе́тровый* в Словаре С. И. Ожегова (1, 2, 3-е изд. — 1949, 1952, 1953). Чем объясняется эта двойственность ударения?

По законам русского языка, прилагательные на *-овый*, образованные от существительных с основой, состоящей не менее чем из трех слогов, имеют ударение либо на основе (если ударение в исходном существительном постоянно падает на основу), либо на суффиксе *-ов-* (если ударение в существительном на окончании). Прилагательные с ударением на окончании от существительных с трехсложной основой, как правило, не образуются. Например: бриллиáнт, бриллиáнта — бриллиáнтовый; вѣхухоль, вѣхухоли — вѣхухоле́вый; подшѣпник, подшѣпника — подшѣпнико́вый; че́рѣмуха, че́рѣмухи — че́рѣмухо́вый и т. д.; золоти́к, золоти́ка — золоти́ко́вый; изве́стняк, изве́стняка́ — изве́стняко́вый; матери́к, матери́ка — матери́ко́вый; четвѣрта́к, четвѣртака́ — четвѣртако́вый и т. д. Случаи колебаний здесь очень редки и наблюдаются только у слов, образованных от сложных существительных, если вторая часть таких прилагательных употребляется одновременно и как самостоятельное слово с иным ударением; ср.: лавровѣ́шневый (лавровѣ́шня), и вишне́вый, килогра́ммовый (килограмм) и граммóвый, средневеко́вый (средневеко́вье) и веко́вый. Под влиянием последних возникли произносительные варианты *лавровишне́вый* (17-томный словарь), *килограммóвый* (4-томный словарь), *средневеко́вый* (Словарь Д. Н. Ушакова).

В соответствии со сказанным, нормой для производного прилагательного от *киломе́тр* должно было быть *киломе́тровый*, но наличие параллельного слова *метрóвый* с ударением на суффиксе вызвало по аналогии перенос ударения на суффикс *-ов-*: *километрóвый*. Так же переходит ударение с основы на суффикс в словах *сантиме́тровый*, *миллиме́тровый*, употребляющихся ранее тоже с ударением на *-метр-*. Таким образом, соответствие между ударением одинаковых по структуре прилагательных оказывается здесь более важным, нежели обычное соответствие между ударением производящего и производного слов. Ср. также *угильсы́рьево́й* (утильсы́рье), как *сы́рьево́й* вместо *угильсы́рьево́й* (но ударение *килограммóвый*, *лавровишне́вый*, *средневеко́вый* в литературном языке еще не допускается).

На изменение ударения в этих словах влияет также аналогия с прилагательными, возникшими путем словосложения. Здесь ударение всегда совпадает с ударением соотносительных с ними простых прилагательных:

годовóй — среднегодовóй
войсковóй — общево́йсковóй
силовóй — паросиловóй
часовóй — сорокачасовóй
вкусовóй — пищевкусовóй
та́нковый — бронета́нковый
промысло́вый — рыбопромысло́вый
фланго́вый — правофланго́вый
торго́вый — внешне́торго́вый
рубли́вый — пятирубли́вый и т. п.

Исключение: волновóй — коротковолновóй, лучевóй — восьми-лучевóй). Подравниваясь к этим сложным прилагательным, слова типа *километрво́й* вступают в однородную с ними систему акцентных отношений.

Кандидат филологических наук
В. С. ГИМПЕЛЕВИЧ

5

~ Я держу...
~ Держишь или держишь?

Глаголы, не употребляющиеся в 1-м лице единственного числа, следует разбить на две группы:

- 1) не образующие 1-го лица единственного числа;
- 2) не употребляющиеся в этой форме в связи с определенной семантикой (значением) глагола.

Первую группу можно отнести к так называемым недостаточным глаголам (в «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой термин «недостаточный» поясняется как «не имеющий в своей парадигме всех форм, нормальных для данной части речи»). Рассмотрению этих глаголов посвящена специальная статья А. Ф. Дружининой в журнале «Русский язык в школе» (1962, № 4). Установив, что в них не происходит закономерного чередования последнего согласного основы, автор приходит к выводу: данное явление «связано не столько с фонетическими законами языка, сколько с традицией употребления отдельных форм глагола». В статье отмечено также, что большинство недостаточных глаголов принадлежит к числу малоупотребительных или стилистически ограниченных.

Развивая эту мысль, можно сказать, что прежде всего выделяются глаголы, у которых отсутствие формы 1-го лица единственного числа объясняется причинами эвфонического характера (эвфо-

ний — 'благозвучие'); закономерно образованная форма оказывается неблагозвучной (ощутить — ощуцу, очутиться — очучусь) или трудной для произношения (затмить — затмлю, клеймить — клеймлю). По поводу этих глаголов есть отдельные замечания в работах А. Х. Востокова и В. И. Чернышева.

Однако, кроме неблагозвучия, следовало бы отметить и еще одну причину: образуя формы 1-го лица единственного числа от некоторых глаголов с соблюдением закономерных чередований, мы получили бы омоформы (совпадения форм каких-либо слов, различных по значению):

тужить — тужу, тузить — тужу
будить — бужу, бузить — бужу
держать — держу, дерзить — держу

Закономерно образованные формы глаголов *победить*, *убедить* — *побежу*, *убежу* в живой речи могут быть восприняты как просторечные образования от глаголов *побежать*, *убежать*. Естественно, что в этом соревновании омонимов остались общеупотребительные глаголы *будить*, *держать*, *родить*, глагол древнего происхождения *тужить*. А более новые, просторечные и жаргонные, оказались в числе недостаточных.

Вторую группу составляют глаголы, которые не употребляются в 1-м лице единственного числа (а часто и во 2-м лице) в связи с семантикой самого слова. Сюда относятся прежде всего глаголы, которые по своему назначению не могут быть отнесены говорящим лицом к самому себе. В 1-м лице единственного числа глаголы *течь*, *литься* и т. п. употребляются почти исключительно в произведениях аллегорического характера (баснях, сказках). Не употребляются в этой форме и возвратные глаголы, относящиеся к профессионально-технической лексике: *расфасовываться*, *сверлиться*, *оцифровываться*, *засеиваться*, *кодироваться*, *расшифровываться*, *выдалбливаться* и т. п. Эти глаголы легко образуют все личные формы, но, как правило, употребляются только в 3-м лице.

Есть еще ряд глаголов, обозначающих действие, которое не может быть совершено одним человеком. Таковы глаголы: *сбегаться*, *слетаться*, *сезжаться*, *толниться*, *обступать*, *сгрудиться* и т. п. В 3-м лице единственного числа они могут употребляться при существительных собирательных или близких к собирательным по значению (толпа *сбежится*, народ *толнится*, кучество *сезжается*, воронье *слетается* и т. п.). Только в индивидуальном словоупотреблении писателя, с особой стилистической окраской, такой глагол может быть употреблен при местоимении *я* (у Саши Черного как средство юмора: «Сбежались. Я тоже *сбежался*. Кричали. Я тоже кричал»).

И, наконец, безличные глаголы: *светать*, *рассветать*, *вечереть*, *знобить*, *тошнить* и др. — в русском языке имеют только одну личную грамматическую форму — 3-е лицо единственного числа. Следует помнить, что некоторые из этих глаголов употреблялись ранее и как личные. «Еще в XVIII — первой половине XIX века более

или менее последовательно отмечаются случаи личного употребления таких ставших сейчас собственно безличными глаголов, как: вечереть, дождить, смеркаться, стемнеть, светать, рассветать, за свежить, сгрустнуться, взгрустнуться, мечтаться, вериться, везти, стошнить, приспичить, подмывать, подобать, (не) доставать, (не) хватать, стать (в знач. 'хватить', 'достать') и некоторых других. Эти глаголы уже в то время преимущественно употреблялись как безличные, но личное употребление их было еще возможно («Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX века». М., 1964, стр. 269).

Отмечено немало случаев, когда рассматриваемые глаголы выполняют функцию сказуемого в личном двусоставном предложении, но, как правило, в форме 3-го лица. Употребление их в 1-м лице возможно лишь в индивидуальной речи писателя:

Я живу над зубчатой землею.

Вечерю в моем терему.

БЛОК. Без меня б твои сыны улетали

Глагол *знобить* в XIX веке употреблялся в значении 'студить', 'морозить', ср. у А. С. Грибоедова:

Людей и лошадей *знобя*,

Я только тешил сам себя

и имел все личные формы, так как мог быть отнесен к любому лицу. Глагол *лихорадить* и в современном литературном языке может употребляться как личный (больной лихорадит) и как безличный (больного лихорадит).

Интересны данные словарей современного русского языка. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова помета «1 лицо не употребляется» имеется только при глаголах первой группы, т. е. не образующих 1-го лица единственного числа: *бузить*, *дерзить*, *очутиться*, *победить*, *убедить* и т. п. В тех случаях, когда форму образовать можно, даже если она труднопроизносима, как, например: *затмлю*, *клеймлю*, или совпадает по звуковому составу с другим глаголом — *тужу*, словарь ее дает безоговорочно. При форме *ощущу* есть помета «редко». Семантика глагола, т. е. возможность или невозможность отнесения данного действия к одному говорящему лицу, вообще не учитывается. Так, в словаре есть *выдалбливаюсь*, *засеиваюсь*, *обступлю* и т. п., хотя невозможно представить, в каком контексте они могут встретиться.

По другому пути пошли С. И. Ожегов («Словарь русского языка». 1952) и составители четырехтомного «Словаря русского языка» (1957—1961). В этих словарях учтена не только возможность образования формы, но и семантика слова, правда, не полностью. Так, при глаголах типа *клеймлю*, *ражу* (от *разить*), *тужу* (от *тузить*), пожалуй, следовало бы дать помету «малоупотребительно» или «редко».

На особенности этих глаголов следует обращать внимание при обучении русскому языку (особенно иностранцев). Конкретные

виды упражнений, в частности, выбор из ряда глаголов таких, которые не имеют формы 1-го лица единственного числа, даны в статье А. Ф. Дружининой. Полезен также подбор синонимических выражений для замены неупотребительной формы, например, вместо 1-го лица единственного числа от *победить*: одержу победу, возьму верх, завоюю первенство, одолею, осилю, добьюсь победы, выйду на первое место, стану победителем, победа будет за мной, я должен победить, рассчитываю победить, надеюсь победить, уверен в победе и т. п.; *убедить*: я надеюсь убедить, постараюсь убедить, рассчитываю убедить, докажу свою правоту, заставлю согласиться, переспорю, уговорю, уломаю. При этом, конечно, должен учитываться контекст, стиль речи.

Внимательное изучение глаголов, не употребляющихся в той или иной форме, может иметь также практическое значение при составлении словарей и машинных алгоритмов.

Н. М. ГРОМОВА,
доцент Дрогобычского педагогического института

Викторина

Отгадки

1. Слово *стол* в древнерусском языке означало 'престол, трон'; 'престол как символ верховной власти', а отсюда еще одно значение — 'столица, главный город государства'.

2. Слово *рубль* образовано от глагола *рубить*. В старину рублем называли определенного веса «обрубок» золота или серебра, который вырубали из слитков этих металлов.

Целковый — целая рублевая монета. Слово связано по происхождению с прилагательным *целый*.

3. Древнейший вид этого слова — *мгновени*, образовано оно от глагола *мгнуги* (современное *мигнуть*). Корень здесь *мг-* с редуцированным гласным *ь*, чередующимся с *и* в родственных словах *миг* и *мигнуть*. Итак, *мгновение* — очень короткий отрезок времени, буквально 'отрезок, в который можно успеть мигнуть'.

4. Корень *уст-* и две приставки *на-* и *из-*, ср.: из уст, устно.

5. *Гражданин* — первоначально значило 'горожанин'. Образовано от старославянского слова *град* с неполногласным сочетанием *-ра-*, соответствующего исконно русскому *город*. На старославянское происхождение слова *гражданин* указывает также сочетание *жд*, соответствующее русскому *ж* (см.: И. С. Улуханов. Славянизмы в русском языке. — «Русская речь», 1968, № 1).

6. *Взаимобразно* — контаминация (смешение) слов *заимобразно* и *взаимы*.

7. Устаревшее слово *ветрило* значит 'парус'. (Ср. пример из «Сборника» 1076 года: «Красота воину оружие и кораблю вѣтрила»).

8. *Изморозь* — от слова *мороз*, *изморось* — от глагола *моросить*.

Материал подготовил учитель русского языка и литературы
П. М. Шишов

ДРАГОЦЕННЫЕ КАМНИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

Большинство современных названий драгоценных и полудрагоценных камней заимствовано русским языком из греческого и латинского — источников многих научных терминов — через западноевропейское посредство, например: *агат*, *гиацинт* и другие. Но в переводные памятники древнерусской письменности XI—XIV веков проникали и заимствования непосредственно из греческого языка византийского периода.

Как известно, заимствование одного и того же слова может быть неоднократным (ср. древнерусское *адамантъ* и современное русское *алмаз*, пришедшее к нам из тюрских языков, но, как и *адамантъ*, восходящее к одному и тому же греческому слову *ἀδάμας*).

Неодинаковы иногда и заимствования из одного языка. Например, древнерусские *хрусолифъ* и *фрусьлифъ* употреблялись в современном значении 'хризолит'. Для обозначения драгоценного камня *гиацинта* было заимствовано греческое *βάκινθος*, которое возникло по сходству окраски этого камня с цветами гиацинта. В древнерусском языке мы имеем три слова, восходящие к этому источнику: *уакинфъ*, *уакунтъ*, *акунтъ*. И совсем иного происхождения — *лигурионъ*. Как стало известно, что это название того же самого камня? Произведения с перечислением двенадцати драгоценных камней, сделанные в различных целях (символика, лечебные свойства камней), были очень популярны в древности. До нас дошло несколько параллельных текстов сходного содержания. Интересно сравнить два таких текста: отрывок из Хроники Георгия Амартола (список XIII—XIV веков) и отрывок из Коломенской Палее (список 1406 года). В том же контексте, где в Палее *уакунтъ*, в Хронике Георгия Амартола находим *лигурионъ*, т. е. 'рысий камень' от греческого *λυγῆ, -ῆμος* 'рысь'. Упоминание об этом камне встретилось в книге М. И. Пыляева «Драгоценные камни, их свойства, местонахождение и употребление» (СПб.,

1896): «... лигурий (русский Иоакинф, теперешний гиацит) производится от рыси. Этот камень исцеляет слепоту». Здесь, как и в ряде других названий камней, отражено поверье, приписывавшее камням целебную силу: слово *нефрит* происходит от греческого νεφρός 'почки' (помогает при заболеваниях почек), слово *жадеит* — от французского jade 'бок' (этим камнем лечили боли в боку).

Наличие параллельных текстов помогло также выяснить, что для обозначения драгоценного камня *бирюза* в языке памятников древнерусской письменности существовали названия *ливирионъ* и *варилионъ*. В Материалах для древнерусского словаря И. И. Срезневского эти слова отсутствуют, но источник их происхождения не вызывает сомнения, так как один из параллельных текстов (оба они переводные памятники) имеет греческий оригинал, где находим слово βηρύλλιον.

Часто одному греческому слову соответствуют два или несколько древнерусских. Например, *змарагдъ* или *измарагдъ* — так называли напидредки изумруд или другой драгоценный камень темно-зеленого цвета (из греческого σμαράγδος). Различий в их употреблении не делалось: оба слова отмечены в одном памятнике — Хронике Георгия Амартола. *Змарагдъ* по форме ближе к греческому источнику, но в памятниках чаще встречается *измарагдъ*, которое более характерно для древнерусского языка. Это подтверждается тем, что именно оно употреблено в оригинальном памятнике в роли прозвища: «И нарекоша имя ея Ефросѣнья и прозваниемъ. Изморагдъ еже наречеться дорогой камень» (Ипатьевская летопись, под 1199 годом). При вторичном заимствовании греческого слова σμαράγδος, уже через тюркское посредство, в древнерусском языке развивается начальное *и*: *изумрудъ*.

Иногда наличие двух вариантов связано с тем, что переводчик неверно понял и искажил греческий текст. Так, например, к одному источнику восходят древнерусские слова *топазии* и *панъзионъ* — греческое τολαΐιον, возможно, было понято, как τὸ πάσιον (τὸ — показатель среднего рода, наподобие артикля).

В ряде случаев фонетические варианты существовали и в греческом языке. Естественно, что при их заимствовании тоже появлялись разные русские слова для обозначения одного понятия. Так в древнерусском языке возникли *самфуръ*, *самфиръ*, *санфиръ*, *сампфиръ*, восходящие к σάμφειρος и σάμφειρος.

Редки случаи, когда заимствуются не фонетические варианты одного слова, а разные греческие слова с одним и тем же корнем. Например, для обозначения полудрагоценного камня *сардоникса* в древнерусском языке существовали *сардонихъ* и *сардионъ*. Первое соответствует греческому существительному σαρδόνιξ, а второе, вероятно, — прилагательному σαρδίνος (λίθος) 'сардинский (камень)'.

Подобным образом возникли и древнерусские названия алмаза. В ранних памятниках нашей письменности чаще всего употребля-

ется *адамантъ* — из греческого $\alpha\delta\alpha\mu\alpha\varsigma, -\nu\tau\iota\varsigma$ 'несокрушимый'. И в греческом языке с этим словом ассоциировалось представление о чём-то твердом, прочном и в древнерусском встречается слово *адамантъ* тогда, когда речь идет о металле, может быть, стали. Но есть случаи, когда *адамантъ* используется и для обозначения драгоценного камня. В подобных примерах находим синонимичные ему *адамантинъ* и *адамантистъ*. Они образовались, видимо, при передаче греческих прилагательных $\alpha\delta\alpha\mu\alpha\tau\iota\nu\omicron\varsigma$ и $\alpha\delta\alpha\mu\alpha\nu\iota\omicron\varsigma$. В русском языке имеется несколько заимствований, восходящих к греческому $\alpha\delta\alpha\mu\alpha\varsigma$. В XV веке в описании путешествия Афанасия Никитина в Индию впервые появилось современное *алмазъ*. В начале XVIII века уже через французское посредство пришло устаревшее ныне *диамантъ*. А в геологическом термине *демантоид* отражено немецкое посредство — *Demant* 'алмаз'.

Иногда из греческого языка в разное время заимствуются слова, различные по образованию. В современном русском языке для обозначения полудрагоценного камня *оникса* употребляется заимствованное из греческого $\omicron\nu\chi\iota\varsigma, -\omicron\chi\omicron\varsigma$ 'ноготь', так как оникс нередко имеет овальную форму. Древнерусское *онухионъ* (с тем же значением) восходит к греческому $\omicron\nu\chi\iota\omicron\nu$ 'потолок'.

Видимо, таково же происхождение и древнерусских названий аметиста: *амѣфастонъ* и *амѣфусии*. Они родственны греческому $\alpha\mu\epsilon\theta\iota\sigma\tau\omicron\varsigma$ 'трезвый.' Камень *аметист*, по мнению древних, считался средством против опьянения.

Очень интересно, с лингвистической точки зрения, усвоение разных падежей одного слова: заимствуется то форма именительного падежа греческого слова, то форма косвенных падежей. Например, для названия яшмы в одном древнерусском памятнике употреблено *аспидъ*, в другом — *апсисъ*. Во-первых, известно, что при передаче не вполне еще усвоенных слов, довольно часто ошибочно переставлялись буквы (достаточно типичная описка и в наше время). Кроме того, имея для одного из текстов греческую параллель $\acute{\iota}\alpha\sigma\pi\iota\varsigma, -\acute{\iota}\delta\omicron\varsigma$, устанавливаем, что если заимствована форма именительного падежа, то слово будет иметь окончание *-съ*, а если — форма косвенных падежей, то *-дъ*.

Древнерусские названия агата — *ахатисъ* и *ахатинъ* тоже образовались при заимствовании разных падежей греческого $\acute{\alpha}\chi\alpha\tau\eta\varsigma$.

Для древнерусского литературного языка проблема заимствований осложнена тесными взаимоотношениями с языком старославянским. Многие памятники были переведены не на Русь, а у южных славян и лишь оттуда попали к нам. Обратимся, например, к названию полудрагоценного поделочного камня *мрамора*, для обозначения которого в древнерусских памятниках употреблялись два слова, оба восходящие к греческому $\mu\alpha\rho\mu\alpha\rho\omicron\varsigma$. Собственно древнерусским вариантом, с полногласием, было *мороморъ*. *Мраморъ*, отмеченное и в переводных и в оригинальных памятниках, — по происхождению старославянское.

Еще более сложное взаимодействие старославянских и древнерусских слов наблюдаем на примере названий жемчуга (об истории слова *жемчуг* см. статью И. Г. Добродомова в «Известиях АН СССР. Серия литературы и языка», 1966, № 1). Для обозначения жемчуга с XII века, сначала в языке оригинальных памятников, а позднее и в переводных текстах, отмечено *женчюгъ* (*жъньчюгъ*, *жъньчюгъ*). В оригинальных памятниках XIV — начала XV века встретился вариант *жемчюгъ* (*жемъчюгъ*, *жомчюгъ*). *Женьчюгъ* восходит к греческому *μαργαρίτης*, которое переводится и как *бисърь* (слово очень распространенное в древнерусском языке). Оно встречено как в прямом значении 'жемчуг', так и в переносном, когда речь идет об истинности христианской религии и т. п., а также во фразеологическом сочетании *Мегаги бисърь предъ свиньями* (*свиньямъ*). И это сочетание, по происхождению цитата из евангелия, и переносное значение слова *бисърь* тесно связаны устойчивой литературной традицией употребления его в старославянском языке. *Бисърь* в отличие от *женчюгъ* известно также западнославянским и южнославянским языкам. Возможно, что оно появилось в самых ранних переводах на славянские языки. Мы находим его во всех важнейших старославянских памятниках.

Оба слова — *бисърь* и *женчюгъ* (*жемчюгъ*) — тюркского происхождения. Точнее, *бисърь* было заимствовано из арабского через тюркское посредство. *Женчюгъ* (*жемчюгъ*) характерно только для восточнославянских языков. Но оно не было единственным, употреблявшимся в данном значении, и потому требовало толкования, которое находим, например, в азбуковнике «Речь тонкословия греческого». В словарике, приложенном к Новгородской кормчей 1282 года, объясняется и *бисърь*. В более поздних словарях есть пометы о различии в их употреблении. Так, в русско-английском словаре Ричарда Джемса XVII века отмечено, что *bisera* — слово малоупотребительное. Позднее в литературном языке за ним закрепилось значение 'поддельный жемчуг, мелкие стеклянные бусы'. Но в некоторых северных говорах значение 'жемчуг' продолжает сохраняться.

До сих пор мы говорили о неоднократности заимствования слов из одного языка (при возможном посредстве других языков). Изредка встречаются случаи, когда слова, обозначающие одно понятие, на определенных этапах истории языка заимствуются снова, но уже из другого языка. Так, например, произошло со словом *рубинъ*, которое, по данным словарей, появилось впервые в XVIII веке. Заимствовано оно из средневековой латыни: *rubinus* от *ruber* 'красный'. Но и раньше этот драгоценный камень был известен в России. Только назывался он по-другому: *анфраксъ*, *анъфраксъ*, *ануфраксъ* от греческого *ἀνδραξ*, которое имело два значения: 'драгоценный камень' и 'уголь' (откуда и произошло современное русское *антрацит*).

Кандидат филологических наук
Г. Н. ЛУКИНА

Сравнивая современный русский язык с древнерусским, обычно говорят о различиях в словах и значениях. Но есть и такие слова, значение которых не менялось с возрастом. Эта статья познакомит читателя с названиями еды и питья, которые были хорошо известны русским людям древних веков. Все слова сопровождаются примерами из древнерусских памятников XI—XIV веков.

ХЛЕБ. Уже в самых ранних памятниках упоминаются рожь, пшеница, ячмень; овес. Как и теперь, из них мололи муку, а из муки делали хлеб. Хлеб пекли «прѣсыныи» и «квасыныи». К первому относились опресоки, блины (более древняя форма слова *блин* — «млинь»). Квашеный хлеб делали так: «Солью и квасомъ [закваской] и водою муку мѣсимъ, и тако творимъ». «Вѣдан, — говорит проповедник, — яко хлѣбъ есть свершенъ [сделан]: есть бо мука аки тѣло, а квас аки душа, а соль аки умъ, вода же аки духъ животь».

Хлебом, как и теперь, называли не только печеный хлеб, но и в зерне. По тому, сколько стоит хлеб, можно было судить о стоимости жизни. Древние грамоты и летописи полны упоминаний о цене хлеба: «А тогда бляше хлѣбъ дешевъ, по 3 мѣрѣ за полтину». Чаше были неурожайные годы, и тогда хлеб подымался в цене: «И въздорожиша все на тѣргу: и хлѣбъ, и мяса, и рыбы; и оттолѣ ста дороговъ [наступила дороговизна]: купляху хлѣбъ по 2 кунѣ, а кадь ржи по 3 грвиѣ, а пшеницю по 5 гривенѣ, а пшена по 6 гривенѣ» (Летопись Новгородская под 1231 годом).

Разорительные войны, которые вели между собой князья, постоянные набеги кочевников из южных степей опустошали посевы, губили скот. Дополняя неурожай, эти войны приводили к катастрофам. На земле наступал голод. Краткие записи летописца о таких годах полны драматизма: «Брат брата не съжалеется [брат над братом не сжалится]... ни сусѣдъ сусѣду не уламяше хлѣба». Тогда уже о хлебе люди не помышляли, а «ядяху листь липовъ, кору березову, сосновую кору, дубовую кору, а инни мохъ», а «инни

молиц [мякоте дерева] истелькше, мятуце [перемешав] съ пельми [мякиной] и съ соломою». И «мряху бо людие по улицамъ и нѣкому баше погривати ихъ». Никто уже не оплакивает покойников, потому что живые завидуют мертвым...

СОЛЬ. Соль, как и хлеб, была основой жизни. Поэтому в памятниках письменности, как в зеркале, отражающих жизнь народа, полную бед, войн и голода, часто встречаются такие записи: «Не быс моли во всю Рускую землю... изнемогишимъ людемъ [тогда обесследили люди] от рати и глада, без жита и без соли» (Патерик Печерский, 1222—1226 годы).

МЯСО. Русские употребляли в пищу дичь и мясо. Разве только какой-нибудь праведник мог сказать о себе: «Не ямъ мясь въ вѣкъ». А простые смертные ели говядину, свинину, баранину, медведину, зайчину. В походах князья и дружинники возили с собой котлы для варки мяса или же, как Святослав, «по тонку изрѣзавъ конину ли, звѣрину ли, или говядину, на углях испекъ, ядаху». В XV веке Афанасий Никитин, побывавший «за тремя морями», был очень удивлен, что «видѣяне же не ядятъ никоторого мяса, ни яловичны [телятины], ни боранины, ни куратины, ни рыбы, ни свинины». В сборнике конца XII — начала XIII века есть описание пира в доме богатого человека. Какое обилие блюд из мяса и дичи! — «тетери, гуси, жерави, яби, голуби, кури, зайци, елени, вепреве, дичина...».

Иногда в пищу употребляли «давленину» [мясо задавленного, вообще умершего животного] или «звѣроѣдину» [мясо животного, убитого зверем; то, которое должно идти в пищу зверям]. Использование в пищу мертвечины не было редкостью, судя по тому, сколько предостережений по поводу этого рассеяно по Кормчим книгам и поучениям: «звѣроѣдины не ѣдите», следует «удалитися давленины», «луче бы вѣкшина [мясо векши, белки] и бобровина [мясо бобра], нежели давленина».

КОЛБАСА. К давлению приравнивалась и хорошо известная нам колбаса. «Нѣции убо [некоторые] кровь коего — либо животнаго хытростью некакою стваряють снѣдно [съедобно], еже глаголють колбасы». Употреблять колбасы в пищу категорически запрещалось: «Правило възбраняеть всѣмъ православнымъ христианомъ удавленины и крови ясти, сирѣчь колбасы».

КАША, ЩИ. «Щи да каша — мать наша», — говорят русские. *Наша* упоминается впервые лишь в памятнике XV века (по списку XVII века): «А на дорозѣ [в пути] кто же собой варить кашу, а у всякого по горницу». Слово *щи* в памятнике второй половины XVI века: «куил... штеи кислых на 8 денег». В памятниках XI—XIV веков *щи* и *каша* не встретились. Конечно, этот факт сам по себе еще не является доказательством их отсутствия в языке.

ВАРЕВО. В описаниях еды XI—XIV веков постоянно встречается «вариво безъ масла», «вариво... съ зелиемъ и съ масломъ дрѣвнымъ». К «зелю» относились съедобные травы, например, «кропъ» [укроп], «чабрь» [чабрец], «мята». Вот что, к примеру, могли есть монахи в понедельник, вторник и четверг: «Вариво бо без масла, съ лоукъмъ и съ смоквами и да устроятъ достойными зелии... и сочиво [чечевица] съ медъмъ, елико его есть приятно съ укусьемъ». Или «взливають масло въ капусту еолону и дадять мнихомъ [монахам] по единой чаше» (Устав Студийский XII—XIII века).

Одним из способов наказания монахов за ослушание или провинность по монастырскому уставу было «сухойдение», т. е. хлеб без варева, без приправы. Если «хлѣбарь [пекарь] опалить хлѣбы», то виновному полагалось в наказание 100 поклонов «или сухо да ясть», если «хварастья [хворосту, дров] сожжет не в меру» или «по небреженью [не доглядел] мышь в сосуд чистый попала» — опять «сухо да ясть».

УХА. Из варева, которое можно отнести к первым блюдам, в это время известна *уха*. В отличие от современного языка это слово имело значение «навар, похлебка». Она могла быть из рыбы или из мяса: «Покуша отъ ухъ, и мясные и рыбные, и вина чашку испи». Для бедняка удачей было «омочити свои хлѣбъ въ уху, юже [которую] проливають... повари».

Уху, варено ели с хлебом. Хлеб крошили прямо в миску. Не разрешалось крошить лишь просфору: «просфору... ножем не рѣзати и в уху не крошити».

КИСЕЛЬ. В «Повести временных лет» под 997 годом есть такая легенда. Узнав, что князя с дружиной нет в городе и он не сможет прийти на помощь горожанам, печенеги осадили Белгород. У осажденных кончились запасы еды, «и бысть глады великъ в городѣ». Сдача города стала неизбежной. Тогда один старец предложил собрать остатки муки по городу: «по горети овса, или пшееницѣ, ли отрубѣ [отрубей]» и «повелѣ женамъ створити цѣжь, в немъ же [из которого] варятъ кисель» (ср. современное *цедить, процеживать*). «Цѣжь» вылили в «кадь», а «кадь» поставили в «колодязь». В другой колодец поставили кадь с медовой сытой, т. е. медовым отваром. Утром послали за печенегами. «И приведоша я [их] къ кладязю, идѣ же [где] цѣжь, и почерпоша вѣдромъ и льяша в латки и яко свариша кисель». Сами ели и печенегам дали попробовать киселя и меду. «Что можете створити нам,— сказали,— имѣемъ бо кормлю от землѣ». Вернулись послы в свой стан, «повѣдана вся бывшая» [все, что было]. «Подививашася» князья печенежские, «въсташа отграда, въ свояси [восвоися] идоша».

В группе слов, обозначающих «питие», одно из самых древних, конечно, вода. Случалось, что человек «не вокуша по семь недѣль ничего же, развѣ [кроме] одиное воды и то же по скуду». Но это «по нуждѣ или по бѣдѣ». К застольному «питию» вода не относилась.

МОЛОКО. В древности, как и сейчас, пили молоко. В «Русской правде» упоминается «коровье молоко». Было известно кобылье молоко: «Пьеш ли черное молоко... кобылли кумузъ». Овечье молоко: «От овец молоко и волну [шерсть] взимающе». Из молока готовили сыр и масло: «Дои молоко будетъ ти масло», — читаем в «Мериле Праведном». С молоком ели кисель: «Како ли не обьестися, исто [если?] поставятъ кисель с молоком» (приписка XIV века). В постные дни есть молочные продукты запрещалось и считалось ересью «сыры ѣсти и лица, и молоко... въ святое великое говѣнье».

КВАС. Изготавливаемого «пития» широко распространен был квас, особый кислый напиток, так хорошо известный и в наше время. Приготавливали его из жита. Такой квас назывался «житным». В памятниках упоминается также яблочный квас. Способы приготовления кваса могли быть разными, но едва ли они существенно отличались от теперешних. Хороший хозяин имел в запасе «квасы сладкие, и черствые [выдержанные?], и выкислые».

МЕД. Древнейшим занятием русских было бортничество, и мед занимал большой удельный вес в хозяйстве. «Не погнетши пчель меду не ѣдать». Из меда приготавливали медовый напиток, называвшийся тоже медом. «В чистую неделю, — читаем в „Вопросах Кирика“, — достoitъ [следует] медъ ясти прѣсными и квасъ житный». Мед приравнялся к молочным продук-

там, поэтому Иллариин Новгородский поучает: «Всяко сами ся въздержите отъ всего, и дѣтѣмъ не дайте меду пити во все говѣние». Мед и медовые напитки хранились в особой кладовой «медуше».

ВИНО. Издавна были известны на Руси хмельные напитки. В «Повести временных лет» под 986 годом есть рассказ о том, как князь Владимир знакомился с различными вероучениями, чтобы решить, какой вере отдать предпочтение. Пришли к нему болгары бохмитской веры. Бохмит, сказали они, учит, «свиины не ясти, вина не пити». Многие в их вере было Владимиру «не любо», а «о питьи отинудь» [особенно]. И сказал он: «Руси есть веселье питье, не можемъ бес того быти».

Хмельными напитками были мед, вино, пиво (слово *пиво* имело также значение «питье» вообще). Без них не обходились на праздниках, свадьбах, тризнах по умершим и погибшим в бою. Подготовка к торжествам всегда сопровождалась «варением меда» и «пива»: «Свадьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена»; «К празднику рожь молотити и хлѣбы печи, солодь молоть, пива варить». Строительство церкви тоже заканчивалось пиром: «Створи [Владимир] праздник великъ, вари 300 проварь меду». Хмельные напитки входили в повседневную трапезу, даже монашескую. «Привезоша 3 возы полныи сущи къръчагъ съ вигъмъ» — читаем в описании быта одного из монастырей. На обед монаху часто давали, например, «хлѣбъ и вариво и по чаши вина».

Христианская вера поощряла трезвенников, но не запрещала хмельное «питие». Более того, в Кормчих книгах высказана и такая мысль: «Еже бо не пити, досаженье есть бывшей от бога твари [сотворенному богом] на веселье», «но да не упиваются!» Против «упивающихся» была направлена и житейская логика и слово проповедника: «Не упиваетесь медъмъ», «Не буди винопища, вся бо пианица обнищаетъ», «Блюдѣтесе, еда отягъчаютъ сердца ваша обѣданиемъ [объедением] и пьянствомъ», «Въ меду не мужаетя, многы бо погубилъ медъ».

Владимир Мономах в своем поучении детям наказывает: «Ни питью, ни ѣденю не лагодите [не потворствуйте], ни спанью». Однако воинво-дружинников надо было кормить хорошо. И тот князь считался настоящим отцом своей дружине, который, как Мстислав, «имѣнья не щадяше, ни питья, ни ѣденья браняше [не ограничивал]».

ЗАВТРАКАТЬ. ОБЕДАТЬ. УЖИНАТЬ. К древнейшему пласту лексики русского языка относятся слова *завтракать, обедать, ужинать*. Все три глагола встречаются в летописи в небольшом отрывке из страшного рассказа об ослеплении князя Василька. В ноябре 1097 года князь Василько приехал в монастырь святого

Михаила и «ужина ту». Утром Святополк прислал за Васильком, настоя-ливо оставляя его на свои именины. Василько отказался. Святополк, ста-рался задержать Василька, предложил: «Да заутрокаи, брате. и общася Василько заутрокаи». А. когда подошло время обеда («онѣмъ обѣдую-щимъ»), Василько был уже ослеплен...

В монастырских уставах подробно описывается, что подавали монахам на завтрак, обед и ужин: «На обѣдѣ ясти хлѣбъ с капуестоу, а по вечерни [на ужин] рыбы». Вероятно, был определенный порядок и у мирян. Наибо-лее обильным был обед. На ужине, как правило, ничего не варили, а ели то, что оставалось от дневной трапезы: ужина «ради ничьео же варити подоба-еть».

ЕСТЬ, КУШАТЬ. Заканчивая небольшое введение в область древне-русской «пищи и пива», ответим еще на такой вопрос: ели или кушали древнерусские люди? Такой вопрос возникает потому, что в современном русском языке глагол *кушать* часто выступает как синоним глагола *есть*, хотя литературная норма и не советует этого делать.

В древнерусских памятниках до XIV века глагол *кушати* встречается очень редко. Вот один из древнейших примеров. Некто Исакий «раслабленъ гѣломъ и умомъ» разучился есть. Перед ним положили пищу, и он «ломалу огля-дався, кушавше хлѣба, и тако научиси ѣсти» (Летонисъ по Пшатъевскому списку под 1074 годом). Глагол *кушати* не означал «есть, принимать пищу». Его значение было шире: «пробовать», «отведывать», даже «узнавать», «по-стигать, воспринимать». «Кушати» или «въкушати» можно было не только «хлѣба», но и «сѣна» [сна] и «грѣха».

Можно привести интересный пример с глаголом *покушати*. Древнерусский писец, чтобы не испортить рукопись случайной небрежностью, принимаясь за свой труд делал пробу пера и чернил. Некоторые из таких проб дошли до нас в виде заметок на полях рукописей: «Покушати пера добро ль перо, тверда ль рука, добро ль ею писати» (приписка XII века); «Покушаю пера и чернила» (приписка XIV века); «Покушати писати новымъ чернилом» (при-писка XIV века). Как видим, этот глагол не имел ничего общего с принятием пищи. Таким образом, о равнозначности глаголов *есть* и *кушати* в древне-русском языке говорить нельзя. Когда древнерусский человек испытывал чувство голода, он *ел*, а не *кушал*.

Кандидат филологических наук

Н. В. ЧУРМАЕВА

Рисунки Э. А. ШИРОВА

Превзойти.

Превознести.

Преставиться.

Развитие значений многих слов происходит путем так называемого «семантического заражения» (тер-мин введен французским ученым М. Бреалем, см. об этом: Д. Н. Шмелев. Очерки по семасиологии русского языка, М., 1964). Это явление состо-ит в том, что постоянное, типизиро-ванное употребление слова для изо-бражения одной и той же ситуации, в одном и том же словесном окруже-

нии (контексте), приводит к тому, что другие, более редкие употребле-ния становятся невозможными. Сло-во получает в языке то значение, ко-торое оно раньше выражало совме-стно с другими словами контекста. Оно получает значение этого кон-текста, «заражается» значением от контекста.

Рассмотрим процесс подробнее на примере трех глаголов с приставкой *пре-*: *превзойти*, *превознести* и *пре-ставиться*. В истории этих слов очень много общего. Все они первоначаль-но означали перемещение в прост-ранстве: *превъзиги* 'высоко взойти', *превъзнести* 'высоко вознести', *пре-ставиться* 'переместиться'. В совре-менном языке *превзойти* означает 'оказаться выше, сильнее, значитель-

нее в каком-нибудь отношении', *превознести* — 'очень высоко оденить, слишком расхвалить', *преставиться* — 'умереть'. Как же произошло изменение их значений?

Все эти глаголы употреблялись преимущественно в церковно-книжных памятниках древнерусского литературного языка, куда они попали из старославянского языка — древнейшего литературного языка славян. Этот язык формировался и вырабатывался в процессе перевода церковных книг с древнегреческого. Из славянских корней, приставок, суффиксов и окончаний создавались новые слова по образцу древнегреческих. Так возникли и глаголы *превзвзиги* (*превзвзодити*) и *превзвзнести* (*превзвзносити*).

Глагол *превзвзиги* употреблялся обычно для передачи древнегреческого глагола *πέρβαίνω* 1) 'переходить, переступать, пересекать', 2) 'превосходить, превyšать'. Прямое (первое) значение этого греческого слова слагалось из значений его частей: приставка *πέρ-* соответствует старославянской приставке *пре-* (русская *пере-*), а глагол *βαίνω* означает 'шагать, ходить'. На основе прямого возникло переносное значение греческого глагола 'перегнать кого-либо в чем-либо, превзойти'. Славянский глагол *превзвзиги* (*превзвзодити*) соответствует как структуре греческого глагола, так и его значениям: в старославянских памятниках и в церковно-книжных памятниках древнерусского литературного языка он употреблялся в двух значениях: 1) 'перейти, переходить', 2) 'превзойти, превосходить'. Употребления в прямом значении были чрезвычайно редки: в большом количестве памятников можно найти лишь два — три случая такого употребления; например: «Не может отнюдь прѣвзвзиги на вышнее небо» (Никак не может перейти на высшее небо) — (Блрѣвѣвал 'перейти') — Ефремовская кормчая XII века). Ср. употребление этого глагола в Псалтыри часто цитируемой древнерусскими авторами: «Моихъ грѣховъ множество превзидоша главу мою» (Моих грехов множество превyšило голову мою) — Ярославский сборник XIII века. Абсолютно преобладало употребление глагола для обозначения

превосходства в чем-либо, например: «Превзиги всѣхъ добродѣтелию» (Превзойти всех добродетелью) — Киево-Печерский патерик. «Злоба ихъ превзидоша Содому и Гомору» (Злоба их превyšала Содом и Гомору) — Палей. Постепенно наиболее частое и типичное для церковно-книжных памятников употребление становится единственно возможным.

Глагол *превзвзнести* (*превзвзносити*) употреблялся для перевода греческого глагола *ὑψεύω* 'высоко возносить' (приставка *ὑψ-* переводилась *пре-*, а глагол *ὑψέρ* — *взвзносити*). В буквальном смысле — 'высоко поднимать' — он употреблялся крайне редко, например: «Съдъ же убо царь на престолѣ высоцѣ же и превзнесе» (Сел царь на престоле высоком и высоко вознесенном) — Житие Варлаама и Иоасафа. Обычным было переносное употребление глагола — 'высоко вознести на словах, в мыслях, восхвалить', например: «Взвеличати сама цесарица мати господня и превзнесе» (Возвеличила тебя сама царица мать божья и восхваляла / превзнесла) — Киево-Печерский патерик. Впоследствии наиболее частое употребление слова превратилось в его единственное значение.

Глагол *преставитися*, образованный от глагола *преставиши* присоединением возвратного местоимения *ся* 'себя', означал первоначально 'переместиться с одного места на другое, переставить себя'. Однако чаще всего глагол *преставитися* употреблялся для обозначения лишь одного перемещения — 'из этого мира в мир иной'. В памятниках он постоянно употребляется в таких сочетаниях: *преставитися отъ свѣта, отъ жития, к богу, въ вѣчную жизнь, в бесконечную жизнь, на истинный животъ* (на истинную жизнь), *отъ ерѣменьныхъ на вѣчная* (т. е. от временного к вечному), *к животу бесстрастья* (к жизни без страданий) и т. п.

Лишь в очень редких случаях глагол называл какие-либо иные перемещения.

Такие употребления отмечены только в наиболее древних памятниках; так в Изборнике Святослава 1076 г. читаем: «Аште бо съ мудрыми челоуькы бесѣдующе. скоро въ образы (правильно: в образы) ихъ прѣставимъся» (Если будем беседо-

вать с мудрыми людьми, то скоро станем на них похожими /буквально: перейдем, «переставим себя» в их образы/). Однако типизированное применение слова — обозначение смерти — постепенно стало единственно возможным: глагол стал обозначать не ‘переместиться’, а ‘умереть’. Интересно, что глагол *преставити*, от которого образован *преставитися*, также мог употребляться для обозначения смерти, например: «Нъ бога дѣля не повѣдай никому же о мне дондѣже отъ земля богъ преставит мя» (Но бога ради не поведай никому обо мне до тех пор, пока бог не удалит меня с земли /буквально: пока бог от земли не переставит меня/) — Пролог 1383 года. Однако такие употребления глагола *преставити* были чрезвычайно редки. Этим и следует объяснить тот факт, что глагол *преставити* не получил значения ‘умертвить’. Он мог, как и русский *переставити*, обозначать любое перемещение.

Итак, развитие значений всех трех глаголов протекало следующим образом: в первичном, прямом значении глаголы употреблялись редко; типичным было иное употребление глаголов. Это наиболее частое употребление в контексте стало единственным значением глаголов.

Все рассмотренные слова (*превозйти*, *превознести* и *преставитися*) употреблялись преимущественно в церковно-книжных памятниках. Однако постепенно они стали проникать и в памятники светского содержания (летописи, сатирические произведения XVII века), ср., например, упо-

требление глагола *превозйти* в сатирическом Сказании о курае и лилице:

Ты же, беззаконник,
того дошел,
Что и Моисеев закон о
пяти женах превзошел.

Правда, эти старославянские по происхождению глаголы сохраняют свою книжную окраску и в современном языке. Глагол *преставитися*, кроме того, употребляется **иронически**; в стилистически нейтральной речи ему соответствует глагол *умереть*. Изменение значений слов сопровождалось утратой их членения на составные части (морфемы — приставки, корень и т. д.). Первичные, прямые значения глаголов складывались из значений приставки и исходного глагола: приставка *пре-* означала направленность действия от одного места к другому (*преставитися*) или выше, дальше (*превозити*, *превознести*), а исходные глаголы означали перемещение. Переносные значения не являются суммой значений приставки и исходного глагола. С утратой прямых значений ослабляется, утрачивается выделенность составных частей слова. Об этом свидетельствует, например, тот факт, что приставка *пре-* в глаголе *преставитися* иногда ошибочно заменялась на приставку *пред-*, например: «Жили наши деды, прадеды, отцы наши состарились и представились» (Повесть о Ерше Ершовиче, XVII века).

Кандидат филологических наук
И. С. УЛУХАНОВ

ВОСХИТИТЕЛЬНЫЙ И ХИТРЫЙ

Слово *восхитительный* употребляется в значении ‘приводящий в восторг, очаровывающий’: «Ты сегодня, просто восхитительна до невероятности, Оля! — сказал я, невольно залюбовавшись ею» (Салтыков-Щедрин. Брусины); ср. также: восхитительная музыка, восхитительный голос, восхитительное пение и т. п. От прилагательного образовалось наречие *восхитительно*: «Сигара ваша так восхитительно пахнет» (Тургенев. Новь); ср.: восхитительно поет, играет и т. д.

Прилагательное произведено либо от существительного *восхититель*, как *обвинительный* от *обвинитель*, *вдохновительный* от *вдохновитель*, *утешительный* от *утешитель* и т. д. (правда, существительное *восхититель* в словарях приводится редко и обычно без примеров), либо прямо от глагола *восхитить* с помощью сложного суффикса *-тельный*.

Глагол *восхитить* — *восхищать*, от которого могли образоваться слова *восхититель*, *восхитительный*, существовал в трех значениях. (В современном языке это уже два разных глагола, противопоставленные по значению и ударению: *восхитить* и *восхитить*.)

- 1) 'Поднять ввысь, унести вверх':

Пушкин! Он и в лесах не укроется;
Лира выдаст его громким пеньем
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимпе торжествующий.

ДЕЛЬВИГ. Пушкину

- 2) 'Похитить, присвоить': «Вы у меня... восхитили... если не всю идею, то начало ее» (Боборыкин. Василий Теркин);

- 3) 'Очаровать, привести в состояние восторга':

И потом, неделю ровню,—
Покорясь ей безусловно,
Околдовав, восхищен,
Пировал у ней Дадон.

ПУШКИН. Сказка о царе Салтане

От глагола *восхитить* образовано и существительное *восхищение* так же, как *возвращение* от *возвратить*, *обращение* от *обратиться*, *просвещение* от *просветить* и т. д.: «Когда он играл, она слушала его с наивным *восхищением*» (Короленко. Слепой музыкант.); «Я был в *восхищении* от старого чабана и его жизненной морали» (Горький. Мой спутник). Существительные на *-ение*: *восхищение*, *просвещение*, *возвращение* — образованы от причастий: *восхищен*, *просвещен*, *возвращен* и т. д. Все они по происхождению не исконно русские, а книжные, церковнославянские, т. е. вошедшие в русский литературный язык из древних церковных книг. Об этом свидетельствует чередование *т* с *щ*. У исконно русских слов *т* в подобных случаях чередуется с *ч*, например: *светить* — *свечение* (*свечение* ночного неба, *свечение* циферблата часов и т. п.); *крутить* — *кручение* (*кручение* ниток, веревок и т. д.): *сытить* 'подслащивать' — *сычение*.

На книжное происхождение слов *восхищение*, *возвращение* и т. п. указывает и приставка *вос-* из древнего *въз-*, которая в исконно русских словах звучит как *вз-*, *вс-*, например: *взмолнуть* (земля *взмолла*); *встретать* (ветер *встрепал* волосы); *встряхнуть* (*встряхнул* головой, платком).

В словах *восхитить*, *восхитительный* корень *хит-*, тот же, что и в глаголе *похитить* 'украсть'. В этом значении глагол в русских говорах встречается и без приставки: *хитить* (В. Г. Богораз. Областной словарь колымского русского наречия. СПб., 1901); ср. и древнерусское *хитаги*: «Съ бѣ агня а не волкъ, не бѣ бо хитая от чюжих домовъ богатства» (Это был ягненок, а не волк, так как не похищал богатства из чужих домов) — о Ростовском епископе Пахомии, умершем в 1216 году. В древнерусском языке глаголы с корнем *хит-* (до XIII—XIV веков заднеязычные согласные *г*, *ж*, *х* были только твердыми звуками, поэтому после них могло произноситься

только *ы*, но не *и*) известны не только в значении 'похищать', но и в более древнем значении: 'хватать', например: «Пси дающего хытають».

Полагают, что от корня *хыт-* образовано и прилагательное *хытръ*, современное *хитрый*, с тем же суффиксом, что и в прилагательных *остръ* от *ость*, *мокръ* от *мок-(нуть)* и т. д. *Хытръ*, *хытрый* было известно в значении 'искусный', 'ловкий': «Бяше бо и книгамъ хытръ писати» (И книги искусно [или ловко] писал); «Со хытрии врачеве врачующе язвы» (Искусные врачи лечили язвы). Впоследствии понятие 'ловкий' приобрело в этом слове оттенок 'ловко умеющий обманывать'.

Первоначальным значением корня *хыт-* было 'брать', 'хватать'. Отсюда в глаголах с этим корнем развилось значение 'похищать', а в слове *хитрый* — 'ловкий', 'искусный', как и в русском народном *хваткий* 'ловкий' (из 'ловко хватающий').

ОПАСНЫЙ

Это старинное славянское слово в памятниках письменности X—XI веков встречается в значении 'внимательный, осторожный'; 'тщательный': «Глагола ему опасно» (Сказал ему осторожно) — Синайский патерик XI века. В русском языке слово *опасный* известно в значении 'способный причинить несчастье, грозящий опасностью': «И точно, дорога опасная: направо висели над нашими головами груды снега, готовые, кажется, при первом порыве ветра оборваться в ущелье...; налево глубокая расщелина» (Лермонтов. Бала). Прилагательное *опасный* образовано от неупотребительного сейчас существительного *опасъ* 'осторожность', 'опасение': «Емлемъ же города безъ опаса» (Возьмем же города без опасения) — из летописи. Современному языку известны существительные *опасение* и *опаска*: «С удалями с опаской слово молви!» (А. Островский. Воевода); «Шли без опаски. потому что... было известно, что в Симферополе матросы и советская власть» (Лавренев. Ветер).

Опасъ, *опасение*, *опаска* имеют общую часть *пас-*, что и в глаголе *пасти* 'стеречь, охранять': «Рекохъ: не пасу я» (Сказал: не охраняю их), а из этого возникло *пасти стадо*, а также *пастух* 'кто пасет, охраняет'.

Прилагательное *опасный* также образовано от корня *пас-*, первоначальное значение которого, по-видимому, 'защищать, охранять'. Отсюда и значение слова *опасный* 'вызывающий страх и опасение', т. е. такой, который может повредить и от которого надо защищаться.

Рассматриваемый корень *пас-* находим и в словах: *запас*, *запасать*, *припасать* и т. д.; вначале существительное *запасъ*, образовавшееся от глагола *запасати*, означало 'прибереженное': «Он эту соль сгребает, сушит и пасет ('бережет'. — А. Л.) про тот случай, когда чрево-то его соли попросит» (Максимович. Бродячая Русь). Однако ныне глагол *пасти* 'беречь' не употребляется, а *запас* означает 'то, что припасено впрок': «Какие запасы были там варений, солений, печений! Какие меды, какие квасы варились, какие пироги пеклись в Обломовке!» (Гончаров. Обломов). В переносном значении *запас* употребляется и по отношению к абстрактным существительным: «Какой запас знаний у этого ученого!», а также в армейской терминологии, например: «Полковник запаса».

Доктор филологических наук
А. С. ЛЬВОВ

В прошлых номерах «Русской речи» говорилось о словах *дирижер, актер, артист*. Теперь речь пойдет еще об одном слове, относящемся к музыкальному искусству, — о слове *опера*.

Опера — любимый многими жанр музыкального искусства. Часто мы говорим: «Я слушал оперу», «Я был в опере». При этом не замечаем того, что в одно и то же слово *опера* вкладываем разное содержание. Но, впрочем, мы несколько забежали вперед. Начнем по порядку.

Итак, слово *опера*. Откуда оно попало в русский язык? Оно есть в других европейских языках: в итальянском — *опера*, в немецком — *Орег*, во французском — *орéга*. А в эти языки оно пришло из латинского — *opus, operis*, что значит ‘произведение, изделие’ — это только одно из его значений, а вообще слово *opus* многозначно.

Когда возникла опера как жанр, как особый вид искусства, и назывался ли он сразу оперой или как-то иначе? В «Театральной энциклопедии» (М. 1965) говорится: «Как особый вид искусства, основанный на определяющем значении музыки в драматургии спектакля, опера возникла в конце XVI века... Первоначально она не имела родового названия». Нужно было назвать представление, где музыка стала играть ведущую роль, и тогда появляются такие итальянские названия, как *favola in musica* ‘музыкальная сказка’, *dramma in musica* ‘музыкальная драма’, *melodramma* ‘мелодическая песенная драма’, наконец, *опера in musica* ‘музыкальное произведение’, или сокращенно *опера* ‘опера’.

Мы знаем, что много слов вошло в русский язык в эпоху Петра I, т. е. в начале XVIII века. К этому времени относится появление слова *опера* в России. Оно встречается в первых русских газетах: «Из Рима от 4 дня Декабря. Кардинал Оттобони велел в своих палатах на феатре новую музыкаскую Оперу впервые дей-

ствовать, которая zelo изрядно и к удовольствию всех присутствующих отправлялась». Любопытно и объяснение слова, данное здесь же: «Опера есть музыкальное деяние в подобие комедии, в которой стихи поют, и при оной разные танцы и презрядные машины представлены бывають» («Санкт-Петербургские ведомости», 1729, № 1).

В 1738 году в первом русском научно-популярном журнале «Примечания на Ведомости» была опубликована статья «Историческое известие о опере», написанная специально для этого издания Я. Штелином и переведенная на русский язык В. Адодуровым. Здесь подробно изложена история оперы, начиная с ее первых шагов на Западе и до появления итальянской оперы в 30-х годах XVIII века при дворе Анны Иоанновны. Как свидетельствуют материалы картотеки русского языка XVIII века, хранящейся в словарном секторе Института русского языка АН СССР в Ленинграде, в этой статье можно встретить и производные от слова *опера* — прилагательное *оперный* (например: оперный дом), существительные *оперист* ‘оперный певец’ и *оперистка* ‘оперная певица’. В статье Я. Штелина есть и слова *оперетта*, *опера-буфф*.

Интересно отметить, что уже в момент появления слово *опера*, видимо, употреблялось в разных значениях. В «Московских Ведомостях» (вып. 2, 1719) говорится: «21 будут играть изрядную оперу въ Цесарскихъ палатахъ». В другом документе, относящемся к 1716 году, сказано, что Петр I «быль въ Гамбурхъ у Поппа и былъ в оперъ». В первом примере слово *опера* объясняется как ‘музыкально-драматическое произведение, предназначенное для исполнения на сцене’. Во втором, по-видимому, намечается значение: ‘место для представления опер, оперный театр’. В XIX веке это значение стало обычным. Вспомните у Пушкина в «Евгении Онегине»:

Но уж темнеет вечер синий,
Пора нам в оперу скорей,
Там упоительный Россини,
Европы баловень — Орфей.

А в упомянутой статье Я. Штелина слово *опера* употреблялось и в смысле ‘оперная труппа’. В этом значении оно также употреблялось в XIX веке. Н. В. Гоголь писал Н. Я. Прокоповичу в январе 1837 года: «Итальянская опера здесь чюдная! Гризи, Тамбурини, Рубини, Лаблаш — это такая четверня, что даже странно, что они собрались вместе». В XIX веке у этого слова появилось и еще одно значение ‘национальное оперное искусство’, например: «итальянская опера», «русская опера».

Оперы сочинялись на различные сюжеты: бытовые, исторические, сказочные. И уже в XVIII веке опера на бытовой, комический сюжет называлась *опера-буфф* (от французского *bouffe* ‘комический’), а оперы героико-мифологического или легендарно-исторического содержания — *opera-seria* (от латинского *serio* ‘серьезно’). За примерами ходить далеко не надо: достаточно вспомнить

«Севильского цирюльника» (опера-буфф) и оперы Мейербера «Гугеноты», «Пророк» (опера-seria). Теперь такое деление оперного жанра отсутствует и на афишах пишется просто *опера*. Лишь иногда можно встретить добавление, уточнение: опера-былина Н. А. Римского-Корсакова «Садко». Опера М. И. Глинки «Руслан и Людмила» до сих пор называется в афишах и в других печатных изданиях «волшебная опера».

Слова любого языка живут, приобретают новые смысловые связи. Не является исключением и слово *опера*. В самое последнее время (лет 15 назад) появились экранизации опер, получившие название «фильм-опера», например: «Хованщина», «Борис Годунов», «Царская невеста», «Иоланта», «Евгений Онегин».

В. С. ФИЛИПЦОВ,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

«За человека страшно»

В 1837 году в Москве вышла в свет трагедия Шекспира «Гамлет, принц датский» в новом русском переводе Николая Алексеевича Полевого (1796—1846). Сейчас этот перевод забыт: его заменили другие, но в то время значение его было огромно. Впервые шекспировские герои заговорили по-русски живым, эмоциональным и, что особенно важно, современным языком. Н. А. Полевой переводил в достаточной мере вольно, он упрощал трагедию, выбрасывал все, что ему казалось лишним,— от мифологических реминисценций и сложных метафор до второстепенных персонажей и отдельных сцен. Он старался приблизить действие к понятиям и запросам публики. В трагедии Гамлета он видел прообраз духовной драмы своего поколения. Недаром Н. А. Полевой говорил о датском принце: «...его страдания нам понятны; они болезненно отзываются в нашей душе, как страдания близкого нам родного человека; мы плачем вместе с Гамлетом и плачем о самих себе» («Театральная газета», 5 сентября 1877). Уклоняясь от точного следования шекспировскому тексту, Н. А. Полевой стремился показать в своем переводе ужас перед действительностью и скорбь, охватившие передовое русское общество после разгрома декабристов.

Н. А. Полевой был не большим поэтом, не лучшим переводчиком, но он чутко ощущал веяния времени. И это обеспечило успех его переводу «Гамлета». Имя Шекспира стало известно в России каждому грамотному человеку, а трагедия прочно вошла в русский драматический репертуар. Сценическая популярность способствовала тому, что этот перевод стал источником крылатых слов и, по утверждению Аполлона Григорьева, «Гамлет разошелся чуть что не на пословицы». А в конце XIX века беллетрист и дра-

матург П. П. Гнедич, сам впоследствии переведший «Гамлета», писал о переводе Н. А. Полевого: «Многие фразы, слова, выражения (например, „за человека страшно мне“, „о, женщины, ничтожество вам имя“ etc., — фразы, которых в сущности или нет в подлиннике или которые совершенно переиначены) сделались нам так же близки, как цитаты из „Горя от ума“ или „Ревизора“» («Русский вестник, 1882, № 4). Известный сборник Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова» включает восемь выражений из «Гамлета» в переводе Н. А. Полевого.

Словами «за человека страшно» Н. А. Полевой завершил монолог Гамлета, в котором принц обличает свою мать-прелюбодейку (действие III, явление 3):

Стыд женщины, супруги, матери забыт...
Когда и старость падает так страшно,
Что ж юности осталось? Страшно,
За человека страшно мне!..

У Шекспира нет соответствия последней строке. В. Г. Белинский даже писал: «...это окончание принадлежит самому переводчику; но его и сам Шекспир принял бы, забывшись, за свое: так оно идет тут, так оно в духе его». С таким категорическим утверждением, пожалуй, трудно согласиться, но несомненно, что слова эти точно соответствуют духу, которым проникнута трагедия в переводе Н. А. Полевого.

В известной статье «Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» В. Г. Белинский рассказал, как звучали завершающие слова монолога в устах великого русского трагика: «...это болезненное напряжение души, это столкновение, эта борьба ненависти и любви, негодования и сострадания, угрозы и увещания — все это разрешилось в сомнение души благородной, великой, в сомнении в человеческом достоинстве:

Страшно,
За человека страшно мне!..».

Недаром Аполлон Григорьев, описавший в стихотворении «Искусство и правда» (1854) свои юношеские восторженные впечатления от игры Мочалова-Гамлета, истолковал эти слова как своего рода ключ ко всей трагедии. Он писал о Мочалове:

Ему мы верили; одним
С ним жили чувством, дети века,
И было нам за человека,
За человека страшно с ним!

Другому поклоннику Мочалова, И. П. Ключникову, те же слова пришли на ум, когда он после представления «Гамлета» видел трагика «в вакхическом и диком упоении». И поэт скорбно восклицал:

Дать место говору бессмысленного века,
Взлетать и падать в прах и жить в мечте и сне...
Ты любил ли меня? О, страшно мне за человека,
За человека страшно мне!

Павлу Степановичу Мочалову

Заметим кстати, что С. Г. Займовский в книге «Крылатое слово» (М. — Л., 1930) ошибочно назвал упомянутое стихотворение И. П. Ключникова первоисточником выражения «за человека страшно».

Иных трагиков, петербургских, напомнили эти слова поэту Я. П. Полонскому, который писал: «Это фраза... пущенная по свету Гамлетом, говорящим басом покойного Каратыгина или дребезжающим голосом Максимова» («Время», 1861, № 2).

По мере того, как выражение становилось крылатым, забывалось, кто его истинный автор. Правда, Ф. В. Булгарин, с которым Н. А. Полевой был близок в последние годы жизни, помнил это и писал: «Г-жа Корсини... так изучила сердце человеческое, что, как сказал покойный Н. А. Полевой в переводе Гамлета: „за человека страшно!“» («Северная пчела», 15 апреля 1850). Большинство же литераторов ничтоже сумняшея приписывали его самому создателю «Гамлета». Петербургский профессор А. В. Никитенко, например, писал: «Тут слышишь... такие речи... от которых, по выражению Шекспира, страшно становится за человека» («С.-Петербургские ведомости», 29 февраля 1848).

В переводе Н. А. Полевого фраза «за человека страшно» выражала ужас и скорбь по поводу того, как унизил себя человек, как глубоко он пал. В таком смысле она первоначально и употреблялась. Так, В. Г. Белинский в статье «Воспоминания Фаддея Булгарина» (1846) писал: «Все сочинения и издания г. Булгарина разруганы... никто даже за похвалу не сказал ему спасибо; напротив, похвалы г. Булгарина производили еще худшее действие, чем его брань... Страшно, страшно! за человека страшно!...». Трагически звучали эти слова в анонимной рецензии «Литературной газеты» (23 января 1847) на «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя: «И кто же делает все это? Тот самый Гоголь, имя которого гремело еще недавно по всей Руси!.. Как не вспомнить при этом слов Шекспира: „Страшно за человека! страшно!“». Тот же трагический смысл подразумевается и в следующем замечании А. В. Дружинина в одном из «Писем иногороднего подписчика»: «От некоторых так называемых карикатур Гогарта становится „за человека страшно“, по выражению какой-то трагедии».

О нравственном падении писал Н. С. Лесков в повести «Смех и горе» (1871): «Поэт того же мнения, что правда не годится, и даже разъяснял мне, почему правды в литературе говорить не следует; это будто бы потому, что „правда есть меч обоюдоострый“ и ею подчас может пользоваться и правительство; честность, говорит, можно признавать только одну „абсолютную“, которую может иметь и вор и фальшивый монетчик. Дальше я не хотел и речи вести об этом: взаправду „за человека страшно“!».

Нередко выражение употреблялось иронически или ради сатирического эффекта. У А. В. Дружинина в «Заметках Петербургского туриста» (1855) герой спрашивает: «По какому же случаю... молодой богач Д. Д. женился из расчета на вдове, обладающей

фигурой, от одного вида которой становится за человека страшно?». Н. А. Некрасов в театральном обозрении 1841 года, осмеивая нелепый водевиль «Новый Отелло», писал: «Отелло, Отелло! Не о тебе ли, предвидя свою настоящую судьбу, сказал твой двоюродный брат Гамлет:

Страшно, страшно,
За человека страшно мне!».

В фельетоне «Столоверчение и медиумы по новейшим источникам» («Век», 1861, № 4) анонимный журналист с удивлением отмечал, что общее увлечение спиритизмом в Англии захватило и Теккерей: «Автор „Пенденниса“ и „Ярмарки“, неутомимый каратель обманов и неумолимый сатирик, в своем журнале напечатал такой дифирамб столоверчению и духопоявлению, что нам, его читателям, стало страшно за человека». Откликаясь на фельетон «Века», Я. П. Полонский подхватил эту фразу и писал в цитированной выше статье: «...вряд ли кому-нибудь из нас, пишущих журнальные статейки, действительно когда-нибудь бывает страшно за человека».

В 60-е годы выражение приобретает новый смысл. Раньше, как мы видели, оно звучало обвинением того, кто унизил свое человеческое достоинство, — будь то мать Гамлета, или Булгарин, или Гоголь и т. д. Теперь человек рассматривался как жертва общественного неустройства и слова эти стали выражать сострадание, скорбь об «униженных и оскорбленных» и обвинение обществу, поправшему их. В этом казалось бы мелком факте (переосмысление единичного выражения) отразились завоевания русской реалистической литературы, показавшей зависимость человека от враждебной социальной среды.

Новое толкование мы находим, например, в предисловии к роману В. В. Крестовского «Петербургские трущобы» (1864): «...и вот за стаканом скверной водки я узнал мимоходом, урывками кое-что из жизни побитой женщины и ее товарок; но через эти урывки для меня скользила целая драма — такая драма, в которой „за человека страшно“ становится». Так же осмыслил впоследствии выражение и Г. И. Успенский в очерке «Выпрямила» (1885). Но здесь эмоциональный заряд, содержащийся в мысли писателя, разрывает застывшее словосочетание, и оно органически включается в авторскую речь: «Во всем этом, т. е. во всем, что только ни видит ваш глаз, все одно унижение, все попрание в человеке человека... И страшно становилось за душевную участь теперешнего человека, за искалеченное, а потому постоянно опечаленное существо его души...».

В наше время выражение «за человека страшно» почти забыто. И причина заключается не только в том, что перевод Н. А. Полевого, давший ему жизнь, вытеснен новыми переводами «Гамлета». Ушла в прошлое и социальная почва, которая эту жизнь поддерживала. И характерно, что в единственном известном нам случае

употребления этого выражения в советской литературе оно отнесено к человеку буржуазного общества. К. Г. Паустовский пишет в «Повести о лесах» (1949): «Петр Максимович так убедительно говорил об оглушенном, отравленном, обреченном на преждевременное умирание человеке Запада, тоскующем по воздуху лесов, по солнцу, что вчуже становилось за этого человека страшно». При этом К. Г. Паустовский соединил две фразеологические единицы: «за человека страшно» и «вчуже страшно (обидно, гадко) становится». (Ср. у Салтыкова-Щедрина: «Столько нынче гаду в литературу напоззло, столько напоззло, что даже вчуже страшно становится»).

Кандидат филологических наук
Ю. Д. ЛЕВИН

По Петровке пачками нэпачи с нэпачками...

Словари (в том числе и академические) не дают полной картины развития слова *нэп* и производных от него образований. Обычно приводится всего несколько: *нэп*, *нэпман* и др. А слово это было одним из наиболее употребительных в 20-е годы. Кроме того, на его основе возникло большое количество новообразований — от однодневок до слов, прочно закрепившихся в русском языке. Одни из них (*нэпман*, *нэпманша*, *нэпмановский*, *нэпманский*, *нэпач*, *нэпачиха*, *нэповский*, *по-нэпмански*, *по-нэповски*) известное время употреблялись в публицистическом стиле русского языка (в газетах и особенно в сатирических журналах). Другие (*нэпа*, *нэпка*, *перенэп*, *нэповец*, *нэпоха*, *нэпос*, *нэпоман*, *нэпомания*, *нэпачизм*, *нэпманство*, *нэпачество*, *нэпогод*, *нэпородие*, *нэпрасценка*, *сверх-нэпы*, *нэпобарышня*, *нэпожербчик*, *Нэпград*, *Нэпик*, *Нэпкин*, *Нэпов*, *Нэпорылов*, *Нэпишкин*, *Нэпушка*, *нэпмач*, *совнэпман*, *нэпачка*, *нэпачонок*, *нэпный*, *нэпский*, *донэпический*, *анти-нэповский*, *нэпачинный*, *нэпачинский*, *нэпачский*, *нэповинный*, *нэпорыловский*, *нэпишкинский*, *нэпистый*, *нэпистее*, *нэписты*, *нэпиться*, *снэпить*, *онэпить*, *перенэпиться*, *перенэпивший*, *недонэпивший*, *занэпившийся*, *поднэпившийся*) — окказионализмы каламбурного характера с конкретным стилистическим заданием, связанным с критикой всего отрицательного, что было в жизни страны в годы нэпа.

Хорошо известно, что слово *нэп* появилось в 1921 году. Это — сокращение словосочетания «новая экономическая политика». Из словарей, по нашим сведениям, впервые *нэп* и производные зафиксированы в «Словаре вошедших в обиход сокращенных названий» Н. Н. Серокузова (Владивосток, 1924) и в «Словаре советских терминов и наиболее употребительных иностранных слов»

под редакцией П. Х. Спасского (Нижний Новгород, 1924); см. также: В. З. Овсянников. Литературная речь. Толковый словарь современной общелитературной фразеологии (М., 1933).

Любопытно, что в дни, когда проходил X съезд РКП(б), решавший вопрос о новой экономической политике, мы находим это выражение у Д. Бедного в несокращенном виде:

Обнагледа парочка эта и наводит на большевиков ехидную критику?

Иль пророчит...

Новую экономическую политику?

Сообразительный буржуй. 1921

16 июня 1921 года в речи на III Всероссийском продовольственном совещании В. И. Ленин говорит: «Я бы хотел напомнить решение последней партийной конференции, работавшей специально по вопросу о новой экономической политике» (Полное собрание сочинений. Т. 43, стр. 353—354).

Вскоре после X съезда РКП(б) в одном из газетных фельетонов, описывавших махинации торгашей, появилась и аббревиатура *нэп* (Г. О. Винокур. Культура языка. М., 1925, стр. 128). Слово получает широкое распространение в центральной и периферийной печати. Его употребляет и В. И. Ленин, всегда осторожно относившийся к введению в русский литературный язык новых аббревиатур: «Экономически и политически *нэп* вполне обеспечивает нам возможность постройки фундамента социалистической экономики» (т. 45, стр. 60—61); «Несколько подробнее о *нэпе*» (там же, стр. 60).

Через некоторое время *нэп* проникает и в художественную литературу. Например, у В. Маяковского: «Спросили раз меня: „Вы любите ли *нэп*?“...» (заголовок. «Известия», 1922, № 58); или: «НЭП — этакая шустрая каналья» (Д. Бедный. Молочные. 1922).

Сначала буквенная аббревиатура *нэп* характеризуется неустойчивостью грамматического рода: *нэп* (мужской род), *нэпа* (женский), *нэпо* (средний). (См. «Морфология и синтаксис современного русского литературного языка». М., 1968). По мнению И. П. Мучника, «почти одновременно с *нэп* стал употребляться и другой вариант — *нэпо*» (там же). Ю. Тынянов утверждает, что «вначале было слово *нэпо*, обозначавшее «новая экономическая политика», затем слово изменилось в *нэп*, т. е. приобрело формальную принадлежность (м. род)» («Лекс», 1924, № 1). Ср.: «Хрюкающий *нэп*» (Д. Бедный, 1923); или: «...У нас здесь, на Олимпе, полная НЭП» (журнал «Новый Бич». Харьков — Москва — Петроград, 1922, № 1); «Что принесла *Нэп* литературе?.. Формально *Нэп* раскрепостила литературный труд...» («Литературные записки». М., 1922, № 2). Ср.: «...Мы... вступили в эпоху новой экономической политики (НЭПО)» («Правда», 1922, № 9); «Гримасы НЭПО» (заголовок. «Известия», 1922, № 19).

Очень скоро аббревиатура *нэп* обрела все грамматические «права гражданства» и начала склоняться как обычное существитель-

ное. При этом, естественно, отразились и колебания родовой принадлежности: «Мародёры НЭПа» (заголовок. «Известия», 1922, № 184); «НЭПу — уложение о наказаниях» («Известия», 1922, № 84); «И вот о чем мы все писали: О жиреющем Нэпе...» («Крокодил», 1923, № 48). Или: «Такая уйма нянь вокруг Нэпы руки греет» (Нэпа. — «Крокодил», 1922, № 1); «По Охотному ходил без призора „Крокодил“ и с враждой свирепою обжирался нэпою» («Крокодил», 1922, № 5).

Если выражение *новая экономическая политика* всегда употреблялось с положительной окраской, то аббревиатура *нэп* едва ли не с первых дней существования семантически и экспрессивно как бы раздвоилась. Это связано с тем, что *нэп* как аббревиатурный знак, выйдя за рамки специального употребления, претерпел семантические изменения в результате метафоризации. С одной стороны, *нэп* уже в 1922—1923 годах активно используется как сокращение выражения — «новая экономическая политика», с другой — *нэп* связывали с понятием частного капитала, возрождением капиталистических элементов, торгашей и т. п. Вероятно, форма женского рода *нэпа* тоже способствовала тому, чтобы оттенить отрицательную окраску этого слова. Например: «Ведь коль нэпа, значит нэпа, значит, неча и роптать» («Крокодил, 1922, № 1); «Посрамленная нэпа» (заголовок. Журнал «Тачка прокатывает всех». М., 1922, № 9).

Этой же цели служили и русские словообразовательные средства с яркой экспрессией. Ср. окказиональные существительные *нэпка* («Крокодил», 1923, № 46), *перенэп* («Правда», 1924, № 36), *нэпмач* (журнал «Красный Перец». М., 1923, № 13; «Тачка...». 1922, № 10, 18).

От *нэп* были образованы существительные *нэпман* в значении «частный предприниматель, торговец, спекулянт первого периода нэпа» (17-томный Словарь) и его женское соответствие *нэпманша*. «Нэпман ведет тыловую осаду» (Д. Бедный. Копают глубже. 1922); «С нэпманом держи ухо остро» (заголовок. «Рабочая газета». М., 1922, № 131); или: «Вот проклятая нэпманша: второй январь за нос водит» (журнал «Красный ворон». Пг., 1922, № 4); «...В заметке „НЭПМАНША в роли машинистки“ автор рабочий говорил, что Панина есть дочь нэпмана» (журнал «Прогресс». Коломна, 1923, № 2).

Несомненно, что *нэпман* — словообразовательный экспромт фельетонного происхождения, но точно указать пути его возникновения пока трудно, хотя уже существуют разные версии. А. Бэклунд (A. Boeklund. Die Univerbierenden Verkürzungen der heutiger russischen Sprache. Uppsala, 1940, стр. 105) предполагает, что «суффикс» слова *нэпман* происходит, вероятно, от насмешливого названия немецких торговцев, с одной стороны, и от еврейских фамилий на — *ман* — с другой. Здесь же он указывает, что по-немецки *перреп* значит «обманывать», отсюда *нэпман* — «обманщик». Появление А. Бэклунда не кажется нам убедительным и похоже на на-

родноэтимологическое осмысление. Происхождением этого слова, в частности его семантизацией, интересовался и В. И. Лепин. Он писал: «Слово *нэпман*, которое вы употребляете, ведет к некоторому недоразумению. Это слово образовано из сокращенного „нэп“, что означает „новая экономическая политика“, и прибавки „ман“, что означает „человек, или представитель этой новой экономической политики“. На газетном языке это слово возникло сначала, как шутливое обозначение мелкого торгаша или лица, пользующегося свободой торговли для всякого рода злоупотреблений» (т. 45, стр. 265). «„Нэпман“, если уже употреблять это выражение, гораздо более относящееся к шутливому газетному языку, чем к области серьезных терминов политической экономии...» (там же, стр. 266); или: «...Масса населения за „покупающими и продающими“ нэпманами не пойдет» (там же, стр. 268).

Не менее ярко и другое существительное, образованное от *нэп*. — *нэпач*, а также производные *нэпачонок* и его женские соответствия — *нэпачка* и *нэпачиха*. Если существительное *нэпман* благодаря иностранному характеру своего суффикса *-ман* с самого возникновения получило книжный оттенок, то его синоним *нэпач* и производные стали принадлежностью разговорно-просторечного стиля, чему способствовали суффиксы *-ач*, *-иха*, *-ка*, *-онок*. Ср.: «Приветствовал нэпача нэпач...» (Д. Бедный. Кто кого. 1922); «Обуздайте нэпача-кровососа» («Крокодил», 1923, № 26); «...Разъевшиеся нэпачи... эксплуатируют прислугу...» («Рабочая газета», 1922, № 240);

По Петровке пачками
нэпачи с нэпачками
ходят, рожки набеля...

АСЕЕВ. Нэпачи

«А они не верили: Нэпач, нэпачиха и нэпачонок. Особенно последний» (журнал «Кок». Баку, 1923, № 2); «Погоди. Расшвыряем по панели Нэпачей. Нэпачих. Нэпачат» (журнал «Леф». М., 1923, № 2).

Признаком словообразовательной активности аббревиатуры *нэп* является и производство на его основе так называемых «говорящих» имен, которые характеризовали отрицательные явления того периода: «М-м НЭП» (надпись на рисунке. «Прожектор», 1923, № 2); «Преступление гражданки НЭП» (заголовок. «Крокодил», 1922, № 15); «Она стыдливо сказала: „Мой Нэпик!..“» (журнал «Метла». Саратов, 1923, № 5); «...К финотделу с деньгами Нэпушка спешит» (там же, № 1); «Вон Нэпкина прокатила „тройка“, так на пять отдыхать сел» (журнал «Красный ворон». Пг., 1922, № 3); «Случай с Нэповым» (заголовок. «Рабочая газета». М., 1922, № 196); «Эк, как загадили Храм Мельпомены Нэпишкины, Тэпишкины и прочая торгашеская нечисть!» (подпись под рисунком. «Метла», 1923, № 2); «Господин Нэпорылов, я очень рад. Позвольте представиться, ваш Бюрократ» («Крысодав», 1923, № 1).

Реже в кругу слов, связанных с лексемой *нэл*, возникали абстрактные существительные: *нэпачизм* (журнал «Товарищ». Пенза, 1923, № 3), *нэпманство* («Правда», 1925, № 296), *нэпачество* (Д. Бедный. Из Нижнего. 1922), *нэпоха* (журнал «Дрезина». М.—Пг., 1924, № 16), *нэпос* («Крокодил», 1922, № 12). Юмористическая реализация слов *нэпоха* и *нэпос* основана на сближении в звучании со словами *эпоха* и *эпос*.

Аббревиатура *нэл* могла становиться частью сложных слов: *нэпрасценка* (журнал «Мухомор». Пг., 1922, № 5), *нэпоман* («Товарищ», 1923, № 3), *нэпобарышни*, *нэпожеребчики* (журнал «Тиски». Киев, 1923, № 2), *нэпогод* («Красный ворон», 1922, № 4), *нэпо-дума* («Тачка...», 1922, № 22). Ср., наконец, «говорящее» имя — топоним у Д. Бедного *Нэпград* (заголовок. «Правда», 1922, № 187).

От слова *нэл* образованы также прилагательные: «Нэпманская» (заголовок. «Метла». 1923, № 1); «Мы думали..., что нэпманским делам все придают значение» («Тачка...», 1922, № 21);

Концессии и договоры были первыми ласточками,
Милыми ласточками Нэповской весны.

Д. БЕДНЫЙ. Из Нижнего. 1922

Данная форма прилагательного стилистически более нейтральна, чем другие прилагательные с основой *нэл*-. Вероятно, поэтому она и стала наиболее употребительной в официальных документах, в партийной печати: «...Из России нэповской будет Россия социалистическая» (В. И. Ленин. Т. 45, стр. 309). Ср. также окказионализмы: *нэпный* («Тачка...», 1922, № 7), *нэпский* («Крокодил», 1922, № 13; В. Маяковский. Мы. 1923), *нэпачский* («Крокодил», 1922, № 4), *нэпорыловский* («Крокодил», 1923, № 47), *нэпачинный* («Репейник», 1923, № 9), *нэпачинский* («Кок», 1923, № 2), *донэпический* («Крокодил», 1922, № 12), *нэпов* («Крокодил», 1922, № 6), *нэпистый*, *нэпистее* («Крокодил», 1922, № 6, 2), *нэпишкинский* (журнал «Наша колотушка». Коломна, 1923, № 1), а также контаминированное образование *нэповинный* у Д. Бедного («О делах наркомфинных, об агнцах нэповинных, о большевиках свирепых и случаях нелепых». 1922).

От аббревиатуры *нэл* был образован ряд глаголов: *нэпиться* (Д. Бедный, там же), *снэпить* («Крокодил», 1922, № 15), *перенэпить* («Правда», 1922, № 36 и журнал «Щетка». Рыбинск, 1922, № 2) и причастий: *перенэпившие*, *недонэпившие*, *заэпившиеся*, *поднэпившиеся* (журнал «Новый Бич». Харьков — Москва — Петроград, 1922, № 1).

Иногда встречаются наречия. Так, от *нэпманский* и *нэповский* были образованы наречия с *по*-: «...Кредит от народа мы получили благодаря нашей правильной политике, и это, если выразиться по-нэповски, — векселя» (В. И. Ленин. Т. 45, стр. 81).

Вполне возможно, что существовал и ряд других образований. Так, у В. Маяковского встречаем окказиональное существительное

нэпист (Бюрократнада, 1922). Ц. Селищев приводит глагол *онэпиться* («Язык революционной эпохи». М., 1928), Л. Черных — существительное *нэповец* («Этнографический бюллетень», 1923, № 3). С течением времени большинство слов этой группы вообще забылось. В современном русском литературном языке в качестве историзмов закрепились такие слова, как *нэпман*, *нэпманша*, *нэпмановский*, *нэпманский*, *по-нэпмански*, *по-нэповски*. Д. И. Алексеев считает, что и слово *нэп* стало историзмом после 1936 года (Словарь сокращений русского языка. М., 1963). Естественно, что эта хронология может рассматриваться только как приблизительная.

Нетрудно заметить, что в норме современного русского языка закрепились лишь те слова рассматриваемой группы, которые использовались для характеристики новой экономической политики и отрицательных явлений, неизбежно порожденных ею на некоторое время, пока не были уничтожены последние остатки эксплуататорских элементов в нашей стране.

Приведенный материал свидетельствует об активных словообразовательных процессах, которые имели место в русском языке (прежде всего в публицистике) первого послеоктябрьского десятилетия. И хотя большинство образований не выдержало испытания временем и исчезло из словарного фонда, они несомненно явились яркой страницей в развитии русского языка новейшего времени. Об этом красноречиво свидетельствует история аббревиатуры *нэп* и производных от нее слов.

Н. П. АГАФОНОВА,

преподаватель Самаркандского пединститута

Л. И. РОЙЗЕНЗОН,

доцент Самаркандского пединститута

Лебединая песня

В этом фразеологизме наряду с существительным *песня* употребляется и устарелый книжный вариант — *песнь*. Любопытно, что в книге Н. С. и М. Г. Ашукиных «Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения» (М., 1966) соответствующая статья называется «Лебединая песня», а в примерах — из Гоголя и Достоевского — «Лебединая песнь». Аналогичное положение и во «Фразеологическом словаре русского языка» под редакцией А. И. Молоткова: заголовок статьи «Лебединая песня (песнь)», а из четырех иллюстраций три (из Гоголя, Достоевского, Щепкиной-Куперник) содержат *песнь* и лишь в четвертой (из «Записок писателя» Телешева) можно в равной степени предполагать и *песнь* и *песня* в форме родительного падежа — «своей любимой песни».

Очевидно, такое преобладание устарелого варианта *песнь* объ-

ясняется происхождением примеров из произведений авторов XIX — начала XX века. Впрочем, и в современной печати можно встретить употребление фразеологизма с вариантом *песнь* (может быть, это связано с его книжным оттенком?), ср., например: «И все же как бы слышалась лебединая *песнь* великой традиционной, наземной наблюдательной астрономии» (Вл. Орлов. — «Правда», 3 декабря 1967).

Иногда автор, употребляя фразеологизм с устарелым вариантом («Лебединая *песнь*»), в формах косвенных падежей «сбивается» на современное *песня*. Например: «Работал он [С. Д. Бублик] буквально до последнего дыхания, жизнь его кончилась в просмотровом зале. Товарищи завершили его работу, она оказалась его лебединой *песней*. Это была *песнь*, посвященная Владимиру Ильичу Ленину» (Л. Никулин. Лебединая *песнь*. — «Искусство кино», 1966, № 4). Здесь явно противоречат друг другу окончания именительного и творительного падежей, ср. соотношение: именительный *песнь* — творительный *песнью*; по *песня* — *песней*.

Фразеологизм *лебединая песня* (*песнь*) обязан своим происхождением народному поверью, по которому лебедь поет в своей жизни один раз — перед смертью. Отсюда и установившееся его значение: «Последнее, обычно наиболее значительное, произведение кого-либо; последнее проявление таланта, способностей и т. п.» («Фразеологический словарь русского языка»). Это определение достаточно широко, оно охватывает все основные случаи употребления. Но смысловых оттенков фразеологизма так много, что его содержание расширяется вплоть до отхода от установившегося значения и до нарушения нормы.

В значении фразеологизма можно выделить два полюса. Один из них выражен в толковании «Фразеологического словаря» словом *последняя*. Смещаясь в эту сторону, *лебединая песня* может обозначать вообще последнее проявление какой-либо деятельности (вовсе не являющейся ни проявлением таланта, ни каким-нибудь произведением). Ср.: «Штюмер знал, что эта аудиенция Горемыкина была его лебединой *песней*» (Г. Шенн. У излучин истории).

Другой полюс связан с характеристикой во «Фразеологическом словаре», может быть, чересчур категоричной: «обычно наиболее значительное»; она ведет к стремлению подразумевать под *лебединой песней* вообще что-либо значительное или выдающееся. Так, например, случай, когда на концерте Вана Клиберна одна из его поклонниц воскликнула по поводу исполнения: «Это его лебединая *песня!*» (на что другая тут же возразила: «Надеюсь, что нет!»).

Обычно мы сталкиваемся со случаями, которые как бы объединяют обе эти стороны значения фразеологизма. Так, пример из статьи Вл. Орлова («лебединая *песнь* великой традиционной, наземной наблюдательной астрономии») может быть истолкован и как последние шаги наземной астрономии (в связи с наблюдением со спутников), и как — по той же причине — вершина, предел

развития наземной наблюдательной астрономии, и как то и другое одновременно.

Если на основании приводимых в словарях и справочниках иллюстраций попытаться описать смысловые и грамматические условия нормативного употребления фразеологизма *лебединая песня*, то в наиболее общем виде они будут включать в себя такие два правила: 1) выражению *лебединая песня* должно сопутствовать в тексте обозначение чего-либо, что стало последним произведением и т. п. (чаще всего между ними устанавливается грамматическая связь с помощью различных связок, глагола *оказаться* и т. п.); 2) «автор» произведения и тот, о ком утверждается, что это его «последняя песня», должны быть одним и тем же лицом (обычно наименование этого лица при фразеологизме выражено в форме родительного падежа существительного или местоимения).

Очевидным отступлением от этих условий является следующий пример: «В романе „Дворянское гнездо“ писатель... пропел лебединую песню всему дворянскому классу» (П. Г. Пустовойт. Роман И. С. Тургенева «Отцы и дети»). Неизвестно, что названо *лебединой песней*, причем здесь два «лица», к которым мог бы относиться фразеологизм («Тургенев» и «весь дворянский класс»). Кстати, оба они грамматически не соответствуют способам выражения этого «лица». В результате и получается карикатурная схема: Тургенев «пропел (!) лебединую песню» — не свою, а «дворянскому классу»...

Могут встретиться и такие случаи, которые обнаруживают простое непонимание фразеологизма. Один из них описан К. Г. Паустовским в «Книге скитаний»:

Изредка Нодия устраивал в духанах маленькие ужины и любил говорить во время этих ужинов витиеватые тосты. «К нам,— говорил он,— приехал академик „золотое перо“. Он напишет о Колхиде свою лебединую песню. Я не мог опровергать Нодию — он был так добродушен, что язык не поворачивался возражать ему. К тому же я понимал, что «академик», «золотое перо» и «лебединая песня» — это только обязательные застольные цветы красноречия.

«Есть мушкетеры, есть!»

Старинное слово *мушкетер* смотрит на нас с газетных заголовков: «Чемпионат мушкетеров», «Салютуют Лужникам мушкетеры», «Мушкетеры скрестили клинки», «Парад „мушкетеров“», «Золото „мушкетеров“» (все это — июль 1966 года)... В заметке «Накануне премьер мушкетеров» «Правда» писала: «Меньше месяца остается до чемпионата мира по фехтованию, который впервые будет проведен в Москве во Дворце спорта» (11 июня 1966). Вот теперь и читателю, не следящему за спортивными событиями, станет ясно: «Спортсмены, вооруженные рапирами, шпагами, саблями — современные „мушкетеры“» («Правда», 4 июля 1967).

Но почему же все-таки мушкетеры? Ведь мушкетерами в старину называли солдат пехоты, вооруженных ручным огнестрельным оружием с фитильным замком. «Четвертая глава указывает, как мушкетеру из мушкета выстрелити и как ему всякими обычаяи за мушкет приматися» — гласит устав 1647 года «Учение и хитрость ратного строения людей». В некоторых армиях название *мушкетеры* сохранялось и после того, как мушкеты были заменены нарезными ружьями. Казалось бы, какой смысл называть фехтовальщиков стрелками?

Думаем, что не ошибемся, предположив в этом влияние романов А. Дюма-отца. Кто из нас с детства не помнит, как д'Артаньян и его храбрые друзья — Атос, Арамис и Портос, выхватив шпаги, бросались вперед?.. (А кто помнит те немногие случаи, когда им приходилось стрелять из мушкетов, как, например, во время знаменитого завтрака на бастионе под Ларошелью?!). Впрочем, вот свидетельства в пользу нашей догадки:

В эти дни Дворец спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина напоминает дом капитана королевских мушкетеров де Тревиля, что стоял когда-то в Париже на улице Старой голубятни. Все своды дворца отражают металлическое ожесточенное лязганье клинков. «Дуэли» — в центральном зале, «дуэли» — в гимнастическом зале, в коридорах. Мушкетеры в белых колетах стараются, как тот, на лестнице в доме капитана, не пропустить своих соперников на ступеньку выше («Литературная Россия», 15 июля 1966).

Или краткая аннотация из «Тематического плана выпуска литературы издательства ЦК ВЛКСМ „Молодая гвардия“ на 1968 год»:

Малкин Ф. Есть мушкетеры!

Д'Артаньяны и Фанфан-Гюльпаны наверняка есть в каждом дворе. Стать ими очень просто. Достаточно воткнуть в свою шевелюру голубиное перо, выстрогать из деревяшки шпагу и посмотреть «Три мушкетера» или «Фанфан-Гюльпан» ...Книжка... приглашает будущих мастеров клинка в мир рыцарской шпаги, рапиры, сабли. На страницах ее встретятся любимые герои книг и герои современных фехтовальных боев. В прикладном разделе — практические советы юным фехтовальщикам, организаторам дворовых мушкетерских турниров.

(Вам заголовок книги Ф. Малкина ничего не напоминает? Ну, конечно, это из песенки М. Светлова в пьесе «Двадцать лет спустя»:

Трусов плодила наша планета,
Все же ей выпала честь:
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры,
Есть мушкетеры, есть!)

И та же ассоциация даже в рецензии на театральную постановку: «Егор Глузов, этот обаятельнейший юноша, проныра, пролаза, демагог, вольнодумец, карьерист, соблазнитель, дипломат, почти мушкетер в поединке, фехтующий стеком, как шпагой (укол! еще укол!)...» («Театр», 1967, № 7).

Итак, с недавних пор слово *мушкетер* появилось в печати как образное наименование фехтовальщика. А если это она — фехтовальщица? «...На следующее утро зал „завоевали“ рапиристски. С утра до самого вечера „мушкетерши“ вели свои бои за выход в финал» («Комсомольская правда», 12 июля 1966). Последовательно, хотя вряд ли хорошо!

Употребление слова *мушкетер* на страницах газет пока в основном подчиняется... спортивному календарю: регулярным оно становится, когда проходит чемпионат Советского Союза по фехтованию. Но усиливающийся интерес к этому виду спорта и прочность ассоциаций, связанных со словом, позволяют предположить, что *мушкетер* имеет большие шансы закрепиться — рядом с «мастерами клинка» — в экспрессивном арсенале средств массовой коммуникации.

В заключение еще одна газетная заметка:

«Клинки скучают в ножнах». Под таким заголовком в нашей газете от 3 декабря минувшего года было напечатано письмо группы школьников из города Славянска Донецкой области. Ребята — *приверженцы древнего искусства мушкетеров* — поведали невеселую историю о том, что руководство совета общества «Локомотив» Донецкой железной дороги решило закрыть секцию фехтования. Эта единственная в школе секция мушкетеров существовала 10 лет... («Комсомольская правда», 21 января 1968).

Б. С. ШВАРЦКОПФ,
научный сотрудник
Института русского языка
АН СССР

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

(Ответы)

1. *Мемориал* — соревнование, посвященное памяти какого-нибудь выдающегося спортсмена (лат. *memorialis* — ‘памятный’ или ‘в память кого-чего-нибудь’). «Мемориал памяти кого-нибудь» — тавтологическое словосочетание.

2. Смешение глаголов *отличать что от чего-нибудь* и *различать что-нибудь*. Правильно: Необходимо четче различать проступок и преступление.

3. Правильно: ...ни *отпечатков* пальцев.

4. *Дилемма* — ‘затруднительный выбор из двух исключających друг друга возможностей’ (от греческого *dilemma*: *di(s)* ‘дважды’ + *lemma* ‘предположение’). В данном случае следовало употребить слова *задача*, *проблема* и т. п.

5. Правильно: «...обремененном *тысячей* житейских забот» или «тысячью... *заботами*». В первом случае *тысяча* выступает как счетное существительное; во втором — как числительное.

6. а) Повторение слова *вскоре* в стоящих рядом предложениях;
б) *боевое крещение* — ‘первое участие в бою’; словосочетание *первое боевое крещение* тавтологично.

ХОББИ И ХОББИСТЫ

У многих из нас есть хобби — какое-либо дело, увлечение чем-либо, помимо основной профессии, излюбленное занятие в часы досуга...

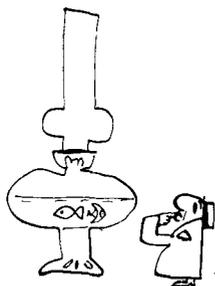
Слово *хобби*, как справедливо отмечено в статье А. А. Брагиной «Что такое хобби?» («Вопросы культуры речи». VII. М., 1966) — английского происхождения и истоки его надо искать в среднеанглийском языке (XIII—XIV века), где *hobby* — название небольшой лошадки ирландской породы, пони. Позднее *hobby* назывались в Старой Англии деревянные лошади на каруселях, в пантомимах и бурлесках. Называли англичане так и беспедальный деревянный велосипед, на котором катались в начале XIX века, а потом игрушку — деревянную лошадку на палочке, на которой любили ездить маленькие дети.

Отсюда, как считают английские этимологические словари, например Большой Оксфордский этимологический словарь (1933), произошло современное значение слова *hobby* — «излюбленное развлечение, дело, которым занимаются для забавы». Это подтверждается также тем, что во всех европейских языках есть поговорки: «У каждого свой конек», «Сесть на своего конька», которые по-английски: Every man has his hobby-horse, Io ride a hobby, по-французски: Avoir son dada, Enfour-

cher son dada, по-немецки: Jeder reitet sein Steckenpferd, Sich auf sein Steckenpferd setzen, где *dada*, *Steckenpferd* так же, как и *hobby*, в дословном переводе — «название игрушки, конька на палочке». В этих поговорках *конек* обычно употребляется в значении «излюбленная тема разговоров». Только в английском языке еще в XIX веке *hobby* в подобном контексте имело два значения: 1) «любимая тема разговоров» и 2) «любимое дело, занятие чем-либо на досуге». В настоящее время в английском языке *hobby* употребляется, как правило, только во втором значении — «любимое занятие»; в этом значении оно вышло за пределы английского и утвердилось в других европейских языках, где ему не было точного эквивалента.

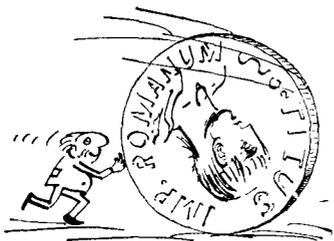
Слово *хобби* широко употребляется в польской, чехословацкой, а также и в советской прессе (хотя оно еще не зафиксировано толковыми словарями русского языка): «На автозаводе имени Лихачева часто беседую с одним немолодым рабочим из цеха запчастей. Его „хобби“ — марки» («Литературная газета», 1 мая 1967); «Пригласившие актера британские кинематографисты даже заранее справились в Москве о „хобби“ (увлечениях) мистера Смоктуновского. Узнав, что это верховая езда, они предусмотрительно включили в

программу прогулку верхом в Гайд-Парке» («Вечерний Ленинград», 25 января 1965); «Да и кто посмел бы в столь массовое хобби, как вязание,

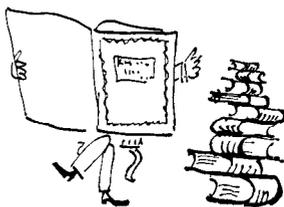
кинуть камень» («Советская культура», 20 июня 1967).

Хотя русский *конек* — ‘любимая тема разговора’, а *хобби* — ‘любимое занятие’, часто пытаются теперь слово *хобби* объяснить русским словом *конек*. Например: «В английском языке есть хорошее слово „хобби“ что означает „конек“ — склонность, увлечение, страсть» (Л. Кассиль. — «Техника — молодежи», 1964, № 10); «Раньше это (увлечение чем-либо) называлось коньком, теперь именуется хобби» («Ленинградская правда»,

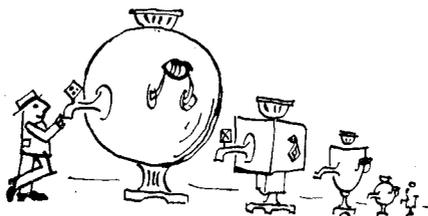

1 октября 1967). Это, возможно, происходит потому, что есть у русского *конек* значение, близкое к значению слова *хобби*, не зафиксированное толковыми словарями, но встречаю-

щееся в литературных текстах — ‘лучший, наиболее всего удающийся, любимый, коронный’ (обычно о роли в репертуаре артиста, а также о деле, которое кто-либо лучше всего исполняет): «Вот на одном из этих спектаклей мне и посчастливилось увидеть знаменитого артиста. Давали „Майоршу“ Шпажинского и в заключение „Записки сумасшедшего“ Гоголя. „Записки сумасшедшего“ — это, по общему отзыву, конек Андреева-Бурлака» (Юрьев, Записки); «У каждого из воспитанных им молодых паровозников был свой конек: один поражал знанием путевого рельефа, мог водить поезд чуть не с завязанными глазами, другой слыл как мастер ремонта» (Б. Полевой. Золото).

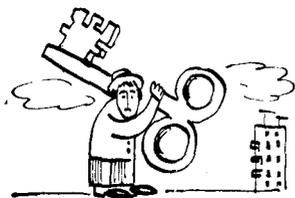

За последнее время область использования слова *хобби* расширилась. Так, оно употребляется в переносном смысле: «Однако вполне вероятно, что главную роль в карьере микатрона сыграет его „хобби“». Этот ускоритель как сравнительно простой источник мощного и в то же время легко дозируемого потока излучения может найти широкое применение в медицине» («Наука и жизнь», 1967, № 6). Возможно употребление слова *хобби* и в ироническом плане: «Или взять супругу мэра города Харроу достопочтенную Изабелл Бакл... Регулярно навещала магазин, она заимствовала под носом у продавцов разные вещи. Обладательнице этого хобби сказал, кто она

такая, городской суд» («Труд», 27 августа 1967).

Слово *хобби* и в русском языке так же, как и в других европейских языках, оказалось способным к словопроизводству. Недавно появилось новообразование *хоббист* 'человек, у

которого есть свое хобби»: «Плохо только, что вокруг истинных хоббистов увиваются тысячи любителей поживиться на их страсти и под видом обмена бессовестно спекулирующих, чем бог послал: хорошей книгой, редкой пластинкой, недостающей маркой» («Литературная газета», 28 февраля, 1967); «Все хоббисты окружили Алексея, поздравляя его с оригинальным коньком. Тут были домашние поэты, собиратели икон, любители репродукций, почитатели джаза, сборщики разноцветных коктейльских камешков. Но музыкантов еще не бывало» («Огонек», 1966, № 12).

Суффикс *-ист* вообще продуктивен. Он часто употребляется при образовании слов, обозначающих любителей разных занятий (например, кол-

лекционер значков теперь называется *фалерист*, коллекционер марок — *филателист*, собиратель спичечных коробок — *филуминист*, любитель кактусов — *кактусист*, а тот, кто разводит в аквариуме рыб, — *аквариумист*, и т. д.).

То, что у слова *хобби* нет точного эквивалента в русском языке, способность его к словопроизводству, которая отсутствует у слова *конек*, а также расширение области его стилистического употребления обеспечивает ему жизнеспособность в русском языке. Пока слова *хобби* и *хоббист* чаще употребляются в разговорной речи и в прессе, но они уже встречаются и в художественной ли-

тературе. Возможно, *хобби* предстанит долгая жизнь и от него будут образованы новые слова.

К. А. ЛОГИНОВА,
Научный сотрудник
словарного сектора
Института русского языка АН СССР

Из истории

БУС⁰⁸

Первый вид общественного транспорта, получивший широкое распространение в начале XIX века в Париже и Лондоне, а затем и в других городах Европы, был назван латинским словом *omnibus*. Это прилагательное третьего склонения *omnis*, -е, взятое в форме *dativus pluralis* для обозначения того, в чьих интересах производится действие (так называемый *dativus commodi*). Буквально оно означает 'всем, для всех', состоит из основы *omni-* и окончания дательного падежа множественного числа -*bus*. При заимствовании это прилагательное субстантивировалось, получив форму именительного падежа (ср.: французское *omnibus*, английское *omnibus*, немецкое *Omnibus*, русское — *омнибус*).

На смену *омнибусу* в начале XX века пришел автобус. Название этого вида автомобилей, предназначенных для массового обслуживания пассажиров, представляет собой соединение первой части французского слова *automobile* (от древнегреческого местоимения *αὐτός* и французского прилагательного *mobile*) и латинского окончания -*bus*. Слово *автобус* получило распространение на всем земном шаре, и с тех пор с помощью латинского *бус* стали называть каждый новый вид общественного транспор-

та. Так, претендующее на такую же всемирную популярность слово *троллейбус* образовано из английского *trolley* ('ток') и знакомого уже нам компонента -*bus*. Нельзя не отметить, что во французском языке с его тенденцией к сокращению слов, которая проявляется особенно ярко в разговорной речи, нередко употребляется просто *bus*, т. е. происходит усечение первой части (афеза). Это же явление отмечено и в английском языке, где *bus* употребляется в значении 'пассажирский самолет'.

Меньше известны пока другие названия с тем же словообразовательным элементом: *электробус*, *аэробус*. *Электробус* — это автобус с электрическим приводом. Он получил распространение главным образом на открытых выработках в горном деле, но применяется и как городской транспорт для перевозки пассажиров.

Слово *аэробус* появилось в начале нашего века для обозначения пассажирского самолета, но, по мнению французского лингвиста А. Доа, оказалось неупотребительным. Между тем спустя пятьдесят лет оно вновь появилось на страницах газет. Например, *аэробусом* назван пассажирский вариант советского лайнера «Антей», разрабатываемый в настоящее время нашими авиакон-

структурами. Заметка «Аэробусом — до Москвы», напечатанная на страницах газеты «Ленинградская правда» (11 апреля 1967), сразу привлекла внимание читателей, о чем свидетельствует вопрос в редакцию журнала «Русская речь» (1967, № 5) о правомерности употребления нового слова *аэробус*.

Наряду со словами на -bus, обозначающими способ передвижения, появились и такие, которые указывают на целевое назначение этого вида транспорта. К ним относятся *библиобус* — автобус-библиотека, точнее — вид библиотеки-передвижки на специально оборудованном автомобиле фургонного типа. Интересно, что в польском языке для названия этого вида автобусов создана калька *księgobus*, составленная из *księga* 'книга' (ср. древнегреческое βιβλος) и -bus.

Наконец, небезынтересно упомянуть еще об одном виде автобусов, которые начали курсировать в последнее время по дорогам Бельгии. Это *дискобусы* — передвижные биб-

лиотеки грампластинок (см.: «За рубежом», 1967, № 49). Дискобусы несут большую нагрузку по выполнению заказов, поступающих в Бельгийскую национальную фонотеку от 150 тысяч клиентов, большинство из которых живет за пределами столицы. И можно предположить, что со временем дискобусы займут свое полноправное место среди специализированных автомобилей не только в Бельгии, но и в других странах мира.

О продуктивности этой словообразовательной модели и возможности дальнейших новообразований говорят и такие слова, как *гидробус*, на изобретение которого претендует ленинградец А. Д. Поспеев («Русская речь», 1967, № 5), и *микробус* 'маломестный автобус'. Последнее образовано из древнегреческого μικρός 'малый, небольшой' и знакомого компонента -bus. Этот неологизм уже встречается в разговорной речи.

Кандидат филологических наук
М. С. ЛАПИНА

Загадка

«Снаружи все дождевые черви устроены очень похоже. Их передний конец легко отличить от заднего — он всегда толще, самый кончик заострен и темнее окрашен».

НАУКА И ЖИЗНЬ, 1968, № 5

ПОЧЕМУ УБЕГАЮТ ГЛАСНЫЕ?

Действительно, почему при склонении существительного *посол* со значением 'посланный, посланец, высший дипломатический чин' исчезает один гласный звук из основы? Почему в другом слове *посол* 'засол, действие по глаголу посолить', которое звучит так же, ударный гласный *о* не «убегает» в косвенных падежах, где окончания у обоих слов одинаковы?.

Сравним:

<i>посол</i>	<i>посол</i>
<i>посла</i>	<i>посола</i>
<i>послу</i>	<i>посолу</i>
и т. д.	и т. д.

Неодинаково ведут себя гласные звуки *э* в косвенных падежах слов *лев* [произносится л^вэф] и *сев* — [с^вэф], а также звуки *о* в существительных *лён* [л^нон] и *клён* [кл^нон]: *льва*, но *сева*; *льна*, но *клёна* (буква ^в указывает на мягкость согласного).

Почему в одних случаях гласные *о*, *э* (мы имеем в виду звуки, а не буквы: ведь звук *о* может обозначаться на письме буквами *о*, *ё*; а звук *э* передается буквами *э*, *е*) исчезают при изменении слов, а в других сохраняются? Некоторые читатели на этот вопрос могут ответить: «В одних случаях гласные *о*, *э* — „беглые“, а в других — они „беглыми“ не являются». Но такой ответ тоже не решает вопроса, разница между „беглым“ и „небеглым“ звуком осталась нераскрытой. Чем же отличается „беглый“ гласный от „небеглого“?

Факты современного русского языка дать точный ответ на этот вопрос не могут: ведь два слова *посол* 'посланец' и *посол* 'засол' в современном русском произношении никак не различаются, поэтому они и называются омонимами, то есть «равноименными». Одинаково звучит и *э* в словах *лев* и *сев*, а также *о* в словах *лён* и *клён*.

Если мы обратимся к памятникам древнерусского языка XI века, то заметим, что в то время на месте нынешних беглых *о*, *э* писали буквы *ѣ* и *ь*, которые обозначали особого рода звуки, так называемые редуцированные (ослабленные). Упомянутые в начале статьи слова с беглыми гласными в древнерусском языке XI века писались так: *посѣль* (в произношении — 6 звуков!), *льнь*, *львь* (в произношении — 4 звука!). При этом гласный *ѣ* обо-

значал краткий гласный, приближающийся по своему звучанию к очень краткому *o*, а гласный *ь* напоминал собою очень краткий гласный *э*. Они произносились как внутри, так и в конце слов. Звуки *ѣ*, *ь* не были беглыми, а сохранялись во всех видоизменениях слова (во всех падежах, числах, лицах, временах и т. п. для разных частей речи). Например, в родительном падеже единственного числа сохранялся тот же вид корня, что и в именительном: *посѣль* — *посѣла*, *лѣнь* — *лѣна*, *лѣвъ* — *лѣва*. Правда, в последних двух словах мы до сих пор пишем *ь*, но теперь эта буква получила другое значение, став показателем мягкости предыдущего согласного: мы произносим эти слова как [л'ѣна], [л'ѣва]. Отсюда новое название буквы — «мягкий знак» вместо старого «ерь». У слова *пѣс*, например, древнерусское *пѣсъ* (родительный падеж — *пѣса*), бывшая мягкость начального согласного в косвенных падежах давно исчезла, и буква *ь* там не пишется: *пса*, *псу* и т. п.

Редуцированные гласные когда-то были во всех славянских языках. Но с течением времени они или выпадали или заменялись гласными звуками полного образования. В результате *ѣ* и *ь* полностью исчезли из языка как особые звуки. Этот процесс в языкознании получил ставшее традиционным название «падение редуцированных».

В древнерусском языке падение редуцированных, по мнению многих лингвистов, началось в XII веке. Звуки *ѣ* и *ь* исчезли в конце слова, но при этом оставили следы: согласный перед исчезнувшим *ь* еще до падения редуцированных получал мягкость, которая, как правило, сохранялась, а согласный перед *ѣ* оставался твердым. Раньше слова *быль* и *быль* различались не только твердостью согласного *л* (*быль*) или же его мягкостью (*быль^ь*), но и качеством конечного гласного, то есть гласного второго слога. После падения редуцированных эти слова стали различаться лишь твердостью или мягкостью последнего согласного, который стал конечным теперь уже в односложном слове. Исчезали редуцированные гласные *ѣ* и *ь* также и в середине слова, если на них не падало ударение, а следующий за ними слог не содержал редуцированного гласного. Так выпали гласные *ѣ*, *ь* в словах: *кѣнязь*, *кѣнига*, *кѣто*, *чѣто*, *мѣгла*, *мѣзда*.

Если редуцированный гласный находился внутри слова под ударением, то он не исчезал, а изменял свое качество, превращаясь в гласный полного образования: *ѣ* превращался в *o*, а *ь* — в *э*. Благодаря такой закономерности редуцированный *ь* в слове *тѣща* перешел в *э* (орфографически *е*), а затем в *o* (орфографически *ё*) с сохранением мягкости предшествующего согласного: современное *тѣща*. Из *ѣ* под ударением получалось *o* с предшествующим твердым согласным; такого происхождения звук *o* в форме винительного падежа *доска* — *дѣску* (из *дѣску*).

Кроме того, редуцированные *ѣ*, *ь* изменились в гласные полного образования *o*, *э*, если за ними шли слоги, в которых выпадали редуцированные гласные *ѣ* или *ь*. Например, в словах *горошькѣ*, *паводѣкѣ*, *рѣльгѣ* предпоследний редуцированный после

исчезновения конечного редуцированного *ъ* изменился в гласный полного образования *э, о*: горошек, паводок, ропот. Первый редуцированный в слове *ръпѣтъ* перешел в *о* под влиянием ударения.

Всегда переходили в гласные полного образования редуцированные в сочетании с согласными *р, л* между двумя согласными; так, древнерусские *върхъ, пѣрты, вѣлкъ, крѣсты, брѣвь, плѣты, слѣза* изменились в современные русские *верх, порты, волк, кресты, бровь, плоты, слеза*.

Так получилось, что в разных формах одного и того же слова редуцированные гласные то исчезали, то переходили в гласные *о, э* в зависимости от фонетических условий. Например, в именительном падеже слова *дѣска* редуцированный гласный *ъ* был в безударном положении и после него находился слог с нередуцированным гласным, поэтому *ъ* должен был утратиться, а слово измениться в *дска*, затем в *тска* и наконец в *цка*. Действительно, слово в таком виде встречается в памятниках письменности, в «Толковом словаре» В. И. Даля и в диалектных словарях. Но в винительном падеже единственного и в именительном падеже множественного числа ударение падало на *ъ* и он переходил в гласный *о*: *дѣску, дѣски*. Под влиянием таких форм гласный восстанавливался и в форме именительного падежа, отсюда современное *доска*. Произошло так называемое выравнивание разных форм одного слова по аналогии с теми формами, где редуцированный гласный превратился в гласный полного образования. По этой причине первоначальная картина исчезновения редуцированных в современном русском языке оказалась несколько стертой, запутанной.

Отчего же исчезли редуцированные гласные *ъ* и *ь* в русском языке?

Вероятно, причина их исчезновения связана со сменой характера ударения. Сравнительная грамматика славянских языков установила, что древнерусский, подобно другим древним славянским языкам, имел когда-то музыкальное ударение. В таких языках ударный слог выделяется среди других слогов слова изменением высоты тона (более высоким или более низким). Из славянских языков старое музыкальное ударение в несколько преобразованном виде частично сохранили словенский и сербскохорватский языки в Югославии, в русском языке оно не сохранилось. Современное русское ударение в основе своей силовое. Это значит, что ударный слог выделяется среди прочих слогов большей силой, большей интенсивностью его произношения. Кроме того, русский ударный слог характеризуется большей длительностью, чем соответствующий безударный слог. Не случайно поэтому длительное произношение первого слога в команде *кругом!* создает впечатление дополнительного ударения на первом слоге, кроме основного ударения на втором. Движение музыкального тона в русском литературном языке имеет место лишь на ударном слоге — это остаток глубокой старины, остаток старого музыкального ударения.

Есть основание думать, что сначала музыкальное ударение сменилось долготным (лингвисты называют его иногда квантитативным) ударением, при котором ударный слог отличается от безударного большей длительностью. Вот это качество и сохранилось до сих пор в русском языке, хотя долготное ударение в нем и сменилось силовым.

При долготном ударении не может существовать противопоставление гласных по долготе в безударном положении. Долгим в таком случае может быть только гласный под ударением, в безударном положении все гласные подвергались сокращению. Наиболее краткие из них сокращались до полного исчезновения. Звук *ь* происходил в общеславянском языке из более древнего короткого звука *и*, а *ѣ* — из короткого *у*. Краткие звуки типа *и*, *у* вообще отличаются неустойчивостью и легко утрачиваются в истории самых различных языков. Такие явления отмечаются в новогреческом, японском, казахском, узбекском, персидском, бурятском, монгольском, калмыцком, корейском, маратхском языках (см. об этом: А. Мейе. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954; Е. Д. Поливанов. Введение в языкознание для востоковедных вузов. Л., 1928). Е. Д. Поливанов по поводу утраты редуцированных гласных в славянских языках писал следующее: «...общим объяснением, как для славянского исчезновения звуков *ѣ*, *ь* (принадлежавших к типу „узких кратких гласных *у* и *и*“), так и для аналогичных процессов сокращения и затем утраты кратких *у* и *и* в ряде других языков, явится указание на то, что расход, то есть выдох воздуха при узких гласных (*и*, *у*, а также *ѣ*, *ы*) в единицу времени, оказывается большим, чем при других гласных (например, *а*). Естественно, поэтому, что, расходуя одно и то же количество воздуха, можно произносить гласный *а*, допустим, в течение $\frac{2}{5}$ секунды, а гласные *у*, *и* лишь в течение $\frac{1}{5}$ секунды (эти цифры, конечно, только примерные...). От этого звуки *и*, *у* скорее подлежат сокращению (и в конечном результате сокращения — падению), то есть „изнашиваются“ в определенный срок языковой эволюции больше, чем другие гласные (например, *а*). Иначе говоря, краткие узкие гласные принципиально являются „исторически неустойчивыми“ (по сравнению с другими)».

Редуцированные гласные под ударением не подверглись сокращению (ведь ударные слоги не сокращались), и поэтому в этих условиях они не выпадали. Кроме того, редуцированные гласные не выпадали в таких безударных слогах, где за ними непосредственно следовал слог с выпадавшим редуцированным звуком, который обычно создавал компенсацию в виде продления предыдущего слога. Это продление гласного за счет исчезнувшего последующего звука называется заместительным удлинением.

Выпадение редуцированных гласных в большинстве безударных слогов привело к уменьшению их удельного веса в языке. Редуцированные гласные, уцелевшие под ударением и в результате заместительного удлинения, не смогли, однако, сохранить свое

исконное звучание и совпали с другими близкими к ним звуками, ибо, по словам Е. Д. Поливанова, «с исчезновением звуков *ъ*, *ь* в громадном большинстве их случаев, тех случаев, где они по особым причинам уцелевали, было недостаточно для закрепления в языковом мышлении особых, принципиально отличных от других гласных звукопредставлений *ь*, *ъ*». Исчезновению первоначальных *ъ*, *ь*, как особых звуков, из древнерусского языка помогло также и то обстоятельство, что редуцированные звуки были мало контрастны по отношению к другим звукам, отличаясь недостаточной выразительностью.

Редуцированные звуки в древнерусском языке исчезли в то время, когда письменность на Руси уже была. Письменная традиция знала употребление редуцированных *ъ*, *ь* в звуковом значении — для передачи особых гласных звуков. После исчезновения этих звуков знаки *ъ* и *ь* получили другое значение. Буква *ь* стала употребляться для показания мягкости согласного, а оказавшийся «не у дел» *ъ* стал употребляться только как показатель конца слова, которое в звучащей речи завершается твердым согласным звуком. Традиция обозначать конец слова буквой *ъ* была весьма полезной и оправданной до тех пор, пока книги писались без пробелов между словами. Когда появились пробелы, они стали указывать на границу между словами, то есть на конец предыдущего и начало последующего слова, и употребление *ъ* для обозначения конца слова стало излишним. Но традиция оказалась чрезвычайно сильной: в течение нескольких столетий буква *ъ* по привычке употреблялась в конце слов, оканчивающихся на твердый согласный. Только в 1918 году написание конечного *ъ* было признано нецелесообразным и официально отменено. Буква *ъ* в современном русском правописании сохранена как особый «разделительный» знак после приставок на согласный, которые присоединяются к корням, начинающимся мягким согласным звуком *й*: *съезд*, *объезд*, *предъявить*, а также в заимствованных словах после иноязычных приставок *субъект*, *объект*, *инъекция* и т. п. и в сложных словах после числительных *двух-*, *трех-*, *четыре-* в первой части перед *й*: *трехъярусный*. Практически в этих словах согласные перед *ъ* (разделительным твердым знаком) почти всегда мягкие: они смягчаются последующим согласным *й*. А, например, в заимствованном с Востока слове *изъян* буква *ъ* пишется только по недоразумению: в нем нет приставки *из-*, оно является преобразованием персидского слова *зиян* 'вред' (см. об этом слове — «Русская речь», 1967, № 4). Так как употребление разделительного *ъ* носит сугубо традиционный характер и почти не находит поддержки в современном языке, неоднократно высказывалось пожелание: исключить из русского алфавита букву *ъ* и последовательно заменить ее в орфографии буквой *ь*.

Точно так же по традиции сохраняется написание буквы *ь* после шипящих согласных (*ж*, *ш*, *щ*, *ч*) в конце именительного падежа существительных женского рода, некоторых глагольных

форм, наречий, частиц: рожь, ночь, мышь, мощь, несешь, носишь, режь, мажь, спрячь, прочь, вскачь, лишь, вишь и т. п.

Падение редуцированных вызвало ряд последствий для фонетики и грамматики русского языка, но об этом лучше рассказать в специальных статьях, однако сейчас важно упомянуть лишь об одном из них. У таких имен существительных, как *пень, день, сон*, в косвенных падежах гласный в корне исчезает (пня, дня, сна), и в результате «беглости» гласного основа косвенных падежей отличается от основы именительного падежа не только окончаниями, но и чередованием гласного с отсутствием гласного звука в основе. Окончания в языкознании называют внешней флексией, а чередование гласных внутри основы называют внутренней флексией. Следовательно, в результате падения редуцированных внутренняя флексия пришла на помощь окончаниям для противопоставления разных форм одного слова. Однако внутренняя флексия как самостоятельное грамматическое средство в современном русском языке не получила значительного развития и осталась в роли дополнительного формо- и смыслообразительного средства.

Кандидат филологических наук
И. Г. ДОБРОДОНОВ

ОБЩЕСЛАВЯНСКИЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АТЛАС

Лингвистическая география располагает в настоящее время уже значительным количеством атласов, в каждом из которых представлены диалектные различия какого-нибудь одного языка. Карты национальных атласов дают материал для истории языка и народа (см.: В. Я. Дерагин. Лингвистическая география. — «Русская речь», 1968, № 3).

Наука всегда интересовалась сравнением различных языков, определением степени их родства, их происхождением, связями и взаимовлиянием в процессе исторического развития. Поэтому еще в 1929 году на I съезде славистов в Праге возникла мысль о создании атласа группы родственных языков — славянских.

Проект славянского лингвистического атласа был представлен французскими учеными А. Мейе и Л. Теньером. Однако условия того времени не благоприятствовали выполнению этой грандиозной работы. Лишь после войны в новой общественной и международной обстановке проект атласа славянских языков стал реальным, тем более, что за это время появился целый ряд национальных и областных атласов.

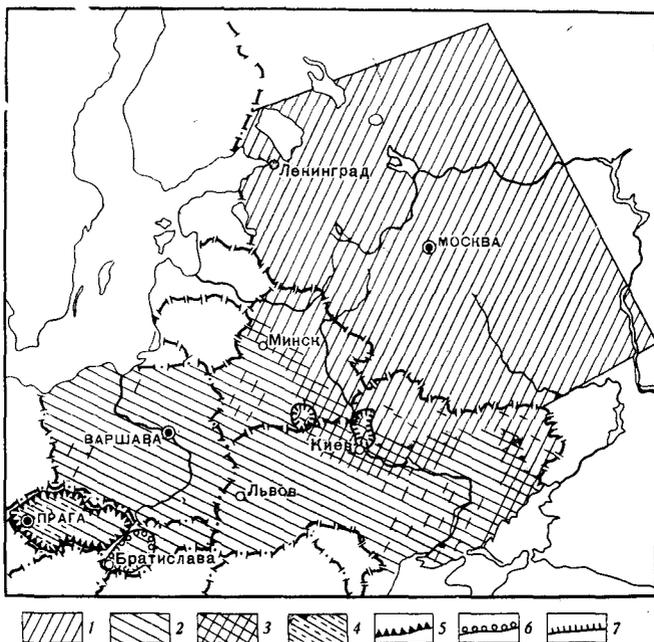
Конкретно о плане создания Общеславянского лингвистического атласа говорилось на IV Международном съезде славистов, который состоялся в Москве в 1958 году. На съезде с докладами о теоретической проблематике атласа выступили Р. И. Аванесов и С. Б. Бернштейн (СССР), З. Штибер (Польша). Здесь же были представлены первые пробные карты, для которых использовался уже готовый материал славянских национальных атласов.

Была составлена, например, карта, посвященная названиям утки в славянских диалектах. На ней показано распространение слова *утка* на всей территории русских говоров и в северо-восточной Белоруссии и слов с корнями *кач-/ках-*, характерных для белорусских, украинских, польских, чешских и словацких говоров. Дополнительно на карте определены границы распространения суффиксов *-на/-ица/-ва* (суффикс *-ка* выступает повсеместно) (см. рис. 1). На рис. 2 показаны различные названия утки в южнославянских языках — словенском, сербскохорватском, македонском и болгарском. Здесь названий больше, чем на севере: они различаются корневой частью (пат-, пал-, пај-, плов-, шот- и т. д.) и суффиксами *-ка* или *-ица*.

Уже во время обсуждения докладов и карт на одном из заседаний IV, московского, съезда стало ясно, что общеславянский атлас не может быть простой суммой фактов, взятых из национальных славянских атласов. Ведь национальные атласы отражают в основном процессы, характерные для периода самостоятельного развития отдельных славянских языков. Задача общеславянского атласа — выявление сходства, вызванного общностью происхождения славянских языков, и тех различий, которые появились накануне распада праславянской общности, в последний период совместного существования этих языков.

Работа над общеславянским атласом началась сразу после IV Международного съезда славистов. На заседании инициативной группы, состоявшей из представителей всех славянских стран, были распределены первые задания по подготовке основных документов атласа — вопросника, карты, сетки населенных пунктов, подлежащих обследованию. Отдельные вопросы подготавливались и разрабатывались в диалектологических центрах стран-участниц работы, а затем обсуждались на международных совещаниях, конференциях и рабочих встречах, которые регулярно проводились, начиная с 1958 года. В 1960 году группа по созданию атласа была преобразована в Комиссию общеславянского лингвистического атласа при Международном комитете славистов. Ее председателем был избран крупнейший советский диалектолог член-корреспондент АН СССР Р. И. Аванесов. В комиссию вошли лингвисты, представляющие все славянские языки, а также ученые тех неславянских стран, на территории которых есть славянское население (Австрия, Венгрия, ГДР, Италия, Румыния).

Первой задачей, которую предстояло решить, было создание вопросника — программы собирания диалектологических материа-

Название утки в славянских языках

Рис. 1. Условные обозначения:

- 1 — утка; 2 — качка; 3 — утка, качка; 4 — качка, кахна; 5 — на;
6 — ица; 7 — ва

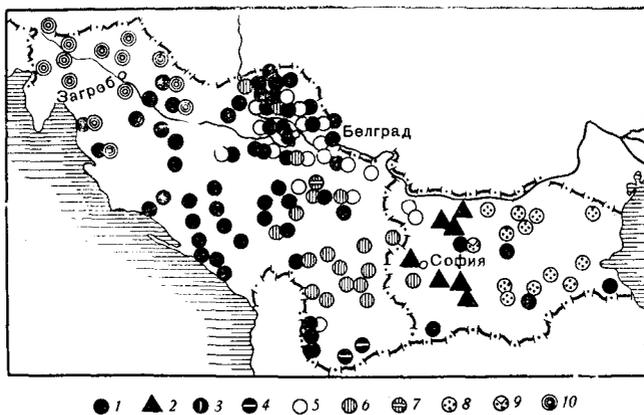

Рис. 2. Условные обозначения:

- 1 — патка; 2 — патица; 3 — полка; 4 — пайка; 5 — пловка; 6 — шотка; 7 — шойна; 8 — юрдечна; 9 — юрдек; 10 — раца

лов для атласа. Содержание и объем вопросника определяют проблематику атласа, то, насколько полно он выявит и представит на картах языковые различия изучаемой территории. Одновременно вопросник должен рекомендовать методы работы собирателям материалов для атласа. Поэтому и форма и содержание вопросника стали предметом многочисленных и плодотворных дискуссий участников работы. Фонетический, морфологический, лексический, синтаксический и другие разделы вопросника разрабатывались одновременно в двух или даже в трех национальных комиссиях, а затем обсуждались на заседаниях и рабочих встречах. Так, над разделом «Лексика» велась работа в Польше и в СССР, фонетические вопросы подготавливали советские, чешские и польские диалектологи, синтаксический раздел был разработан на основе чешского и югославского проектов.

В 1963 году чехословацкие участники подготовили пробный вопросник, по которому в ограниченном количестве населенных пунктов был собран диалектологический материал. Во время пробного обследования на практике проверялись формулировки вопросов, принципы построения вопросника, методика сбора материалов. «Вопросник общеславянского лингвистического атласа» опубликован в Москве в 1965 году.

Первый большой раздел вопросника — «Список явлений». Это систематический раздел, дающий представление о выборе явлений разных языковых уровней, иллюстративном материале, о взаимоотношении и количественном соотношении изучаемых в атласе явлений.

Здесь указаны, во-первых, все важнейшие фонетические различия славянских языков и диалектов. Например, есть вопрос о начальном звуке в таких словах, как *осень, олень, озеро, один* и т. д. Известно, что начальному *о* в русском, а также в украинском и белорусском языках соответствует *je* в остальных славянских языках (польские: *jesień, jeleń, jezioro, jeden*, сербскохорватские: *jesen, jezero, jelen, jedan*). Границы распространения *o/je*, а также других возможных вариантов этих звуков в начале таких слов покажет карта, посвященная этому фонетическому явлению. Список фонетических явлений дает представление о произношении исторически родственных гласных и согласных звуков, их сочетаний в современных славянских диалектах.

Список просодических явлений посвящен различиям в ударении, интонации, долготе и краткости звуков в отдельных словах и морфологических категориях.

Различия, образующие список морфологических явлений, заключаются как в количестве и наборе категорий (например, одно прошедшее время в большинстве русских, украинских и белорусских говоров и сложная система прошедших времен в болгарском языке), так и в их оформлении (окончания дательного падежа единственного числа существительных мужского рода: русские *брату, ореху, зайцу*, польские *bratu, no orzechowi, zającowi*,

в то время как в болгарском значение дательного падежа выражается не окончанием, а предлогом). Все фонетические, просодические и морфологические явления иллюстрируются ограниченным кругом примеров — словами, общими для всех или большинства славянских диалектов.

Лексический список содержит вопросы о предметах, явлениях, качествах, понятиях, названиях которых различаются по славянским диалектам. Отбирались такие предметы, явления и понятия, которые известны на всей славянской территории и названия которых относятся к живому ядру лексики. Вопросы в этом списке сгруппированы по тематическим признакам. В группе «Животный мир» спрашивается, например, как называется белка (русское *белка*, диалектное *бекиша*, польское *wiewiórka*, сербскохорватское *веверица*, болгарское *катерица*). В разделе «Сельское хозяйство» есть вопросы о названиях огородных и полевых растений, сельскохозяйственных орудий (например, плуг и его части), важнейших действий и процессов, относящихся к этой области человеческой деятельности (например, в русских говорах говорят о хлебе *зреет*, *поспевает*, в польских *dojrzeć*, в сербскохорватских *сазрева*). В разделе «Степени родства» изучаются различия в названиях сестры жены (русское *свояченица*, польское *szwagierka*, сербскохорватское *сваст*, *свастика*), матери мужа (русское *свекровь*, польское *teściowa*, сербскохорватское *свекрва*) и т. д.

Семантический список составили праславянские слова, сохранившиеся на преобладающей части славянской языковой территории, но с разными значениями. Например, слова, родственные русскому *баня* (в говорах часто *байна*), могут означать различные выпуклые предметы (шарик, пузырь, медицинскую банку, куполообразную крышу, осиное гнездо), место для купания — ванну, баню, минеральный источник, соляную шахту и т. д. Задача состоит в выявлении различий в значениях отдельных слов и географического распространения значений и их комплексов.

В список словообразовательных явлений включены различия славянских языков как в пределах определенных категорий, например, названий действующего лица (ср. русские *косарь*, *косец*, польское *kosiarz*, сербскохорватское *косач*, *косац*), названий места (русское *пастбище*, польское *pastwisko*, сербскохорватское *пашња*, *пашште*, *испаша*), уменьшительных образований (ср. русское *петушок*, польское *kogucik*, сербскохорватское *петлић*), видовых пар глагола или наречий, образованных от прилагательных, так и в отдельных словах (например, суффиксы в русском *удочка*, польском *węдка*, сербскохорватском *удица*).

Наконец, синтаксический список должен выявить различия в конструкциях, служащих для выражения одного и того же значения или отношения в разных славянских языках и диалектах. Он состоит из таких подразделов, как синтаксис падежей (проверяется, например, наличие родительного выделительного в прямом дополнении: купить муку/муки на пироги), предложные

конструкции (различия: пойти за водой, ягодами, молоком/по воду, по ягоды, по молоко), союзы (например, в разного рода временных придаточных предложениях) и т. д. Построенный таким образом «Список явлений» будет основой для картографирования материалов, собранных в населенных пунктах.

Второй, рабочий раздел вопросника — «Список вопросов» — предназначен специально для работы в деревне. Список вопросов состоит из трех частей — тематической, грамматической и семантической. В тематическую вошли примеры фонетического, просодического, морфологического, словообразовательного и лексического списков явлений, объединенные по тематическим группам лексического списка, что дает возможность собирателю в ходе беседы на заданную тему получить необходимый материал.

Грамматическая часть включает вопросы синтаксического списка явлений, а также те морфологические, фонетические, словообразовательные и лексические вопросы, ответы на которые требуют приведения более или менее обширного контекста.

Семантическая часть — это список семантических явлений, где к каждому слову приведен приблизительный перечень известных из разных источников значений. Собиратель должен, опираясь на этот перечень, выявить в говоре значения данного слова и его форму.

Вторым важным документом атласа является карта и сетка пунктов. Обследованию для атласа подлежат исконно славянские земли и территории давней славянской колонизации, на которых сложились современные славянские языки в их диалектах. В настоящее время восточных и западных славян отделяют от южных венгерская и румынская территории. С этим фактом нельзя не считаться. Он выдвигает, с одной стороны, вопросы о старых славянских поселениях на венгерской и румынской территориях и на других, пограничных со славянами землях, в Австрии, Италии, ГДР, прибалтийских республиках СССР, Молдавии; с другой стороны — вопросы славяно-неславянских языковых контактов на этой территории. Проблематика эта так важна, что для ее решения создана специальная подкомиссия по неславянским территориям в ОЛА. В нее вошли лингвисты из неславянских стран, ведущие обследование славянских говоров.

Сетка населенных пунктов составлена равномерно, один пункт отстоит от другого на расстоянии 60 километров. В некоторых славянских областях с дробным диалектным членением сетка несколько сгущена. Всего предстоит обследовать 850 населенных пунктов от Белого моря до Средиземного и от Балтики до Волги, в том числе 321 русский, 131 украинский, 71 белорусский, 89 польских, 4 лужицких, 30 словацких, 33 чешских, 32 болгарских, 31 македонский, 67 сербскохорватских, 18 словенских, и по не-

скольку славянских населенных пунктов в Австрии, Италии, Венгрии, Румынии.

Основные документы атласа — вопросник, транскрипция, специально разработанная для записей материалов во всех славянских диалектах, инструкция к вопроснику, карта и сетка пунктов были в основном готовы уже к V Международному съезду славистов (София, сентябрь 1963 года). В настоящее время идет сбор материалов, который должен быть закончен в 1970 году. В Советском Союзе — в Европейской части РСФСР, Белоруссии и на Украине — активное участие в обследовании говоров по вопроснику атласа принимают не только сотрудники языковедческих институтов Академии наук СССР, УССР и БССР, но и преподаватели университетов и педагогических институтов этих республик. Без их помощи огромная задача обследования более 500 населенных пунктов не может быть выполнена.

В СССР работой руководит советская комиссия Общеславянского атласа. Ежегодно комиссия собирается на заседания, обсуждает итоги проделанной работы, актуальные методические и теоретические вопросы, намечает планы на будущее. В этом году заседание советской комиссии атласа проходило в мае в Саратове.

Общеславянский лингвистический атлас является примером творческого сотрудничества ученых многих стран, результатом которого будет первый в истории языкознания атлас группы родственных языков.

В. Ф. КОННОВА,
секретарь комиссии Общеславянского
лингвистического атласа

В 1969 году

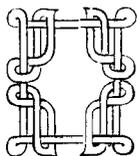
в журнале «РУССКАЯ РЕЧЬ» будут опубликованы

- Серия статей по истории русского литературного языка
- Статьи о просторечии и жаргонах; о принципах научной нормализации языка
- Материалы для поступающих в вузы
- Словарь начинающего филолога

Не забудьте подписаться на журнал

«Русская речь»

РУССКИЙ АЗБУКОВНИК XVII ВЕКА

Изданная недавно интересная книга выдающегося ученого, академика Михаила Павловича Алексеева «Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII в. Исследование, тексты и комментарии» (Л., 1968), несомненно, привлечет внимание читателя даже внешним видом. Книга прекрасно оформлена: скромная изящная обложка, четкая печать, хорошо выполненные снимки с рукописей.

М. П. Алексеев, отметив, что история практического знакомства с иностранными языками в допетровской Руси изучена еще недостаточно, опровергает убеждение, что в XVI—XVII веках западноевропейские языки знали у нас, за небольшим исключением, лишь официальные переводчики Посольского приказа и что даже московские посольские толмачи были большей частью обрусевшими иноземцами.

Автор книги исследовал «Азбуковник» середины XVII века, хранящийся в настоящее время в Одесской государственной научной библиотеке имени А. М. Горького (о рукописных азбуковниках, своеобразных энциклопедиях XVII века см. статью Л. М. Шовгеновой «Азбуковники». — «Русская речь», 1967, № 5).

В «Азбуковнике» среди многих статей лингвистического содержания имеются записи, сделанные посадским человеком, грамотным русским горожанином, заинтересовавшимся английским и нидерландским языками в чисто практических целях. Русский человек изучал эти языки с помощью иноземца, находившегося в России: «Англо-русский и нидерландско-русский разговорники, помещенные в рукописи, хорошо характеризуют содержание бесед с иностранцем, направленность их интересов и сохраняют всю непосредственность живого разговора, зафиксированного с документальной точностью».

В книге М. П. Алексеева опубликована та часть «Азбуковника», которая относится к английскому и

нидерландскому языкам; к ней даны лингвистические, а также историко-культурные комментарии.

Изложив историю рукописи, исследователь останавливается на содержании «Азбуковника», широко освещает вопрос о контактах между русскими и иноземцами, об англо-голландском соперничестве на московском рынке в XVII веке (к середине XVII века перевес нидерландских торговых гостей над английскими обозначился особо отчетливо). Вполне понятен интерес посадского человека к тем языкам, которые «чаще всего слышались в это время в устах московских иноземцев»).

Изучив нидерландско-русский и англо-русский раз-
делы «Азбуковника», М. П. Алексеев пришел к выводу, что возникли они в результате совместного сотрудничества русского грамотного человека и иностранца из Нидерландов, который знал и английский язык. Процесс обучения нидерландскому и английскому протекал, по-видимому, от первоначальных упражнений к беседам по ряду вопросов, в результате которых записывались наименования числительных, окружающих предметов, принадлежностей одежды, посуды, имена людей в английском и нидерландском языках.

Напечатанные в книге тексты словарей (даны и снимки с рукописи) дают представление и о содержании бесед и о том, что в первую очередь интересовало русского грамотея.

Заслуживают внимания помещенные в конце два приложения: Приложение I. К истории транскрипции английских слов кириллицей в XVII веке; Приложение II. «Книга лексикон, или собрание речей по алфавиту с российского на голландский язык» (1717).

В первом приложении речь идет о транскрипции кириллицей английских и голландских слов в разноязычных таблицах Генриха Келлермана (вторая половина XVII века), приложенных в его письме к князю В. В. Голицыну. В этом письме Генрих Келлерман берет на себя труд (он не был осуществлен) исправить славянский текст Ветхого и Нового завета, поскольку при переводе еврейского подлинника Библии вкралось много погрешностей.

М. П. Алексеев публикует перечень ряда английских слов и фраз из таблиц Келлермана, которые представляют аналогию к материалам в «Азбуковнике». Этот перечень позволяет в какой-то степени су-

дять о том, как звучала английская речь на Руси в допетровскую эпоху и как она передавалась русским письмом.

Весьма интересно и второе приложение. В нем говорится об изданных по повелению Петра I русско-голландском и обратном голландско-русском словаре. Русско-голландский словарь был крайне необходим в связи с намечавшимся путешествием Петра I в Голландию.

Из напечатанных на 270 страницах словаря русских и соответствующих им голландских слов М. П. Алексеев приводит ряд примеров, интересных для сопоставления с данными «Азбуковника».

Значительное место отведено в работе М. П. Алексеева истории сложения и распространения азбуковников, изучению их отдельными учеными. Автор справедливо отмечает, что в свое время азбуковники были широко распространены на Руси, о чем, в частности, свидетельствует большое число дошедших до нас экземпляров.

Рассматриваемый нами труд М. П. Алексеева, крупнейшего знатока западноевропейских языков и литературы, представляет большую научную ценность. По своему изложению книга доступна и для неспециалиста.

Член-корреспондент АН СССР

В. И. БОРКОВСКИЙ

В 1967 году в Киеве начал выходить журнал «Мовознавство», орган отделения литературы, языка и искусствоведения АН УССР. Он выходит 6 раз в год. В журнале есть несколько постоянных разделов: «Проблемы современной жизни языка», «Культура устной и письменной речи», «Из теории и практики перевода», «Рецензии и аннотации», «Публикации и сообщения», «Консультации», «Научная жизнь» (Хроника).

Первый номер «Мовознавства» открылся статьей И. К. Белодеда и А. С. Мельничука «Актуальные задачи современного языкознания», где говорилось о необходимости «четкого определения общественной роли и основных задач на современном этапе развития каждой социальной науки, и в том числе языкознания».

В разделе «Проблемы современной жизни языка» публикуются статьи, касающиеся как общего и прикладного языкознания: И. А. Багмут. Язык и проблема единства национальных и интернациональных интересов (№ 5, 1967), И. К. Белодед. Лингвистика и социология (№ 2, 1968), В. С. Перебийнос. Проблемы структурной лингвистики и ее развитие на Украине (№ 1, 1967), так и науки об украинском языке. Большое место отведено статьям, в которых рассматриваются теоретические вопросы грамматики украинского языка: В. М. Русановский. Методы исследования грамматического материала и теория грамматики (№ 1, 1967), А. Ф. Демьяненко. О методах исследования словосоединений (№ 1, 1968), обсуждаются прин-

ципы составления Словаря украинского языка: Л. Л. Гумецкая (№ 1, 1967), Л. С. Паламарчук (№ 1, 1967), Г. Гнатюк (№ 3, 1967), А. А. Бурячок (№ 5, 1967). В этом разделе находит место и славистическая тематика: И. К. Белодед. Развитие славяноведения в УССР (№ 2, 1967), В. Т. Коломиец. Развитие лексики славянских языков в послевоенный период (№ 5, 1967). Статья Г. П. Ижакевича посвящена развитию украинско-русских языковых связей (№ 5, 1967), о явлениях в русском и белорусском языках рассказывают статьи Р. В. Боддырева (№ 1, 1967), В. И. Кононенко (№ 4, 1967), Г. П. Пивторака (№ 2, 1967), А. И. Журавского (№ 4, 1967). Особый раздел (№ 2, 1967) посвящен проблемам диалектологии и лингвистической географии. Опубликованы статьи по стилистике: Д. Х. Баранник (№ 6, 1967), М. А. Жовтобрюха (№ 1, 1968).

Второй большой и очень важный раздел журнала — «Культура устной и письменной речи». Авторы публикаций с искренней заинтересованностью выступают в защиту чистоты и правильности украинского языка. В статье «Краски слова» (№ 1, 1967) В. В. Коптилов напоминает о необходимости использовать все богатство выразительных средств языка произведений известных писателей, у которых и должны учиться культуре и образности речи широкие массы. Однако не только в разговорной речи, а (что особенно печально) в языке прессы можно встретить путаницу в значении близких по происхождению и звучанию слов. Вредят языку и неудачное «словотворчество», засорение языка канцеляризмами, штампами, неблагозвучными оборотами и т. д. Автор призывает школу, радио, издательства, прессу учить не только нормам право-

сания, но и нормам словоупотребления.

Большинство статей этого раздела посвящено языковому анализу произведений украинских писателей и поэтов (Т. Шевченко, М. Бажана, П. Панча, Ю. Яновского, М. Стельмаха), произведений, которые стали образом бережного отношения к родному слову. Это статьи С. Я. Ермоленко (№ 1, 1967), А. П. Крищенко (№ 4, 1967), Л. Г. Скрипника (№ 3, 1967), Н. П. Миролюка (№ 1, 1968) и др.

М. А. Жовтобрюх в статье «Об одном теоретическом аспекте культуры украинского языка» (№ 3, 1967) справедливо замечает, что подчас авторы, рекомендуя употребление определенных слов и грамматических форм, опираются лишь на собственные вкусы: «Субъективные советы и рекомендации чаще объясняются тем, что до сих пор еще не создана теория культуры украинского языка, не определены те научные положения, на которых она должна основываться, достаточно не очерчены даже проблемы, которые она должна охватить. Однако культура речи как специальная научная дисциплина, которая имеет свои специфические проблемы и задачи, должна иметь свою теорию». Этому же вопросу посвящена статья А. П. Коваля «Культура языка и речи». «Вопросы культуры языка и речи требуют постоянного внимания как в плане дальнейшей обработки, так и в плане популяризации научных рекомендаций, выработкой в сознании широких кругов говорящих чувства языковой нормы, языкового вкуса, различения синонимических способов высказывания и т. д. Все это, безусловно, будет благоприятствовать повышению общей культуры украинского народа» (№ 1, 1968).

В разделах «Этимологические заметки», «Семантические оттенки слов», «В помощь учителю» печатаются небольшие научно-популярные статьи по истории слов и выражений.

Интересен и раздел «Публикации и сообщения». В нем помещены не опубликованная ранее работа А. А. Потєбни «Образование и значение определенных прилагательных» (№ 3, 1967), статья Л. А. Булаховского «Связи языкознания с другими науками» (№ 5, 1967), заметки «Из языковедческого наследия М. Рильского» (№ 5, 1967). В журнале опубликованы статьи о выдающихся украинских языковедах — Г. А. Левченко, П. Г. Житецком, А. Н. Синявском, Л. А. Булаховском. 80-летию со дня рождения Л. А. Булаховского посвящен особый раздел в № 2, 1968 года.

Журнал знакомит читателя с вышедшими в свет работами по общему языкознанию, славистике, по истории языка и другим лингвистическим дисциплинам. Раздел «Научная жизнь» дает представление о прошедших в последнее время международных конгрессах и семинарах, о всесоюзных, республиканских и межвузовских конференциях, знакомит с проблематикой Института языкознания имени А. А. Потєбни и лингвистических кафедр республиканских вузов.

Открытие журнала «Мовознавство» несомненно станет важным фактором дальнейшего развертывания языковедческих исследований в республике. Знаменательно, что каждый новый номер «Мовознавства» с интересом ждут не только на Украине. Журнал имеет широкую подписку по всей нашей стране и за рубежом.

С. Е. МОРОЗОВА,
научный сотрудник Института
русского языка АН СССР

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Этимология изучает происхождение слов, но не все слова нашего языка одинаково интересуют этимолога. Происхождение большинства из них очевидно и не требует специального изучения, например: братик, братний, братерство, братерський, брататися, братання, побратим,— которые образованы на основе слова *брат*. Однако уже само слово *брат*, как и слова *сестра*, *мати*, *син*, или *вода*, *вогонь*, *гора*, *небо* или *мед*, *молоко*, *віск*, *вовна* (русское *шерсть*.— Примечание переводчика),— это простые слова нашего языка, происхождение которых затерялось где-то в глубинах истории и должно быть раскрыто с помощью специальной науки. Именно они-то и являются объектами этимологии.

Однако случается, что слово «подводит» говорящего, а иногда и ученого. То, что на первый взгляд кажется очевидным, по существу не является таковым. Растение *смілька* называется в украинском языке еще *липка* и *липняк*. С первого взгляда кажется, что слова *липка* и *липняк* происходят от названия дерева *липа*, тем более, что в нашем языке существует такой способ обозначения трав, например, трава *дубок* и *сосонка* получили название от соответствующих деревьев. А на самом деле названия трав *липка* и *липняк* образованы не от *липа*, а от *липнуть* и *липкий*, и основанием для этого явился клейкий сок, характерный для *смільки*: это подтверждает и другое название этого растения — *сорочий клей*.

Одна из рыб в украинских говорах называется *язик* (русское — *язык*.— Примечание переводчика). С первого взгляда кажется, что оно произошло от названия известного органа, тем более, что, продолговатая по форме, эта рыба напоминает, допустим, коровий язык. В действительности *язик* произведено от слова *язь*. Кстати, рыба *язь* еще называется *в'язь*, и эта форма успешно конкурирует с первой за место в литературном языке. (Так, А. П. Маркевич и И. И. Короткий в своем «Визначнику прісноводних риб УРСР», Киев, 1954, отдали предпочтение форме *в'язь*, а форму *язь* совсем опустили). Автору этой заметки пришлось однажды слышать объяснение старого рыбака: «Это рыба *язь*, а правильное *вязь*, потому что от *вязать*». На вопрос, что же в ней

Эту статью мы перепечатаваем с некоторыми сокращениями из журнала «Мовознавство» (1967, № 1). Перевод С. Е. Морозовой

связано, старик смутился и ответил: «Не знаю — говорят и так и так». А на самом деле, как показывает этимология, первична именно форма *язь* — она имеет точные соответствия в других славянских языках (русское и белорусское *язь*, польское *jaz*, верхнелужицкое и нижнелужицкое *jaz* и т. д.), что свидетельствует о праславянском происхождении этого в конечном счете этимологически не выясненного, загадочного названия.

Существование в нашем языке конкурирующих вариантов *язь* и *вязь* говорит о том, что носители языка стараются как-то объяснить необъяснимое, мотивировать немотивированное. Это мотивирование может быть случайным и логически несостоятельным, как и в случае с нашим рыбаком — типичным представителем носителей языка, — однако оно существует объективно и имеет психологическую обоснованность. В данном случае перед нами процесс так называемой народной этимологии, под которой следует понимать вторичное сближение двух паронимических, т. е. подобных по звучанию слов с целью мотивирования одного из них. Некоторые ученые недооценивают это важное лингвистическое явление. А в нем проявляется общая тенденция к сокращению немотивированных словесных знаков. Такая тенденция, как правило, не осознается носителями языка, но остается двигательной силой, точнее — одной из двигательных сил языкового развития.

Следует решительно разграничивать народную этимологию — такой же объективный процесс языкового развития, как и все другие, и псевдоэтимологию, то есть примитивное этимологизирование дилетантов, ненужное и в принципе вредное для науки. Народная этимология — процесс длительный и общественный, в котором так или иначе принимают участие массы носителей языка, тогда как псевдоэтимология — занятие или развлечение отдельных лиц. Ученые-этимологи мало еще популяризируют свою науку. Поэтому любительские этимологии встречаются даже у высокообразованных в филологическом отношении писателей. Так, поэт С. Маршак словообразование *баба-яга* производил из татарского *бабай-ага* ‘старый дядя’, которым будто бы пугали детей во времена Батые (В. Берестов. Встречи с Маршаком. — «Юность», 1966, 6). Однако достаточно заглянуть в любой этимологический словарь славянского языка, чтобы узнать, что *баба*, *яга* и *баба-яга* — это славянские и праславянские образования. Первоначально *баба-яга* обозначало ‘злая баба’. Народная этимология имеет определенную психико-лингвистическую почву, т. е. исходит из тех или иных общих психологических и языковых требований, тогда как псевдоэтимология — это случайные, единичные факты. Наконец, благодаря процессу народной этимологии в системе лексики устанавливаются новые семантические связи, к чему, понятно, не приводит псевдоэтимология.

Новые семантические связи между словами, установившиеся в языке вследствие народной этимологии, могут быть достаточно

Sprachpflege

Вот уже почти 17 лет издается в Германской Демократической Республике ежемесячник «Sprachpflege. Zeitschrift für gutes Deutsch» («Забота о языке. Журнал по вопросам культуры немецкой речи») — орган Лейпцигского государственного библиографического института. Журнал, освещающий актуальные вопросы исключительно немецкого языка, «Шпрахпфлеге» завоевал широкую популярность не только в ГДР, но и далеко за ее пределами и особенно у читателей-знатоков немецкого языка у нас в СССР. Несмотря на небольшие размеры ежемесячника (в среднем 21 страница), редакция журнала (ответственный редактор Хельмут Людвиг) умелым подбором материала удовлетворяет самые разнообразные вкусы ревнителей немецкой словесности, воспитывая вместе с тем взыскательную любовь к немецкому слову.

Первую половину журнала занимают обычно довольно обширные и

серьезные публикации по различным вопросам грамматики, словаря, стилистики, фонетики, орфографии и истории немецкого языка. Среди авторов статей такие видные немецкие языковеды, как профессора Г. Беккер, И. Дикман, В. Шмидт, Г. Флемминг, Э. Кёльвел, Ф. Гросе и др. Печатаются в журнале и советские германисты, в первую очередь здесь следует упомянуть публикации по стилистике профессора Э. Ризель.

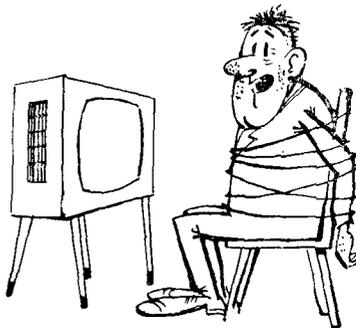
В течение нескольких лет на страницах журнала шла оживленная дискуссия, начатая в 1959 году (№ 9), по вопросу: существует ли тенденция в современном немецком языке к «разрыхлению» рамочной конструкции предложения, суть которой (конструкции) состоит в том, что смысловой глагол (или глагольная приставка), будучи частью сложного времени, стоит непременно в абсолютном конце предложения (в свое время эта особенность немецкого предложения была едко осмеяна Марком Твенем).

В 1964 году (№ 7) редакция журнала открыла дискуссию по вопросу: необходимо, желательно или неуместно бороться с модными словами и выражениями? — обратившись к ученым, лекторам, редакторам, учителям с просьбой назвать пять самых употребительных модных слов. Любопытно, что из 18 публикаций получилась настолько обшир-

ная (некоторые авторы давали более широкий список) и «разношерстная» группа слов и выражений, что привести их к общему знаменателю из пяти наиболее популярных «претендентов» оказалось невозможно.

Среди обсуждаемых тем нельзя не упомянуть непрекращающуюся дискуссию о реформе немецкой орфографии и в первую очередь об упразднении прописной буквы при написании существительных. Это правило порождает большой разнобой (и, кстати, существенную часть конкретных вопросов читателей в разделе «Совет и справка») в случаях неясной субстантивации (или при перепечатке газетных заголовков, объявлений, рекламы и т. п., когда все буквы одинакового «роста»). К слову сказать, аналогичная ситуация в Дании была окончательно ликвидирована в 1966 году, когда, наконец, все датские газеты стали печатать существительные со строчной буквы. Понятно, что наличие трех государств — ГДР, ФРГ и Австрии — с немецкой письменностью осложняет проведение орфографической реформы.

Далее в журнале следуют короткие разделы: «Разное», «Мнение читателя», «Сквозь смех и слезы», «Совет и справка», «Вопросы иностранцев», «Коротко о статьях и книгах». Для этих разделов характерно большое внимание к письменной речи. Читатели часто пишут о различных ошибках, замеченных ими в языке газет, объявлений, рекламы и т. д. А редакция в разделе «Сквозь смех и слезы» откликается ироническими эпиграммами на конкретные несообразности в материалах прессы. Традиционной является и другая страничка юмора: на рисунке изображено слишком буквальное понимание слова или текста, помещенного ниже.

— Этот детектив меня пленил!

— Я не буду входить: у меня грязные ноги.

— Ах, не беспокойтесь, пожалуйста, господин Мюллер. Вам вовсе не обязательно снимать ботинки!

Регулярно журнал отвечает на разнообразные вопросы читателей о языке, в том числе и на вопросы иностранцев, значительную часть которых составляют вопросы преподавателей немецкого языка в СССР. Понятно, что вопросы иностранцев касаются в основном таких случаев словоупотребления, в которых коренные жители Германии легко могут разобраться сами и разъяснение

которых не представляет, видимо, для них особого интереса. (Так, для русского не встает вопрос, какое из двух выражений в смысле «Я не скажу» правильно: «Я не хочу говорить» или «Я не хочу сказать».) Тем более приятно отметить доброжелательность и внимание, с которыми

«Шпрахфлеге» относится к публикации ответов на вопросы иностранцев. Это в свою очередь является одним из факторов, способствующих интернациональной популярности журнала.

В. Я. МЫРКИН,
доцент Архангельского пединститута

Профессиональные языки и общенародный язык

Сопоставление терминов «специальный профессиональный язык» (Fachsprache) и «общенародный язык» (Gemeinsprache) ведет нас к научной проблеме, которая привлекает в настоящее время все большее внимание. Как известно, язык, будучи материальной оболочкой мышления и средством общественного взаимопонимания, представляет собой во многих отношениях сложное явление. Так, современный немецкий в Мекленбурге звучит иначе, чем в Саксонии или в Баварии, он отличен в официальном и частном общении, в повседневной жизни и в торжественных случаях, в научной лаборатории и на охоте. Являясь инструментом взаимопонимания, язык приспособляется к разнообразным условиям и требованиям общественной коммуникации; в результате возникают самые разные формы функционирования языка.

Если исходить из общественного характера языка, то он всегда остается общим, общенародным языком, ибо во всех своих проявлениях служит средством общения для большего или меньшего человеческого коллектива. Но уже эта формулировка показывает, что данное

понятие относительно. «Общенародный язык» всегда взаимодействует с другими формами существования языка, в сравнении с которыми у него большая область применения. Так, он, с одной стороны, отличается от диалектов и областных говоров, поскольку преодолевает их местную ограниченность, с другой — от различных специальных языков, ограниченных в употреблении определенными предметными сферами и социальными группировками. Мы понимаем под «общенародным языком» такую форму немецкого языка, которая действительна на всей немецкой территории, понятна всем представителям языкового общества и используется для общего, не связанного узкоспециальной темой, обмена мыслями.

При всем том этот термин предполагает такое единство, которое остается понятием идеальным. В языковой действительности в строгом смысле слова нет единого общенародного немецкого языка. Прежде всего он реализуется в формах письменного (Schriftsprache) и устного литературного языка (Hochsprache), которые отличаются от прочих форм тем, что их нормы, санкционирован-

ные коллективным употреблением языка, собраны и описаны, т. е. кодифицированы. Различие между письменным и устным литературным языком проявляется в различии способа их выражения. Устный литературный язык используется сравнительно редко, например, на театральной сцене при постановке классической драмы или в официальных ситуациях при торжественных случаях. Иногда термин «литературный язык» употребляется как для устной, так и для письменной формы кодифицированного общенародного языка.

К общенародным формам языка можно также отнести — правда с определенными ограничениями — так называемый «обиходный язык» (*Umgangssprache*). Речь идет об особом слое языка, расположенном между литературным языком и диалектами. Обиходный язык следует рассматривать как продукт взаимодействия литературного языка и диалектов: он возник как средство взаимопонимания, которое преодолевает местную ограниченность диалектов, возвышаясь над ними. Нельзя, однако, слишком буквально понимать «общенародный характер» обиходного языка. Во всяком случае мы различаем сейчас в зависимости от степени распространенности наряду с литературным обиходным языком, имеющим общенародную значимость, также и местные обиходные языки различного диапазона действия.

Профессиональные языки не принадлежат к общенародным формам языка, они включаются в понятие специальных языков (*Sondersprachen*). Следует подчеркнуть, что специальный язык нельзя считать самостоятельным — с собственной грамматической структурой и словарным фондом. Речь идет лишь об особой

форме общенародного языка, проявляющейся в первую очередь в словарном составе; при этом, правда, могут обнаружиться и некоторые грамматические и стилистические особенности. В этом вопросе терминологический разнобой не менее велик, чем в вопросе об общенародных формах языка. В лингвистической литературе употребляются такие термины, как «сословный», «специальный», «профессиональный», «групповой», «классовый язык», а также «жаргон», но понятийное различие между ними не выявлено пока достаточно удовлетворительно. Тем не менее представляется разумным различать «групповые» и «профессиональные языки».

Под «групповыми языками» (*Gruppensprachen*) можно объединить такие специальные формы, которые возникают в среде определенных социальных группировок с общими условиями жизни, а употребление языка указывает на принадлежность говорящего к определенной социальной группе. Подобные группировки образуются или образовались, в частности, в среде солдат, охотников, школьников, студентов, воров и мошенников. Внутри таких группировок, естественно, возникает стремление путем своеобразного способа выражения обособиться от других социальных слоев; это языковое обособление выполняет порой даже маскировочную функцию (тайный язык, воровской язык). Характерным признаком групповых языков является то, что их специальные выражения существуют в виде дублетов общенародных слов. Среди групповых языков следует различать два вида, которые традиционно называются «сословными» (*Standessprachen*) или «классовыми языками» (*Klassensprachen*), к ним относится и так назы-

аемый «воровской, или блатной язык» (Rotwelsch).

Вторую группу специальных языков образуют «профессиональные языки». Они принципиально отличаются от групповых прежде всего тем, что не являются выражением и результатом стремления отдельных социальных группировок к языковому обособлению; их возникновение обязано определенным условиям. Как уже говорит название, имеются в виду такие формы функционирования языка, которые обеспечивают деловое общение между специалистами в различных сферах науки и техники, экономики, политики и культуры. Специальные средства профессиональных языков служат для предметно обоснованного выражения, для точного и дифференцированного обозначения обстоятельств дела в названных профессиональных областях. Профессиональные слова выступают, таким образом, не как дублиеты соответствующих общенародных выражений; напротив, они углубляют, расширяют, специализируют общенародный словарный состав.

Единого, повсеместно признанного понятия «профессиональный язык» пока не существует, так как лингвистическая теория лишь в последнее время стала более интенсивно заниматься этим вопросом. Часто профессиональный язык определяют как «специальный словарный состав» (Sonderwortschatz). Безусловно верно, что главные предметы профессионального языка содержатся в словаре: специальные словари, скажем, медицины или строительного дела так отчетливо обособлены от общенародного словаря, что должны считаться главным компонентом профессиональных языков этих областей. Профессиональный словарь по-

зволяет точно и дифференцированно обозначать предметы, что необходимо в языковой коммуникации для научных и практических целей. Однако в то же время мы скептически относимся к пониманию профессионального языка как функционального стиля.

Определение профессионального языка как функционального стиля будет бесспорно верным лишь в том случае, если принимать во внимание только синтаксические особенности языка. Действительно, одна из отличительных черт профессионального языка состоит в отборе и особом употреблении грамматических — а также и нетерминологических лексических — средств. Тем не менее исчерпывающая характеристика профессионального языка невозможна без соответствующего учета специфической профессиональной лексики (т. е. терминологии). Но профессиональный словарь находится в особом положении, нежели нетерминологические лексические и грамматические элементы какого-либо специального текста. Эти два последних вида языковых средств в профессиональном тексте подбираются по определенным правилам из общенародного языкового резервуара и получают здесь преимущественное употребление. Это-то и является критерием функционального стиля, а именно: функционально обусловленное использование главным образом общенародных языковых средств выражения. Собственной профессиональной грамматики не существует. Другое дело — профессиональный словарь. Он не имеет общенародного характера и принадлежит лишь ограниченной сфере лексической системы. Здесь осуществляется, следовательно, не отбор из фонда общенародных языковых средств, а употребление

массива профессиональных слов, находящегося вне языковой системы общенародного словарного фонда.

Учитывая эту особенность, мы должны согласиться, что профессиональный язык есть нечто большее, чем функциональный стиль речи. Но он есть также нечто большее, чем специальный словарь. Следовательно, чтобы понять сущность профессионального языка, надо принимать во внимание в равной степени обе стороны рассматриваемого явления.

Профессиональные словари различных областей оказывают теперь все большее воздействие на словарный состав общенародного языка. Это — следствие того, что наша повседневная жизнь все в большей степени определяется развитием экономики и политики, науки и техники.

Такое глубоко идущее воздействие научно-технического развития на мышление людей должно, естественно, отразиться на материальной оболочке мышления — языке. И это находит отражение прежде всего в разрастании профессиональных языков науки и техники. Так как все формы функционирования языка, которые в определенный период времени сосуществуют, оказывают друг на друга, как известно, взаимодействие, то следует считать, что с обогащением и распространением профессиональных языков науки и техники воздействию подвергается и общенародный язык. Это тем вероятнее, чем теснее обширная часть взрослого населения входит в соприкосновение с профессиональными языками, продолжая свое образование и повышая квалификацию. В том же направлении оказывает влияние на молодежь политехническое обучение и воспитание в общеобразовательной школе. Наконец, все члены общества подвергаются языковому воздействию на-

учно-популярной литературы, научно-популярных статей прессы, радио, телевидения, кино. Особенное значение имеет производственная пропаганда, которая, используя средства массовой коммуникации, знакомит трудящихся всех важнейших профессиональных отраслей с научным мышлением и техническими знаниями.

Общественное развитие, находясь под все большим воздействием науки и техники, ведет к возрастанию «интеллектуализации» общенародного языка [авторы указывают, что термин в этом значении заимствован ими у чешского лингвиста Б. Гавранка.— В. М.]. Интеллектуализация затрагивает сначала профессиональные языки, а потом — под влиянием последних — также и общенародный язык.

Интеллектуализация лексики общенародного языка под влиянием профессиональных языков науки и техники состоит в следующем:

1) специальные выражения для предметов и явлений духовной и материальной культуры проникают из профессиональных языков в общенародный;

2) потребность в новых названиях, которая возникает в связи с развитием материальной культуры, удовлетворяется за счет специализации уже имеющихся общенародных слов;

3) предпочтению отдается специализированным выражениям, которые отличаются однозначностью;

4) часто используются выражения (главным образом абстрактные) с широким объемом значения, служащие для обобщения.

Профессор доктор
В. ШМИДТ и доктор И. ШЕРЦБЕРГ

Перевел с немецкого
В. Я. МЫРКИН

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

**Приглашаем вас принять участие
в первом коллективном обзоре
языка и стиля центральных
периодических изданий.**

**Прочтите внимательно
номера газет «Советская Россия»,
«Комсомольская правда»,
«Труд», «Сельская жизнь»
(по вашему выбору)
за первую половину декабря
1968 года.**

**Ваши замечания о языке и стиле,
об особенностях словоупотребления,
о языковых находках и ошибках
просим присылать в редакцию
журнала «Русская речь»
не позднее
1 января 1969 года.**

**Лучшие письма читателей
будут опубликованы
в 3—4-м номерах журнала
в будущем году.**

Редакция

Читательские обзоры языка и стиля
периодических изданий журнал планирует
проводить регулярно.

Поэма «Русской рези»

● Уважаемый товарищ!

В редакцию газеты «Советская Россия» пришло письмо:

У нас принято обращаться к незнакомым людям на «Вы», к близким на «ты». Исходя из этого, я считаю, что при обращении на «Вы», когда мы проявляем особое уважение к человеку, надо говорить так: «Уважаемые товарищ Иванов» или «Уважаемые Иван Иванович». А к близкому, при обращении на «ты»: «Уважаемый товарищ Иванов» или «Уважаемый Иван Иванович». Именно так всегда и делаю. Но вот когда я получаю письма от незнакомых людей или из редакций газет и журналов, то ко мне обращаются так: «Уважаемый товарищ Александров».

М. А. АЛЕКСАНДРОВ

(г. Валдай Новгородской области)

Предлагаемые М. А. Александровым формы вежливого обращения не соответствуют нормам современного литературного языка, так как в русском языке всякое определение, выраженное именем прилагательным, обязательно согласуется с определяемым существительным в числе: уважаемый товарищ, дорогой друг, глубокоуважаемый коллега и т. п. Так следует писать и говорить.

Заблуждение нашего читателя происходит, видимо, от старых форм обращения: ваше сиятельство, ваше степенство; в народном языке — ваша милость, ваше здоровье.

В современном литературном языке вежливая форма влечет за собой употребление множественного числа, но только у сказуемого, выраженного спрягаемым глаголом или кратким прилагательным, да еще у некоторых зависимых слов, но только не в обращении: «Вы сами это заметили, дорогой Иван Иванович», «Вы больны, дорогой товарищ».

Следует заметить, что в прошлом веке, как и до сих пор в областных русских говорах, множественное число употребляется гораздо чаще, чем в современной литературной речи, и при обращении на «Вы», и даже в третьем лице. Теперь еще можно услышать в просторечии: «Мария Ивановна работают учительницей» (вместо «работает»).

А вот примеры из русских классиков с устаревшими формами речи: «Вы повели себя исправно. Давно полковники, а служите недавно», «Скажите лучше, почему Вы с барышней скромны, а

с горнишной повесы» (Грибоедов. Горе от ума); «Изволили граф жить у Калужских ворот, на Шабловке» (Тургенев. Одиногорец Овсянников); «Может быть, Гордей Карпыч хотят в Москве выдать Любовь Гордеевну» (Островский. Бедность не порок).

В. Я. ДЕРЯГИН

● С мнением или со мнением?

«Как следует говорить и писать: *Согласиться с мнением* или *согласиться со мнением*?» — спрашивает нас читатель С. Д. Кудрявцев (г. Новая Каховка).

В русском литературном языке некоторые предлоги имеют два варианта: *с* и *со*, *без* и *безо*, *под* и *подо* и т. п. Употребление предлогов с гласным *о* возможно только перед некоторыми словами, начинающимися с сочетания согласных. Например: с морозом — со мной, без воды — безо всего. Однако только: под крышей, с красным и т. п.

Предлог *со* обязателен только перед словом *мной*, *весь*: *со мной*, *со всем*, *со всеми*. Во всех остальных случаях, когда возможен вариант предлога *со*, одинаково допустимы варианты *со* и *с*: *со многими* и *с многими*, *со львом* и *с львом*, *со снегом* и *с снегом*, *со мнением* и *с мнением*.

Впрочем, в данном случае в устной речи предпочтительнее, пожалуй, вариант *с мнением*. Ведь, если сказать *со мнением*, то может возникнуть нежелательная ассоциация: это сочетание может быть понято как *с сомнением*. На письме оба варианта одинаково допустимы.

С. М. КУЗЬМИНА

● Туннель или тоннель

Читатель И. С. Тихонов (г. Ленинград) спрашивает: «Как правильно писать: *туннель* или *тоннель*? Чем объясняется двойное написание этого слова?».

Вариантность в языке — явление нередкое и неизбежное, исторически обусловленное. Особенно часто встречаются варианты заимствованных слов. Слово *туннель* заимствовано из английского языка. *Туннель*, очевидно, передает английскую орфографию этого слова — *tunnel*, а *тоннель* — английское произношение [tʌnel], где энергичный краткий звук [ʌ] воспринимается как [o].

Различие в написании этого слова существовало уже в прошлом веке. Так, в «Энциклопедическом словаре» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона приведено написание *с у*, а в «Настольном словаре для справок по всем отраслям знаний» Ф. Г. Толя (1864) — *с о*. Более поздние словари и энциклопедии, как правило, дают оба написания. В современных словарях вариант *с у* считается основным, предпочтительным.

Б. З. БУКЧИНА

● Басурманин

А. Г. Колбасин из г. Губкина спрашивает: «Почему иноземца или иноверца, у нас называют то *басурманин*, то *бусурманин*? Интересно было бы узнать историю этого слова, т. е. откуда и какими путями оно пришло в русскую речь. У М. Ю. Лермонтова в стихотворении „Бородино“ встречается написание *бусурманин*, а у П. П. Ершова в сказке „Конек-Горбунок“ — *басурманин*».

Различие в написании форм *басурманин* и *бусурманин* вызвано тем, что они пришли к нам из арабского языка в разное время и через разные тюркские языки. Кроме названных двух форм русскому языку были известны и другие. В XIV—XV веках в памятниках встречается *бесермен*, *бесерменин* (с русским суффиксом единичности *-ин*), *бусроман* с тем же значением ‘мусульманин, иноверец’. У Афанасия Никитина находим *бесерман*, а позднее в письмах и бумагах Петра I — еще две формы *босурмак* и *басурманский*. Безударное *у* в тюркских языках было редуцированным, отсюда *о* и *а* в русской передаче. Все эти формы попали к нам непосредственно от киргизов или от кумыков. Без каких-либо изменений от кумыков была воспринята форма *бусурман*. *Бесермен* восходит к древнему тюркскому *бүсүрман*. Звук *й* передавался в русском языке либо как *у*, либо как *ь*, переходивший в *е*: *бьсьрмен* — *бесермен*, ср. *жемчуг* через *жьмчуг* из *жүйнчүг*. *Бесерменами* называли также сборщиков податей во времена татарского ига (М. Михельсон. Ходячие и меткие слова. СПб., 1896).

Большинство заимствованных форм, за исключением *бусурманин*, *басурманин*, исчезло, а существительное *бесермен(ин)* сохранилось в названии небольшой народности, живущей в пределах Удмуртской АССР, — *бесермяне*.

В русском литературном языке чаще употребляется и считается более правильным написание с *а* в первом слоге. Например, у Гоголя: «Выпьем за сечь, чтобы долго она стояла на погибель всему басурманству» (Тарас Бульба). А у Ершова есть даже производное — *басурманить* ‘обращать в мусульманскую веру’: «И нейдет ли царь Султан басурманить христиан» (Конек-Горбунок).

Все перечисленные слова восходят к арабскому существительному *муслим* ‘принявший ислам’, образованному от глагольного корня *салима* ‘быть благополучным, приветствовать, принимать ислам’ и приставки *ма-*. В персидском это слово получило показатель множественного числа *-ан* (муслиман) и в этой форме было усвоено тюркскими языками, но как единственное число. В тюркских языках оно подвергалось фонетическим изменениям: начальный *м* перешел в *б*, *л* в середине слова — в *р*, изменялась также и огласовка (муслиман — мусурман — бусурман — бүсүрман). Разнойой в передаче звуков объясняется и тем, что в арабской письменности гласные не обозначались.

В XVIII—XIX веках получают распространение более близкие

к арабскому оригиналу формы: мусельман, мусульман, мусюльман, мослемим, мосельман, мусурман (Н. Яновский. Новый сло-вотолкователь. СПб., 1803). В русском языке *басурманин* получало более широкое по сравнению с оригиналом значение — 'иноверец, иностранец'. И только в поздних формах *мусульманин*, *масульманин* сохранилось первоначальное значение слова. От того же арабского корня *салима* образованы *ислам* 'мусульманская вера', *селямлик* 'гостиная' и арабское приветствие *ассалам алейкум*. У Н. Яновского в «Новом сло-вотолкователе» есть еще и *исла-мизм* (т. е. производное в русском от *ислам*) с пояснением «учение Магометово».

Т. П. ТРУСОВА

● Дубина стоеросовая

Читатель А. П. Правда из Воронежа интересуется происхождением выражения *дубина стоеросовая* и предлагает два возможных объяснения: 1) 'то, что выросло в стоячем положении' и 2) 'имеющая сто еросов (сучков или еще чего-нибудь) — вроде дубина неотесанная'. Кроме того, читателя интересует, обязательно ли *дубина* должна быть *дубовой*.

Слово *дубина* действительно образовано от существительного *дуб*, которое когда-то имело значение 'дерево вообще, особенно лиственное'; впоследствии дубом стали называть только особую разновидность лиственных деревьев. Например, в переводах евангелия в одних списках читаем: «Дрѣво добро и плодъ его добръ, дрѣво зъло и плодъ его зълъ» (Остромирово евангелие. 1056—1057), а в другом: «Дубъ добръ и плод его добръ, дубъ гниль и плодъ его гниль» (Мстиславо-во евангелие. 1117), где в греческом оригинале словам *дубъ* и *дрѣво* соответствует существительное *дѣвдров* 'дерево'. Следы этого значения сохранились в наименовании любой лиственной роци — *дубрава*, *дуброва*. Сейчас связь слов *дуб* и *дубина* не кажется вполне очевидной, так как *дубина* может быть сделана из любого дерева.

В современном русском языке первоначальное употребление слова *дубина* расширилось: у него появилось переносное значение 'тупой, непонятливый или упрямый человек', которое и лежит в основе выражения *дубина стоеросовая*.

Слово *стоеросовый* в составе сочетания *стоеросовое дерево* впервые отметил В. И. Даль в «Толковом словаре», причем это выражение считается у него шуточным, что хорошо подтверждается примером: «Из какого дерева это сделано?» — «А кто его знает, должно быть, стоеросовое». Шутовое употребление этого выражения встречается также в «Сказке о Иване молодом сержанте» В. И. Даля:

И древа в том лесу стоеросовые,
На них шишки простые, не кокосовые.

М. Е. Салтыков-Щедрин употребляет в сатирической сказке «Орел-меценат» иное сочетание: «Пел он [соловей] искони так сладко, что не только сосны стоеросовые, но и московские гости-подворцы, слушая его, умилялись».

Чаще всего прилагательное *стоеросовый* в сочетании с существительным *дерево, дубина, болван, дурак, дура* и т. п. употребляется как часть бранного названия для глупого и тупого человека.

Вероятно, в прилагательном *стоеросовый* выделяются два корня: *стой(ать)* и *рос(т)*, соединенных гласным *э* ($e = й + \text{э}$). Но второй корень представлен не в своем обычном виде: *рост-* или *росл-*, в каком он находится в большинстве форм, особенно перед гласным. Что касается прошедшего времени, где форма мужского рода представлена в виде *рос*, то она получилась из более древнего **росль*, которое изменилось сначала в *росль* (ср. выпадение согласного *т* перед *л* в глаголах *плету* — *плёл*, *мету* — *мёл*), а затем после падения редуцированных в *рос* (ср. *несу* — *нёс* из *несль*). Трудно предположить, что сравнительно поздняя форма *рос*, изолированная употреблением только в прошедшем времени, могла лечь в основу сложного слова *стоеросовый*. Необычность словообразовательной стороны и ярко выраженный шутивно-эмоциональный характер прилагательного *стоеросовый* делают весьма вероятным предположение о его семинарском происхождении.

Студенты духовных семинарий, изучавшие латинский и греческий языки, позволяли себе ряд вольностей в обращении со словами как русскими, так и латинскими и греческими. Латинское *dostus* 'ученый' они превратили в *доку*, из греческого прилагательного $\mu\omicron\rho\omicron\varsigma$, 'глухой', был создан ими глагол *сморозить* 'сказать

глупость³, в русское слово *старушка* они внесли латинский суффикс, превратив в *старушенцию*. Иногда семинаристы даже создавали русско-латинские «крылатые выражения»: «Квис нон хабет клячам, пеши ходаре дебет» (кто не имеет клячи, пешком ходить должен), где самым причудливым образом смешаны не только слова, но и суффиксы и окончания.

Вероятно, именно такой характер носило и не дошедшее до нас слово *стоерос, которое по оформлению весьма напоминало греческое. На основе *стоерос/а* образовалось и странное прилагательное *стоеросовый*, деление которого на *сто + ерос (о-вый)* менее вероятно, ибо нам неизвестно слово *ерос, как и его значение.

Ж. Ж. Варбот указала на другую возможную этимологию «семинарского» прилагательного *стоеросовый*: оно возникло как переделка греческого *σταυρός* 'кол, шест, свая' в сочетании двух однозначных слов дубина — *σταυρός*, которое превратилось в речи семинаристов в *дубина стоеросовая*. В таком случае, первое этимологическое объяснение (стой-э-рос-ов-ый) можно будет считать результатом позднейшего народноэтимологического осмысления.

И. Г. ДОБРОДОМОВ